

**Российская Академия наук
Институт философии**

**МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ И КОНФЛИКТ
ЦЕННОСТЕЙ**

**Москва
1994**

Ответственный редактор: к.ф.н. С.Я.Матвеева

Авторы коллективного труда:

к.ф.н. *А.С.Ахизер* (главы 1, 2 §1; 10; 11),
д.ф.н. *Н.Н.Козлова* (глава 5), к.ф.н. *С.Я.Матвеева* (Введение, главы
1 §1,2; 2 §2, 3; 8), д.ф.н. *Э.А. Орлова* (главы 3, 4),
д.ф.н. *В.Г.Федотова* (главы 6, 7), *И.Г.Яковенко* (глава 9)

Рецензенты:

доктора филос.наук *П.С.Гуревич*, *А.С.Панарин*,
доктор исторических наук *И.Н.Осиновский*

М-74

**Модернизация в России и конфликт ценностей. -
М., 1993.- 250 с.**

Книга представляет собой первую в отечественной литературе попытку соотнести процессы социокультурной модернизации с цивилизационной спецификой России. Авторы анализируют проблему культурной детерминации социальных отношений, роль конфликта ценностей в развитии общества. Рассмотрено содержание ценностных сдвигов в обыденной культуре, политике, идеологии, науке, изменении в соотношении традиционализма, утилитаризма и либерализма как нравственных оснований общественной динамики. На основе проведенного исследования предложен социокультурный прогноз развития России.

ВВЕДЕНИЕ

Наше общество живет в ситуации начинающего осознавать себя разнообразия ценностей. Реабилитация недавно еще запретного слова плюрализм - условие разрешенной гласности, "джин, выпущенный из бутылки". Согласившись на плюрализм общество не овладело пока разнообразием ценностного содержания жизни в такой степени, чтобы разрешить ему укрепиться, развив демократические структуры, правила и институты. Оно только дало возможность многообразию открыть себя: тайному стать явным, шепоту - обратиться в крик. Но монолог, даже если он звучит очень громко, остается вне рамок и возможностей осмысленного разговора, всегда предполагающего учет мнений, позиций и ценностей собеседника. Битва монологов, идущая в обществе, свидетельствует того, что вырвавшееся на просторы публичности ценностное разнообразие нашей жизни являет себя как поляризованный мир, где ценности релятивизированы, где утрачены устойчивые ориентиры, понимание, что есть добро, а что есть зло, где путь назад, а где - вперед, где правда, а где ложь, где право, наконец, а где - лево. Подобное разнообразие превращается в столкновение, в конфликт ценностей.

Столкновение ценностей характерно не только для нашего общества. Выход за рамки локальных деревенских миров миллионов и миллионов крестьян, включение в мировое хозяйство десятков развивающихся стран Азии, Латинской Америки, Африки уже давно проблематизировали эту ситуацию. Долгий исторический путь пролег от того времени, когда передовой Европе открылось потрясающее разнообразие человеческих культур и цивилизаций, до сегодняшнего дня, когда это разнообразие предстает уже не как момент симпатий или антипатий, этнографического интереса, эстетического любования, но как необходимость взаимной работы представителей различных культур над общими проблемами, как совместный труд на одних и тех же предприятиях, как оптимизация экономических и политических связей, наконец, как единая задача сохранения планеты в условиях нарастания глобальных проблем.

В западной науке эта ситуация исследуется, начиная со второй половины XIX века. Теория модернизации, осмысляющая трансформации традиционных ценностей, структур, отношений в модернизированные, "современные", за прошлый и нынешний века успела сложиться в развитое направление в общественных науках, включающее множество аспектов, имеющих методологи-

ческое, теоретическое и прикладное значение. Ее разрабатывали такие крупнейшие ученые, как М.Вебер, Э.Дюркгейм, К.Маркс, Р.Парк, Ф.Теннис, Г.Беккер, М.Леви, Т.Парсонс, У.Ростоу, Дж.Грегор, Р.Рэдфилд, Ш.Эйзенштадт, Д.Рюшмейер, Г.Алмонд, А.Гершенкрон, Б.Мур и многие другие. В этих концепциях накоплен огромный теоретический опыт анализа процессов перехода от традиционного к индустриальному обществу, различные возможности, возникающие на этом пути, общие закономерности и особенности, связанные со спецификой общества и страны, переживающей модернизацию. Если органичная "первичная" модернизация, которую переживали переходящие от средневековья к новому времени западные общества, сближается с проблематикой генезиса капитализма, зарождения и становления буржуазных обществ, то вторичная, ускоренная, или опоздавшая модернизация связана с анализом обществ "второго" и "третьего" эшелонов, вступивших на путь модернизации позднее, чем начавшая ее Англия и некоторые другие страны Европы. Концептуальный арсенал теории модернизации использовался для анализа процессов, происходивших в Германии¹, но в наибольшей степени эта теория, а также конкурирующая с ней теория "зависимого развития" применялась для изучения процессов социальных и культурных изменений в обществах "третьего мира".

К сожалению, отечественная общественная наука, длительное время оставшаяся служанкой идеологии, до последних лет не обращалась - по крайней мере открыто, - к концепциям модернизации при изучении советского общества, России. Она видела в них объект критики и инструмент для изучения развивающихся стран, причем инструмент негодный в силу его порочной "буржуазной" идеологической основы. Само слово модернизация по отношению к культурным и социальным процессам, протекающим в нашем обществе, находилось под запретом. Подобный изоляционизм не мог пройти бесследно. Опасаясь сравнения и возможного схождения процессов, имеющих место в СССР и в развивающихся странах, идеологи и подчиненные им обществоведы сужали общественный кругозор. Политическое лидерство оказывалось обреченным на дилетантские импровизации в экономической, хозяйственной, культурной политике, а общество загонялось в ситуацию тупиковой модернизации, экстенсивного разбазаривания природных, культурных, человеческих ресурсов.

---

¹ См., например: *Wehler H.-U. Vorüberlegungen zur modernen deutschen Gesellschaftsgeschichte//Industrielle Gesellschaft und politischen System: Betr. zur polit.Sozialgeschichte. Bonn,1978; Wehler H.U. Modernisierungstheorien. Göttingen,1975.*

Несомненно, что не наука - источник сложившегося положения, и тем более не является им недооценка одной из многих социально-философских и социологических теорий, но тем не менее и дефицит современного исследовательского багажа и опыта, и снижение уровня рефлексии в обществе, и путь тупиковой модернизации, которым оно шло - звенья одной цепи.

Кажется естественным, рассматривая проблемы перехода от традиционных общественных структур к модернизированным в нашем обществе, обратиться к инструментарию, накопленному в теории модернизации, тем более, что этот путь апробирован зарубежными исследователями России². Когда американский историк С.Козн писал о СССР, что его нельзя называть "модернизированным" государством, ибо в нем "уживаются две страны: одна - современная и даже европеизированная, другая (включающая обширные сельские районы и провинцию) - сродни тому, что теоретики модернизации именуют развивающимися странами, или третьим миром"³, он выражал общераспространенное мнение западных ученых. Не будем сейчас спорить с таким подчеркнuto географическим подходом к вопросу о степени модернизованности общества, важнее другое: среди теоретиков модернизации распространен взгляд на возможность сложных переплетений модернизированных и традиционных элементов в рамках одного и того же общества. "Во многих обществах, - писал Д.Рюшемейер, - модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры. Часто такие социальные несообразности представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренные социальные изменения. Но нередко они закрепляются и сохраняются на протяжении поколений... Если давать формальное определение, то частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур"⁴.

Возможно, фактически, огромное число комбинаций, вызывающих дисгармоничность соотношений традиционного и модернизированного элементов в обществе. Погружение в это разнообразие и составляет суть и одновременно сложность изучения специфики модернизации в той или иной стране. Основная задача, настоящего исследования - осмысление специфики модернизации в России. Авторы пытаются предложить категориально-по-

2. См., например: *Shanin T. Russia as a "developing society"*. L., 1985.

3. Козн С. Большевизм и сталинизм // *Вопр. философии*. 1989. N7. С. 70.

4. См.: *Theorien des sozialen Wandels* / Hrsg. von Zapf W. Königstein, 1979. S. 382.

нятийный аппарат для изучения этих процессов. Важнейшее место здесь занимает изучение ценностного содержания человеческой жизни, того, что сами люди, социальные, профессиональные и демографические группы, субкультуры представляют важным и ценным для себя, как они видят общественные идеалы, какие выдвигаются в культуре образцы правильного, нравственного поведения. Авторы убеждены, что на основании таких складывающихся в общественной жизни, в культуре культурных "программ" рождаются и нормы, и социальные институты, их охраняющие. Срез изучения, связывающий рассмотрение ценностей с социальными отношениями, с организационными формами, деятельностью, человеческим поведением, находится в центре внимания в данной книге. Он выступает не только объектом внимания, но проблематизируется, становится предметом теоретических обобщений.

Само по себе переплетение традиционных и модернизированных элементов и структур в одном и том же обществе не обязательно приобретает негативные смыслы. Вполне возможно в достаточной степени мирное сосуществование старого с новым. К сожалению, однако, частичная модернизация открывает возможность патологического течения социальных процессов, что и произошло в России. Опасность возможных противостественных "склеек" еще и в том, что развитие модернизации, рождение новых, модернизированных структур может быть поставлено на службу традиционным структурам, поддерживать и даже активизировать традиционные ценности, вплоть до разрушения, подавления перспективных новшеств, "точек роста".

Общество, отошедшее от единомыслия, характерного для традиционности, утерявшее выросшие естественно-историческим путем "перегородки"-мембраны, амортизирующие встречу различных ценностей, переводящие их в некую взаимоприемлемую плоскость, и при этом заблудившись на дороге в современность, среда - перманентно рождающая конфликт ценностей. Не таково ли наше общество, ушедшее от лада традиционного образа жизни, но не нашедшее в себе сил для отказа от традиционных ценностей в пользу новых, только и могущих обеспечить жизнеспособность социальных и культурных процессов в современном мире? Конфликт ценностей как важнейшая составляющая социокультурной ситуации, то, что выше было названо битвой монологов, - результат длительного господства традиционных ценностей, попыток их адаптации в неадекватной более для этого среде.

Вместе с тем теория модернизации, в тех ее формах, которые были выработаны на эмпирическом материале стран "третьего

мира", Германии, западных стран, видимо, может быть принята лишь как некий ориентир. Обращение даже к тем конкретным разработкам, которые возникли из анализа "крестьянских обществ"⁵, не должны заслонять задачи исследования специфики отечественного опыта модернизации. Хотя практика последних семидесяти лет с ее искусственно подавляемыми, загоняемыми внутрь противоречиями и реально разрушенными традиционными и нетрадиционными укладами и утвердила некоторую типиковую ветвь модернизации, своеобразие России, ее социокультурные особенности таковы, что заслуживают создания оригинальных концептуальных разработок, выходящих за рамки тех, что возникли на базе изучения других обществ - все равно западных, или восточных. Здесь возможен упрек в стремлении к изоляционистскому поиску особых объяснений, все тех же поисков "особенной стати" отечественной культуры, общества и их проблем. Думаю, что в данном случае он безоснователен. Несомненно, необходимо принять и учесть общие теоретические положения теорий и концепций модернизации, но они не могут быть признаны достаточными для России, ибо эти концепции могут помочь понять лишь те аспекты культурных и социальных изменений, которые составляют всеобщее содержание этих изменений. За их границами остаются особенные и уникальные составляющие опыта культурного и социального развития, так как они специфичны для каждой отдельной страны. Особенности - в силу множества различий - исторических, геополитических, климатических, социальных, культурных и прочих. Уникальные - по определению. И уникальность российского опыта модернизации, и беспрецедентность результатов этого опыта требует погружения в имманентные глубины его содержания, и соответственно поиска самостоятельных подходов к изучению процессов модернизации в России.

Сегодня сложилась ситуация, когда на смену дискредитированного себя способа модернизации страны приходят новые концепции, и среди них концепция защиты, сохранения, возрождения и поддержки социокультурного разнообразия, различных укладов, форм жизни, деятельности, социальных отношений, обеспечения им свободы существования и функционирования. Вместе с тем анализ общественной и культурной ситуации показывает, что реально существующее культурное разнообразие противоречиво, неустойчиво, его элементы склонны обращаться

---

⁵ См., например: *Scott L.C. Moral Economy of the Peasant. Rebellion and subsistence in Southeast Asia & New Haven. L., 1976.*

один против другого, чему способствует противоречивость господствующего типа личности, слабость интеграционного механизма в обществе, включая формы и методы взаимосвязи культурного разнообразия, социально-культурных укладов, субкультур, отсутствие развитых товарно-денежных отношений. Это порождает определенную опасность хаоса, роста социальной напряженности и делает необходимой разработку пути к новой модернизированной культуре, к новому консенсусу перво-степенной задачей всего общества.

Данное исследование, завершенное в 1990 г. и тогда же рекомендованное Ученым советом к изданию, имеет целью:

- проанализировать содержание культуры в контексте идеи конфликта ценностей в российском обществе;

- разработать концепцию механизмов культурной детерминации социальных, в частности, модернизационных процессов;

- раскрыть содержание динамики традиционалистских и модернизационных ценностей в разных сферах культуры;

- показать возможности участия социальной науки, социокультурного подхода в разработке путей реформирования общества, конкретных программ и проблем социокультурной модернизации России, в частности, выявить условия, границы реформы, способствующей установлению, упрочению и развитию ценностного содержания культуры, направленной на эффективность деятельности, динамизм, прогресс, поддержку ценностей личности, ее свободы, развитие предпринимательских ценностей, позитивных инноваций.

Важная особенность исследования состоит в том, что его объектом прежде всего являются массовые социокультурные процессы, массовые ценности и лишь во вторую очередь их проявление, отражение в истории мысли, в научных, художественных произведениях, политических теориях и др. Анализу подвергалась динамика традиционных и модернизирующих тенденций в культуре, причем учитывалось, что сам традиционализм - сложное многоплановое явление, включающее различные формы, существующие в обществе, изменяющиеся и под влиянием внутренних причин, и под воздействием внешних обстоятельств, контакта с другими явлениями и ценностями. Авторам представлялась фактом, особо важным для России, во многом обусловившим специфику протекания модернизации, незрелость самого традиционализма, его архаичность, нераскрытость потенций многих традиционных форм культуры и рожденных на ее основе институтов.

В основу книги положена концепция, согласно которой Россия принадлежит к особому промежуточному типу цивилизации, где значительные пласты традиционной, статичного типа культуры сталкивались с ростками динамичной, индустриальной. Потрясенный, разрушающийся с 1861 года традиционализм нес ценности сохранения устойчивости, защищенности, комфортности жизни в рамках локальных миров, в нем господствовала древняя ориентация на адаптацию к внешней среде - природной и социальной, авторитаристские упования на сильную центральную власть. Традиционалистский ценностный комплекс пронизывался и постепенно размывался также идущим из почвы утилитаризмом, который включал постоянно возрастающие требования, обращенные к государству как источнику потребительских благ и ресурсов, но стимулировал также и развитие производительных форм деятельности.

Внутренние импульсы к развитию, обеспечиваемые идущим из почвы утилитаризмом, однако, не были достаточны для целей модернизации, особенно ускоренной. Навязанная сверху, она приобрела уродливые формы, фактически, обратилась против самих модернизирующих слоев, против ростков буржуазной культуры, развития товарно-денежных отношений, высших форм научного и художественного творчества и оказалась во власти традиционалистских ценностей, активизировавшихся в обществе в результате усиленных и неоднократных попыток их искоренить. Это вызвало взаиморазрушение как конструктивных инноваций в культуре, образах и стилях жизни, организации производства, так и сложившихся традиционных социально-культурных укладов, форм производства и образов жизни.

Социальный катаклизм 1917 года произошел на этапе, когда особенно обострились противоречия, вызванные быстрыми и неравномерными сдвигами в хозяйственных укладах и социально-экономических формах жизни. Упадок высших слоев традиционного общества в России не был компенсирован необходимым ростом новых элит. Конфликтность и одновременно слабость интеллигенции (оборотная сторона недостаточной модернизованности общества), привела к выдвиганию конкурирующих и подчас исключаяющих друг друга идейных, мировоззренческих, социально-политических концепций. На определенном этапе приоритетной стала идея радикальных социальных изменений. Недостаточность предпринимательства, недоразвитость товарно-денежных отношений, экономической инициативы в обществе, неспособность правящей элиты последовательно провести в жизнь требования модернизации сильно усложнили ситуацию.

Новые социальные слои, выступившие на арену политической жизни после катастрофы 1917 года, не смогли гармонизировать идущие процессы, направить модернизационные импульсы в сторону поддержания и развития ценности самодеятельной, саморазвивающейся, ответственной личности. Модернизация развертывалась согласно логике, продуцируемой массовыми ценностями, сформировавшимися к этому периоду.

Типичный носитель массовых ценностей к этому времени сохранил часть черт, идущих от традиционализма, хотя и несколько разрушенного послереформенными процессами XIX - начала XX в., и часть черт почвенного утилитаризма, приобретших преимущественно потребительскую ориентацию. В условиях бурного миграционного процесса подобное сочетание ценностей способствовало быстрому освоению новых форм жизни, т.е. достигнутого к тому времени уровня производства, внешних элементов городского образа жизни, однако препятствовало развитию более сложных форм труда, деятельности, творчества, культуры. Более того, развернулся массовый процесс упрощения культуры и социальных отношений, усилилась враждебность к носителям более сложных форм труда. Иными словами, освоение на массовом уровне отдельных ограниченных элементов индустриальной культуры и городского образа жизни сопровождалось уничтожением модернизированных выше этого уровня культурных форм. Высшей целью модернизации, как известно, стало сильное государство, что в общем согласовалось с давно утвердившейся в России традицией. Неверно было бы утверждать, что сильного государства требовали какие-то отдельные группы в обществе, заинтересованные в этом в силу своей специфической функции в общественном разделении труда или положения в иерархии власти, в системе управления обществом. Главной причиной выдвижения сильного государства как высшей ценности модернизации в России был социально-психологический механизм приобщения личности к государству как воплощению собственной силы этой личности. В конечном итоге утверждение "общественной собственности" на все богатства страны могло иметь место в условиях исключительной слабости частной собственности как массовой ценности и культурной нормы, отождествления всех и каждого в отдельности с государством, иллюзии могущества и защищенности человека, слившегося в единое целое с Державой. Отчасти это, видимо, было компенсацией, заменой чувства утерянной общности, естественной связи всех и каждого в рамках традиционного локального сообщества. Подобная замена оказалась необходимой из-за недостаточной гото-

ности личности к существованию вне этих связей и была, несомненно, свидетельством незрелости, невыработанности личности, ее неготовности к автономной жизни в новых, значительно более сложных условиях.

Современная социокультурная ситуация может быть осмыслена при учете этих предпосылок.

Согласно развиваемым представлениям, конфликт ценностей в нашем обществе - выражение его промежуточного, маргинального состояния: между статичным и динамичным социальным воспроизводством, между архаичной личностью и личностью, склонной к прогрессу, развитию, к поддержке системы ценностей, утвердившей себя в развитых обществах. Приходя к выводу о принадлежности России к особому типу промежуточной цивилизации, авторы пытаются осмыслить глубокое своеобразие общества. Это своеобразие выводится из изучения характерных типов личностной культуры и отдельных субкультур, сложившихся в стране, из рассмотрения тех пластов доиндустриальных, раннеиндустриальных, а то и просто архаичных ценностей, которые вновь и вновь бросают российское общество в путь по "замкнутому кругу", угрожая срывом прогрессивных реформ, препятствуя переходу общества к интенсивному динамичному общественному воспроизводству. В этом же русле находится идея определения *специфики социокультурной ситуации России через категорию раскола*. Последняя сложилась в русской философской традиции. В.С.Соловьев, И.Киреевский, Н.Бердяев, Г.Федотов и другие рассматривали раскол как одну из характернейших черт русской культуры. Культурный разрыв в общем-то характерен для всех развивающихся стран; различные, весьма отличающиеся друг от друга культуры в рамках одного общества существовали в западноевропейском средневековье. Но лишь в России расколу удалось овладеть обществом до его глубины, поляризовать его, превратить ценностное многообразие в конфликт ценностей, дошедший до конфликта цивилизационных типов в стране.

Эти процессы глубоко раскололи личность, и, фактически, основным объектом исследования в данной книге является "расколотый" человек современной России. Человек, который хочет жить в современном обществе, исповедуя архаичные ценности, сочетая ответственность на уровне своего рабочего места и собственной квартиры с желанием пользоваться новейшей техникой и технологией, по-прежнему сомневаясь в частной собственности, в ценности личности, подчас уповая на силу архаич-

ного, почти племенного "Мы", тогда как традиционные общности в их естественно-историческом виде уже не существуют.

Тема конфликта культур, столкновения культурных ценностей - это тема встречи архаичной личности с современной, тема противоречивости господствующего в обществе типа личности, застрявшего на пороге в современность, страдающего от разрушения традиционных ценностей. Тема конфликта ценностей культуры - это также часть более общей традиционной для культурологии темы единства и разнообразия культур. В отечественной культур-философской литературе к ней постоянно обращаются историки и философы. Так, М.Гефтер рассматривает Россию как микромодель мира, осмысляя тему в историко-культурном ключе, Г.Померанц анализирует эту тему через призму взаимодействия цивилизаций, традиций мировых религий, через евразийскую сущность российского пограничья. Перечисленные повороты - не единственные возможности подхода к этой теме. Существуют традиционные направления этнокультурных и социологических исследований, рассматривающих соответственно проблему взаимоотношения культур различных этносов, субкультур различных классов, слоев, групп общества. Авторы данного труда сосредоточились на социокультурном подходе к анализу проблемы конфликта ценностей. Рассматривая ценностное содержание культуры как феномен духовной жизни, они одновременно соотносят его с реальным общественным субъектом, рассматриваемым на основных его уровнях: общества, групп, личности. Советское общество, как оно сложилось после 1917 года, получает в книге определение "общества низшего класса", что при всей исходной метафоричности и даже парадоксальности этого определения предстает как вывод из анализа ценностей, утверждаемых в качестве господствующих на общесоциальном уровне.

Значительное место в труде уделено динамике традиционалистских и модернизационных ценностей в формах культуры. Столкновение позиций, отражающих драматические процессы перемен, прослежены в обыденной культуре, философии, социальной науке, в политологии и политической культуре, которая с особой силой отражает попытки демократических сил общества "пробиться" к культуре либеральной цивилизации: гражданскому обществу, правовому государству, общечеловеческим ценностям.

Выявление ценностных оснований российской культуры, их укорененности в истории и социальной структуре общества, изучение динамики ценностных ориентаций на уровне групп и в отдельных формах культуры дает основание для разработки при-

кладных аспектов социокультурных исследований. В книге анализируются возможности становления нового социального субъекта, способного осуществить поворот к органическому развитию общества, к социокультурной модернизации. На пути его - решение сложных проблем достижения политического консенсуса, что требует изживания глубинного конфликта ценностей; выработка эффективной культурной политики, позволяющей использовать научное знание для решения практических задач модернизации общества; достаточно глубокие изменения ценностного содержания культуры, нуждающиеся в массовом распространении, чтобы превратиться в ресурс для общественного развития. Авторы пытаются разработать научные основания для прогрессивных социальных реформ, методологию социокультурного прогноза, осмыслить проблему конфликта ценностей в понятиях социокультурной теории и тем самым сделать шаг вперед на пути к тому изживанию конфликта ценностей, который препятствует осуществлению модернизационных сдвигов в обществе, его гуманизации, повышению ценности человека, его жизни, свободы, творчества во всех сферах деятельности. Предлагаемый теоретический инструментарий нацелен на анализ условий, необходимых для успеха реформы. Эти условия, как убеждены авторы, - не могут не вытекать из специфики общества, его социокультурной ситуации, из исторической динамики, в конечном счете из культурологической типологии личности, конкретно-исторического типа человека, формирующего общество и в свою очередь формируемого им самим. Конфликт ценностей, связанных с разрушением традиционной культуры, есть одновременно процесс рождения свободной, ответственной, самостоятельной личности, становление цивилизации и культуры, опирающейся на эту личность. Этот процесс - драматический, не исключаяющий опасности катастрофических срывов, - составляет важнейшее содержание ценностных сдвигов, необходимых для социокультурной модернизации России.

Часть первая

ЧЕЛОВЕК И ЦЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Глава I

ЦЕННОСТИ, КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

I. Теория культуры - методологическое основание изучения ценностей

Культура неуклонно перемещается в центр социально-философских, социологических, всех гуманитарных исследований. Она не может рассматриваться как некое отражение, нечто вторичное по отношению к каким-то характеристикам человека. Ее нельзя рассматривать как нечто лишённое своей собственной реальности и светящееся отраженным светом, идущим то ли от утилитарно-экономических потребностей, то ли от материальной реальности. Понимание, объяснение культуры тяготеет к совпадению, слиянию с пониманием, объяснением человека как творческого самосозидающего субъекта, формирующего и стремящегося воплотить всю систему своих ценностей.

Возрастающий интерес к культуре объясняется не только стремлением к самопознанию, самообъяснению, но и таким мощным, приобретающим все большую значимость фактором, как необходимость освоить механизмы усложняющегося мира, механизмы сам-изменения, самоосвоения человека, опосредованных динамикой его ценностей. Мир становится все более сложным, динамичным. Это особенно важно для тех стран и народов, которые переживают крутые переломы в своем развитии, в динамике социокультурной жизни, в попытках преодолеть подчас острейшие противоречия и конфликты. Это в первую очередь касается тех стран, которые переживают модернизацию, находятся под воздействием уже модернизированных обществ, опирающихся на науку, на научно-технический прогресс. *Модернизация неизбежно связана с глубокими сдвигами не только в содержании ценностей, но и в самом механизме их изменения.*

Этот процесс не может быть понят в отрыве от культуры, от специфики науки, изучающей эти проблемы.

Культура осознается не только как организованный концентрированный, сфокусированный особым образом опыт всей предшествующей истории, как воплощение прекрасного, полезного, мудрого и т.д., но и как *особая реальность*. Она постоянно ускользает от человека и одновременно лежит в основе его напряженного, ценностно ориентированного существования. Культура - нечто внешнее для человека и одновременно содержание его сознания и деятельности. Она всегда между внешним и внутренним, предмет поиска, фокус-проблема всемирно-исторической и повседневной жизни. Ценности составляют необходимый ее элемент.

В философии проблема ценностей рассматривается в неразрывной связи с определением сущности человека, его творческой природы, его способности созидать мир и самого себя в соответствии с мерой своих ценностей. Человек формирует свои ценности, постоянно разрушает противоречия между сложившимся миром ценностей и антиценностями, использует ценности как инструмент поддержания своего жизненного мира, защиту от разрушающего воздействия энтропийных процессов, угрожающих рождаемой им реальности.

Ценностный подход к миру требует рассмотрения объективной реальности как результата человеческого самоутверждения; мир при таком подходе - прежде всего реальность, освоенная человеком, превращенная в содержание его деятельности, сознания, личностной культуры. Культурологическое рассмотрение человека сконцентрировано на его способности созидать и поддерживать свои ценности, мир своей деятельности, сознания и поведения.

Это, разумеется, не значит, что ценностным подходом исчерпывается отношение человека к миру. Это - лишь одна из возможных модальностей человеческого отношения к реальности и самому себе, существующая наряду с другими возможностями. Например, наука как феномен культуры и как особая когнитивная традиция культивирует иное отношение к миру, которое может быть представлено как наиболее адекватное воплощение предметной модальности¹. Последняя есть движение сознания и деятельности согласно логике предмета, углубление в предмет, рассмотрение мира как объективной реальности, очищенной от

---

¹ Ахиезер А.С. Культура, модальность, интерпретация// Категории и понятия марксистско-ленинской теории культуры. М., 1985.

субъекта и его ценностей. Вместе с тем и предметная модальность может быть рассмотрена как особым образом организованная система ценностей, рожденная определенным ценностным подходом и в конечном счете определенным культурным типом человека, для которого объективность, предметность, очищенность мира от субъективных предпочтений, от ценностей есть ни что иное, как высшая ценность. Культурология прежде всего направлена на выявление механизма превращения мира объективной реальности в культурный мир, представляющий реальное воплощение человеческих ценностей.

Возможны философский, социально-философский и культурологический подходы к проблеме ценностей культуры, причем первые выступают методологическим основанием для культурологии, рассматривающей культуру в качестве элемента деятельного механизма формирования человеческих смыслов, включая ценности. Культура в этом случае предстает результатом осмысления и переосмысления реальности, многообразных элементов механизма постоянного созидания и поддержания, сохранения и изменения ценностного мира в его максимальной конкретности, в противоречивом единстве, расчлененности и целостности. Культурология позволяет расчленить проблему воспроизводства ценностей, выделить в ней различные уровни. Общефилософская категория культуры в этом случае конкретизируется: через нее начинают проступать ценности и смыслы личностной культуры, культурные типы с их особыми ценностями. Создается методологическая основа для выделения двух проблем: культуры как родового планетарного богатства, определенным образом структурированного, ценностно ориентированного опыта всех предшествующих поколений, результата всей творческой деятельности человечества, с одной стороны, и личностной культуры как результата освоения всего культурного богатства отдельным индивидом, превращения отдельным человеком опыта человечества в содержание собственной деятельности, с другой стороны. Механизмы взаимополноценности и взаимодействия разных уровней культурных смыслов и ценностей, сложный противоречивый процесс превращения накопленного богатства культуры в содержание личностной культуры и одновременно переход личностной культуры в целостное культурное богатство есть важнейший аспект движущей силы развития культуры во всех ее формах.

Тем самым культура определяется как всеобщая основа человеческой деятельности, способности человека положить в фундамент своей деятельности, формирования смыслов и ценностей в постоянно обновляющемся мире накопленный опыт челове-

ства. Каждый акт деятельности включает использование субъектом всей унаследованной, освоенной им культуры, ценностей через сложившуюся ситуацию, интерпретацию непосредственной ситуации через освоенную, осваиваемую культуру, ее смыслы и ценности.

Культурология неизбежно держит в центре внимания ценности, мотивы человеческой деятельности, вплоть до ее единичного акта; она не конкурирует с многочисленными концепциями, доказывающими, что в основе поступков человека лежит некоторый достаточно ясный принцип, например, утилитарный интерес, подсознательные иррациональные импульсы, любовь к богу, злобное стремление навредить ближнему и т.д., но лишь требует, чтобы реальное значение для деятельности любого подобного принципа, их комбинаций доказывались непосредственно на материале самой культуры, вычитывались из нее, так как реальность мотивов лежит на уровне культурных ценностей. В противном случае они не превращаются в деятельность. Причем, эти ценности, мотивы могут быть существенно различны в культуре в целом, в отдельных субкультурах, личностных культурах. Кажущиеся самоочевидными общественные потребности, выдвигаемые теоретиками, прокламируемые теми или иными политическими группами, на деле могут быть некоторой экстраполяцией реальных ценностей, имеющих влияние в ограниченных субкультурах, а иногда и чистой фикцией. Попытки при решении практических проблем опереться на мотивы, которые невозможно обнаружить в культуре, могут иметь для общества далеко идущие негативные последствия, особенно когда речь идет о проблемах, затрагивающих многих людей. Например, вряд ли можно повысить эффективность труда экономическими стимулами в обществе, где сами эти стимулы рассматриваются как проявление мирового зла, как антиценность.

Опираясь на философский и социально-философский анализ человеческой деятельности культурология, по сути, рассматривает ценности прежде всего не только как результат человеческой деятельности, но как ее содержание, внутренний элемент, определяющий направленность, интенциональность, стремление человека воссоздать самого себя, всю реальность. В деятельности воплощается структура ценностей, заложенная в культуре. Это проявляется и во внутреннем расчленении культуры, в выявлении ее структуры, и в ее динамических характеристиках, в возможностях самих культурных изменений.

В процессе модернизации со всей драматической силой проявляется конфликт ценностей, выступающий в разных формах.

Важнейшая из них заключается в том, что конфликт ценностей скрывает под собой, по сути дела, всю систему конфликтов, противоречий в обществе. В этой связи особый интерес вызывает то обстоятельство, что общество в процессе модернизации сталкивается с ростом конфликта между культурой и социальными отношениями, который выступает одновременно и как конфликт ценностей жизни, не соответствующих новым модернизированным социальным отношениям с ценностями, связанными с новыми отношениями. Причем за каждой из систем ценностей стоят определенные социальные группы. Этот конфликт может осваиваться обществом, каждой социокультурной группой в своей субкультуре, в своих культурных традициях, например, через миф.

Крушение социальных отношений в мифе интерпретируется как результат борьбы сил зла и добра, где зло стремится сокрушить сложившиеся формы жизни, а силы добра, света разбивают в прах оковы, которые злые демоны коварно навязали людям. Осознание противоречия между культурой и социальными отношениями находит воплощение и в иных формах, например, как противоречие между культурой и цивилизацией, между развитием критической мысли и социальной реальностью, между идеалами эпохи просвещения и реальным образом жизни, между идеалом царства Божьего на земле и греховным миром, между идеалом научного коммунизма и формами отношений и т.д. Во всех случаях эти конфликты имеют и ценностную форму выражения. В категориальной форме эта проблема может быть понята как единство и одновременно противоположность социальных отношений, как проблема способности общества, соответствующего социального субъекта преодолеть противоречие между ними, т.е. способность субъекта придать этим противоречиям такую ценностную форму, которая способствовала бы возможности преодоления конфликта соответствующих групп. Эта проблема приобретает особую остроту при попытках различного рода реформ, перестроения, когда их неоднозначная ценностная интерпретация может усилить конфликты в обществе.

2. Воспроизводственная деятельность и ценности социальных отношений

Предмет культурологических исследований неизбежно постоянно выходит за рамки сложившейся культуры, понятой как некоторый результат, представленный в текстах, предметах, социальных отношениях и т.д. Исследования неизбежно сталкива-

ются с жизненной необходимостью для существования общества, человека выходить за собственные пределы, с необходимостью иметь в качестве своего предмета и нечто, находящееся вне культуры. Иначе говоря, в качестве ценностей, как это не странно, выступают внесультурные, еще не освоенные элементы реальности, т.е. нечто потенциально возможное, нечто находящееся на грани неосвоенного и освоенного. Важность этой проблемы заключается в том, что на первый план *при анализе модернизации выступает проблема ценности изменений, инноваций* в обществе, значимая для общества в целом, для каждой отдельной социальной группы.

Инновации, с одной стороны, всегда несут угрозу стабильности, распада и гибели общества, но с другой стороны, составляют содержание самой жизни, необходимое условие существования общества, способ поддержания, утверждения его бытия в изменяющемся мире. Человек всегда находится между страхом изменений, т.е. оценкой их как негативных ценностей, и жадной новых изменений - оценкой их как позитивных ценностей, между стремлением сохранить наработанную, унаследованную культуру и потребностью ее обогатить, изменить, возможно провести ее "чистку", переосмыслить уже ранее осмысленное, реорганизовать уже ранее организованное. Человек, социальная группа, общество должны решать проблему ценностей как преодоление противоположности полюсов дуальной оппозиции: позитивная ценность соответствующей инновации - она как негативная ценность.

Человек непрерывно оценивает и переоценивает элементы своей жизнедеятельности. Например, современный развитый город - это постоянное стремление организовать уже ранее организованное. Развитое динамичное предприятие - это постоянное стремление совершенствовать ранее созданную организацию в соответствии с новыми средствами, новыми целями и т.д. Культура, следовательно, всегда вопрос, всегда некоторая загадка, она всегда обращена к ранее неизвестному. Причем отгадка никому не известна и ее надо искать, формировать.

Социально значимая инновация в культуре всегда несет возможность инновации в социальных отношениях, изменений отношений людей в связи и по поводу некоторой совместной деятельности: производства вещей, людей, самих социальных отношений, идей и т.д. Это изменение составляет неотъемлемый элемент воспроизводственной деятельности человека, всех типов общественного воспроизводства.

Человек выступает как субъект воспроизводства. Он воспроизводит все, что имеет отношение к нему, воспроизводит самого

себя. При этом в процессе воспроизводства изменяются объективные условия деятельности, сам человек. Последний вырабатывает в себе новые качества, развивает способности, ранее неразвитые, создает новые способы общения, новые потребности и представления, новый язык и культуру, новые ценности и смыслы. Мы чаще говорим о производстве, чем о воспроизводстве, однако следует иметь в виду, что обе эти категории являются характеристиками творческой продуктивной деятельности человека. Однако они фиксируют внимание на разных ее аспектах, несут в себе различные структуры ценностей, переходят друг в друга и могут быть определены друг через друга. Иными словами, производство вместе с тем и есть воспроизводство. Категория производства направлена на ценность результата в виде материальных вещей, услуг, духовных продуктов. Эти результаты покидают производство и могут ему противостоять. Производство формируется как деятельность, развивающаяся по формуле: цель - средство - результат, т.е. каждый производственный цикл всегда есть воплощение некоторой цели, сформулированной еще до его начала. Человек нуждается в определенном жизнеобеспечении, которое выступает как цель, как ценности, как результат, опосредованный определенными условиями и соответствующими средствами.

Воспроизводство развивается по формуле: условие - средство - цель. Категория воспроизводства акцентирует внимание на способности человека производить, постоянно сохранять, восстанавливать, поддерживать, воспроизводить условия, средства и цели производства, всю систему связанных с производством отношений, т.е. воспроизводить систему ценностей как таковую. Производство, все его параметры есть результат воспроизводства. Иными словами, воспроизводственный акт есть воплощение способности человека постоянно себя восстанавливать вопреки различного рода негативным, а возможно и деструктивным внешним и внутренним факторам, обеспечивать свое существование, а возможно и развитие. Здесь высшей ценностью является человек. Результат воспроизводства постоянно снимается в новых условиях, средствах и целях, выступает как единство новых условий, средств и целей. Воспроизводство включает в себя не только воспроизводство человеческих отношений, но и воспроизводство самого человека в единстве со всей системой общественных отношений, со всей системой разделения труда, в единстве со всем содержанием культуры, ее ценностей. Конечный продукт воспроизводства есть действующий субъект. Воспроизводственная де-

тельность направлена на свое собственное воспроизводство, включая социальные отношения и культуру, на своего субъекта.

Существует три типа воспроизводства культуры и ее ценностей: деструктивное, простое (статичное) и интенсивное (динамичное).

Деструктивный тип воспроизводства характеризуется недостаточной способностью субъекта в силу тех или иных причин преодолевать внутренние и внешние противоречия, удерживать на минимальном для данного субъекта уровне эффективность воспроизводства. Этот тип связан с упадком культуры, утратой, разрушением ее ценностей, недостаточной способностью находить эффективные средства и цели, стабилизирующие ситуацию. Деструктивное воспроизводство никогда не является позитивной ценностью и сама возможность сползания к нему выступает в качестве стимула для повышения активности субъекта, его стремления предотвратить этот процесс, а возможно и перейти к более прогрессивному типу и уровню воспроизводства.

Простое (статичное) воспроизводство - один из основных типов, без которого невозможно поддержание культуры, жизнедеятельности общества. Оно в качестве высшей ценности и своей непосредственной цели предполагает поддержание достигнутого уровня эффективности на неизменном уровне, простое сохранение освоенного, воспроизводство накопленного. Простое воспроизводство есть механизм поддержания жизни, "машина" по преодолению времени. Девиз "завтра так же как сегодня, сегодня не хуже, чем вчера" - сущность и цель простого воспроизводства. Статичное воспроизводство нацелено на преодоление в каждом конкретном случае противоречий собственного развития через стремление в максимальной степени приобщиться к своей высшей ценности: идеалу неизменности. Это предполагает в первую очередь необходимость следовать некоторой мере преодоления противоречий, идущей из глубины прошлого. Преобладает стремление адаптироваться к сложившимся условиям, которые рассматриваются как естественные, заданные человеку и от него не зависящие. Организация жизни, сформировавшиеся ценности расцениваются как естественные, практически единственно возможные. Налицо боязнь скомпрометировать сложившиеся ценности и утратить в результате возможной их релятивизации устойчивость организации жизни, ее цель и смысл. В связи с этим критика исторически сложившегося уровня воспроизводства возможна лишь с позиций некоторого абсолютного идеала, укорененного в прошлом. Воспроизводственная деятельность при простом воспроизводстве противостоит инновациям, превыша-

ющим некоторый допустимый в данной культуре шаг новизны. Страх перед инновациями, а часто и возникающая по отношению к ним агрессивность, связаны с неспособностью определить смысл этих инноваций, неумением направить их на укрепление и развитие сложившихся смыслов, ценностей, опыта. Поэтому они большей частью из осторожности отвергаются как разрушительные, негативные, а те, что принимаются, концентрируются в основном в области условий деятельности, иными словами, предстают как внешние, заданные. В то же время инновациям в значительно большей степени преграждается путь в область средств деятельности и еще более в сферу ее целей. Такой тип воспроизводства характеризуется консерватизмом, стремлением субъекта воспроизводства не столько повышать эффективность результатов своей деятельности, сколько сохранять в неизменном виде унаследованную систему ценностей, отношений, исторически сложившийся уровень эффективности общественного воспроизводства. Этот тип воспроизводства одновременно также и тип культуры, который выступает как мощный механизм торможения социально-экономического развития общества, сохраняющий унаследованную от прошлого меру ответственности, квалификации, напряжения труда, отношений к миру, обществу, людям, самому себе.

Интенсивное (динамичное) воспроизводство - более высокий и развитый тип воспроизводства, возможный лишь при условии овладения статичным типом воспроизводства. Для него в первую очередь характерно иное, чем в простом воспроизводстве, отношение к инновациям. В оппозиции: "саморазвитие - неизменность общественного воспроизводства" субъект воспроизводства интенсивного типа стремится к первому полюсу, что обеспечивается его способностью осваивать и порождать инновации на всех уровнях (технических, организационных, экономических, культурных). Высшей ценностью здесь является повышение эффекта воспроизводства, поток инноваций. Это обеспечивает рост эффективности общественного воспроизводства, деятельности субъекта. Для типа культуры, соответствующего этому типу воспроизводства, свойственно позитивное отношение к развитию, совершенствованию личности, личностной культуры. Неизменность, покой, отсутствие инноваций может привести личность с такого типа культурой к психологическому и когнитивному диссонансу, т.е. инновации в данном случае выступают как необходимая ценность, одна из высших в иерархии ценностей. Этот тип воспроизводства динамичен, он противостоит "механизму тор-

можения" социально-экономического развития общества, нацелен на постоянное совершенствование личности и общества, на культивацию развития как свою значимую цель. В интенсивном типе воспроизводства осуществляется опережающее развитие культуры по сравнению с исторически сложившимися в ней представлениями о желаемых условиях, средствах и целях деятельности. Интенсивное воспроизводство есть прогрессивное воспроизводство, создающее условия для деятельности человека, направленной на совершенствование, на прогресс. Интенсивный тип воспроизводства и соответствующие ему типы культуры становятся господствующими лишь на определенном этапе истории, при определенных условиях и в ограниченных масштабах. Они не отменяют простого воспроизводства, но лишь отодвигают его в тень, оттесняют на задний план.

Реальный воспроизводственный процесс в различных обществах может представлять собой промежуточный вариант, сочетание обоих типов воспроизводства. Более того, в ограниченных масштабах одновременно может иметь место и деструктивное воспроизводство, как постоянно присутствующая угроза утраты достигнутого, антиценность, которую следует отодвигать, как негативный полюс, таящий в себе разрушительные смыслы.

Деструктивное воспроизводство имеет место в тех случаях, когда культура субъекта деятельности отстает от сложности общественного воспроизводства. В конечном счете это чревато ростом неспособности субъекта противостоять разрушительным энтропийным процессам, застою, снижению эффективности собственного труда, воспроизводства в целом. Деструкция развивается на основе недостаточного уровня личностной культуры людей, их ответственности, квалификации, при отставании ее развития в сравнении со сложностью проблем. Подобная ситуация создает условия для отчуждения человека от исторически сложившихся форм общественного воспроизводства, а возможно и безразличия к себе, к своей судьбе. Деструктивные процессы могут охватить культуру, общество, подвести к неспособности различать негативные и позитивные инновации, к снижению производства. Для этого воспроизводства характерна неспособность противостоять разрушению исторически сложившейся меры, обеспечивающей определенный уровень эффективности, преодоления противоречий между разными уровнями культуры, социальной организации и личностью. Этот тип воспроизводства представляет собой механизм упадка, торможения, саморазрушения.

Очевидно, что каждый из типов воспроизводства связан с особой системой ценностей, а модернизация является в той или

иной форме и степени попыткой перехода к интенсивному воспроизводству. Это означает, что модернизация связана с коренным изменением господствующей системы ценностей в обществе. Отсюда необходимость анализа механизмов, логики сдвигов в ценностях.

Воспроизводство культуры и социальных отношений есть по сути атрибуты целостной воспроизводственной деятельности человека. Воспроизводство культуры требует воспроизводства социальных отношений, некоторого сообщества-субъекта носителя (суб)культуры, который ее защищает, изменяет, разрушает. Воспроизводство социальных отношений немыслимо без всеобщего культурного основания, воплощающего в себе организованный опыт человечества, включая, кстати, и способность этот опыт преодолевать. Культура несет в себе вопрос - каковы должны быть социальные отношения, что следует в них изменить, какие связи сохранять, какие разрушить, какие социальные отношения представляются ценными, а какие несут в негативные ценности и т.д. Воспроизводственная деятельность любого социального субъекта всегда вопрос - как быть с унаследованными социальными отношениями. Культура всегда в той или иной форме несет ответ. В разных (суб)культурах он может быть существенно различен, даже противоположен. Ответы могут быть такими: сложившиеся отношения "незыблемы как мироздание, и сама мысль их изменить - нечто немыслимое", или "они - недостаточно эффективны и нужно искать пути их совершенствования" и т.д. Однако эти ответы, так как они опираются на организованный прошлый опыт, всегда абстрактны, т.е. всегда недостаточны в свете вполне определенных условий, наличия средств, изменившихся потребностей и т.д. Следовательно, хотя культура всегда дает некоторый ответ на поставленный вопрос, тем не менее парадоксальным образом вопрос и, следовательно, необходимость дать ответ всегда остается как не до конца сформулированная и тем более не до конца решенная проблема.

Каков же должен быть достаточно конкретный ответ? Может ли он быть любым, произвольным, как проявление иррационального духа Я или возможна ошибка, при которой неверный ответ, не соответствующий некоторой заданности, объективности, необходимости оплачивается катастрофическими последствиями, возможно гибелью не только множества людей, но и крахом социального порядка? Здесь весьма, казалось бы, умозрительная проблема понимания культуры как способности выхода человека за границы собственного Я превращается в проблему жизни и смерти общества.

Очевидно, что опасность такой ошибки, ее последствий тем больше, чем сложнее система, чем больше, разнообразнее, динамичнее связи в обществе. Очевидно, что последствия ошибки, которую делает человек, живущий в сельской общине из нескольких десятков человек и ошибки, которая затрагивает судьбы сотен миллионов людей принципиально различны и требуют принципиально иного подхода. Если в первом случае, чтобы избежать ошибки достаточно накапливать опыт обыденной культуры, опираться на метод проб и ошибок, то во втором случае сфера использования подобного метода должна все более ограничиваться. На его место должно встать последовательно научное изучение механизмов воспроизводственной деятельности, процесса взаимоперехода друг в друга культуры и социальных отношений, того логического и одновременно социального пространства, которое лежит между культурой и социальными отношениями. Необходимо уделить самое пристальное внимание пространству, через которое вопрос и ответ постоянно пытаются "создать мост", превратить содержание культуры в социальные отношения, социальные отношения в культуру. Именно при этом постоянно возникают "ошибки", возможно незначительные, обогащающие культуру новым опытом, но возмозжно и ставящие человека на грань бездны, дна которой не видно.

Эти ошибки, как и все проблемы культуры, возникают и разрешаются в процессе ее воспроизводства. Культура выступает как важнейшая сторона воспроизводственной деятельности человека, как ее творческая способность постоянно искать меру в каждом решении, в каждом акте деятельности на основе осмысления и переосмысления постоянно умножаемого внутреннего богатства человека, богатства его потребностей и возможностей, находить меру преодоления противоречий деятельности между обществом и природой, личностью и обществом, между способностью к самоизменению и изменению мира, и т.д.

Воспроизводственный подход к культуре отличается тем, что анализу подвергается не столько результат развития культуры, запечатленной в вещах, знаках, текстах, сколько культура "за работой", сам процесс ее формирования, человеческая деятельность, взятая под углом зрения воспроизводства меры в понимании и перестройке вещей и самого человека. Специфика воспроизводства культуры, ее ценностей заключается в том, что оно включает два противоположных, но вместе с тем переходящих друг в друга процесса. Воспроизводство культуры, ее ценностей, с одной стороны, направлено на умножение многообразия ценностей и смыслов, и, с другой стороны, на обеспечение единства этого

многообразия, воплощенного в культуре в целом. Постоянный переход этих процессов друг в друга составляет внутрикультурный двуединый механизм воспроизводства культуры. Этот процесс неотделим от общественного воспроизводства во всех его формах. Внутреннее многообразие, расчлененность культуры выступает тем условием, которое делает возможным перестройку ее организации для формирования каждого единичного смысла, для включения в культуру многообразия новых смыслов и ценностей. Расчленение культуры определяется различиями, противоречиями деятельности человека как субъектно-объектного и субъектно-субъектного отношения.

В процессе воспроизводства выявляются три основополагающих формы связи между культурой и социальными отношениями, которые всегда опосредуются ценностями.

I. Социальные отношения постоянно формируются, поддерживаются, изменяются не автоматически, не в силу некоторой инерции, хотя она и имеет место, но в результате воспроизводственной деятельности людей, которые несут в себе систему ценностей, оценивающую каждый из элементов социальных отношений. Человек черпает программу своей напряженной деятельности из культуры - накопленного, организованного, концентрированного, ценностно ориентированного опыта, всегда несущего в себе некоторый конкретный исторический идеал социальных отношений, например, отношений общины, индустриального предприятия, казармы и т.д. Культура выступает как идеальное, логическое основание, как программа воспроизводственной деятельности человека, направленной на воспроизводство всех форм социальных отношений, самого человека. Человек, руководствуясь культурным идеалом, транслирует социальные отношения во времени вопреки историческим бедствиям, разрушительным природным и социальным силам, подчас вопреки собственным стремлениям.

Инновация в культуре может привести к соответствующим изменениям в социальных отношениях, так как она создаст новые основания для воспроизводства человеком новых отношений. Например, возникновение и определенное распространение в обществе элементов черносотенной, фашистской культуры, ценностей бандитских шашек и т.д. создаст предпосылки для воспроизводства соответствующих социальных отношений на разных уровнях общественного целого. Социальные отношения можно рассматривать как результат воспроизводства, реализации определенного содержания культуры, системы ценностей.

2. Культура выступает как результат общественных отношений, реализуемых через воспроизводственную деятельность. Социальные отношения, по сути, можно рассматривать как организующий, структурообразующий аспект воспроизводства, направленного на накопление и структуризацию опыта, информации, на их трансляцию, на обеспечение условий жизнедеятельности каждой личности, что необходимо для приобщения ее к культуре. Социальные отношения можно рассматривать, с одной стороны, как результат ранее сложившейся системы ценностей, воплощенной определенным образом в конечный результат, в систему отношений. С другой стороны, эта скрытая система отношений служит основой для ее освоения каждым человеком, чья жизнедеятельность протекает в этой системе отношений. Она является носителем определенного ценностного содержания, программы его восхождения и реализации, воплощаемого в последующей воспроизводственной деятельности.

Инновация в социальных отношениях может привести к соответствующим изменениям в культуре. Например, появление инноваций в социальных отношениях, связанных с получением предприятием соответствующих дотаций, доплат, способствует укреплению особых иждивенческих субкультур. Их носители полагают естественной, правомерной жизнь за счет общества. Личностная культура также зависит от социальных отношений. Например, появившийся на свет ребенок может стать личностью лишь в процессе освоения культуры, т.е. ее превращения в содержание личностной культуры, сознания и деятельности. Содержание этого процесса определяется местом ребенка, его близких в системе конкретно-исторических отношений. Разумеется, ребенок, родившийся в семье, которая живет ценностями высшей культуры, и ребенок, родившийся в семье, связанной прежде всего с воровской бандой, начинает освоение культуры с разных ее точек. Это не означает, что все последующее освоение культуры определяется именно этой исходной точкой. Однако ее значение для личности может оказаться достаточно большим. Следовательно, важнейшая форма связи между культурой и социальными отношениями заключается в том, что эти отношения являются основой для воспроизводства культуры, воспроизводства сложившихся ценностей.

3. В принципе эти две формы связи культуры и социальных отношений противоречат друг другу и представляют собой некоторую антиномию. Одной из форм ее выражения является несоответствие, противоречие, конфликт между ценностями, которые несет в себе культура, и ценностями, которые в скрытом виде не-

сут социальные отношения, проявляющиеся при их освоении в последующей воспроизводственной деятельности. Для преодоления этой антиномии она должна быть преобразована в проблему, подлежащую теоретическому и практическому разрешению. Это возможно лишь в одном случае, т.е. когда социальные отношения и культура рассматриваются как две противоречивые стороны общества, как два взаимопроникающих аспекта внутренне противоречивой воспроизводственной деятельности. При этом само воспроизводство как деятельность общественного субъекта рассматривается как процесс, в котором постоянно возникает противоречие между двумя системами ценностей и которое постоянно преодолевается с тем, чтобы вновь возникнуть и вновь оказаться в той или иной форме и степени преодоленным субъектом.

Воспроизводство, следовательно, постоянно включает в себя способность преодолевать внутренние противоречия культуры, что является отдельной значимой проблемой². Единство культуры и социальных отношений не дается человеку внешними силами, например, какими-то абстрактными внечеловеческими законами, внешней детерминацией, оно возникает в процессе самой активной воспроизводственной деятельности человека, реализует его способность в той или иной форме превращать культуру, ценности и социальные отношения в специфический предмет своей собственной активности. Воспроизводственную деятельность следует рассматривать как непосредственно направленную на преодоление противоречия между человеческими отношениями и культурой, на обеспечение единства того и другого, т.е. целостного общества. Эта третья форма связи культуры и социальных отношений содержит в себе две первые, и, следовательно, речь идет не о трех рядоположенных формах, а об одной, но внутренне расчлененной, противоречивой. Процессы в обществе, которые связаны с возникновением и снятием этого противоречия, заслуживают пристального внимания.

3. Социокультурное противоречие и социокультурный закон

Воспроизводство включает постоянное соотнесение, взаимопроникновение культуры и социальных отношений, т.е. культура как будто, по сути, иная форма социальных отношений, и

---

² *Матвеева С.Я.* Противоречия в культуре // Социалистическая культура и субъект творческой деятельности. М., 1989; Её же. Противоречия в культуре советского общества // Социализм и актуальные проблемы культуры. М., 1989.

наоборот социальные отношения как будто иная форма культуры. Они как будто тождественны. И, по сути, по поводу их взаимоотношений не должно возникнуть проблем. Поэтому иногда их вообще не различают. Однако все дело именно в этом "как будто". Культура и социальные отношения действительно тождественны как атрибуты воспроизводственного процесса. Но эта тождественность лишь одна сторона их отношения, воплощающая некоторый идеал гармонии, присущей любой культуре. Она воплощает прошлый опыт, точнее ту его часть, которая свидетельствовала, что обществу, вопреки всем бедствиям, ошибкам, "козням" и т.д. удалось обеспечить единство социальных отношений и культуры. Однако неизбежно возникает противоречие между ними, неизбежное противоречие между ценностями.

Существует бесчисленное множество причин, вызывающих это противоречие. Обобщающей причиной этих процессов является второе начало термодинамики, энтропийный процесс, который охватывает все существующее, все формы движения, порождая дезорганизацию, рост хаоса, снижение уровня организованности. Источник этих процессов может лежать во вне, т.е. в природе, например, в землетрясениях, которые могут разрушать определенные сообщества, в других сообществах, которые могут разрушать те или иные отношения в процессе военных конфликтов, в борьбе государств и народов. Причиной разрушения социальных отношений выступают и внутренние конфликты, противоречия между разными группами, классами, конкуренция, т.е. столкновения на разной почве. Существенные изменения, вызванные теми или иными причинами, например, экологическими катастрофами, военными поражениями, истощением тех или иных ресурсов и т.д., также приводят социальные отношения к распаду и гибели. Социальные отношения в обществе подвергаются постоянному давлению, постоянным опасностям, которые их дезорганизуют, видоизменяют, а возможно и уничтожают. Разрушение социальных отношений дезорганизует жизненно важные для производства, воспроизводства потоки энергии, вещества, людей, капиталов, информации и т.д., вытесняет сложные и более эффективные отношения более простыми, менее эффективными, например, отношения, обеспечивающие специализацию и кооперацию, заменяются отношениями автаркии. Для этой тенденции характерно, например, стремление подменить развитие двуединого процесса урбанизации системой отношений, замыкающейся в рамках каждого поселения в отдельности, вместо отношений, охватывающих все общество, развивать отношения

ведомственности, местничества и т.д. Социальные отношения могут разрушаться в процессе возникновения новых, например, авторитарные отношения могут распадаться под давлением демократических процессов, отношения уравнительного характера могут отступать на задний план под давлением роста товарно-денежных отношений и т.д.

Энтропийные процессы охватывают и культуру. В ней постоянно происходит потеря накопленного опыта, нарастают ошибки, имеет место разрушение самой ее внутренней структуры, смещается мера ее обобщения, т.е. с одной стороны, накапливается необработанный эмпирический материал, а с другой, в основу деятельности кладутся абстрактные принципы, не обогащенные накопленным опытом. Особенно страдают высшие уровни культуры, которые могут стать объектом массовой неприязни, враждебности, насилия. Частный случай культуры - познание может подвергнуться массивованному разрушительному давлению различных форм идеологии, массового сознания, теряя в результате этого свое объективное содержание и т.д. Наука может, например, в определенной культурной ситуации имитировать форму массового сознания, воспроизводить древние мифы, облекая их в новые слова и т.д.

И, наконец, энтропия разрушает воспроизводственную деятельность в целом, препятствуя получению эффективного результата, мешая поддержанию общества в жизнеспособном состоянии, повышению эффективности и даже сохранению уже достигнутого уровня. Разрушение деятельности в результате энтропии происходит по всем параметрам, т.е. имеет место потеря цели деятельности, ослабляется способность воспроизводить средства, а также условия всей жизнедеятельности. Энтропия в этой сфере проявляется в снижении способности использовать всю полноту культуры как основу для принятия решений, для воспроизводства культуры и общественных отношений.

Воспроизводственная деятельность является единственной силой, способной противостоять энтропийному разрушению единства культуры и социальных отношений. В этом и заключается специфика общества.

Самое ухудшение ситуации в определенных границах может иметь и позитивные последствия. Рост хаоса стимулирует человека на борьбу с ним. Созидательная роль хаоса проявляется тем не менее не непосредственно, но лишь если он становится стимулом, элементом содержания самой человеческой деятельности.

Следовательно, существо проблемы противоречивого единства социальных отношений и культуры можно понять лишь на

основе ее рассмотрения в рамках дуальной оппозиции: творческая воспроизводственная деятельность - энтропия; как постоянную борьбу человека против энтропии за свое собственное самоутверждение в мире, постоянное преодоление наступающего хаоса.

Возникает то, что можно назвать социокультурным противоречием. О нем можно говорить применительно к определенному субъекту. Субъектом может быть общество в целом, отдельное сообщество, например, предприятие, сельская община, армия, семья и т.д., личность. Любое сообщество по определению является субъектом, носителем некоторой воспроизводственной деятельности, внутренне противоречивой системы ценностей. Это воспроизводство обеспечивает существование сообщества-субъекта, устойчивость против различного рода дезорганизирующих процессов. Воспроизводство нацелено на преодоление, снятие возникающего внутри собственной деятельности конкретного субъекта социокультурного противоречия. Это противоречие может выступать в трех формах.

1. Личность способна превратить любое противоречие в свое внутреннее дело, в содержание своего сознания, в предмет личностной культуры, в предмет своей озабоченности. Противоречие тем самым приобретает характер противоречия между исторически сложившейся культурой и новыми осваиваемыми знаниями, между попыткой интерпретировать то или иное явление как воплощение добра и вступающей с ней в конфликт попытки рассмотреть его как воплощение зла, между двумя сторонами системы ценностей. Например, спор в обществе вокруг масштабов и форм частного предпринимательства, частной собственности на землю и т.д., носит именно такой характер, превращаясь в диалог, в столкновение разных культурных традиций, носящих разные тенденции внутри единой, хотя и противоречивой культуры, внутри личностного сознания.

2. Другой формой социокультурного противоречия является противоречие между типами социальных отношений, связанных с разными культурными основаниями, с разными ценностными программами. Например, в обществе возможен конфликт между сообществами, склонными к автаркии, к натуральным отношениям и сообществам, ориентированными на отношения, связанные с товарно-денежными отношениями, с рынком, изменением и развитием. Сообщества советского типа несли в себе подобное противоречие, тяготая, хотя и в разной степени, одновременно к двум противоположным, исключаящим друг друга типам отношений.

3. В конечном итоге, социокультурное противоречие выступает в форме противоречия в самой воспроизводственной деятельности субъекта как противоречие между воспроизводством культуры и социальными отношениями (что является одновременно конфликтом, противоречием как внутри культуры, так и внутри социальных отношений). Оно получает свое выражение в противоречии ценностей. Реальное социокультурное противоречие выступает во всех трех формах одновременно. Социокультурное противоречие возникает повседневно в любой деятельности и постоянно стимулирует человека, дает импульс творчеству, поиску культурных и социальных инноваций, совершенствованию воспроизводственной деятельности, стремлению обеспечить тождество социальных отношений и культуры.

Следовательно, социокультурное противоречие как будто не только не представляет опасности для общества, но является его необходимым элементом, движущей силой. Очевидно все это так, но при одном условии, т.е. если субъект оказывается способным преодолевать, снимать это противоречие, сводить его к минимуму, к незначимой, мало значимой величине. Эта способность является законом любого общества, любого общественного субъекта, так как субъект, не способный в достаточной степени это делать, не в состоянии противостоять собственной дезорганизации. Это дает основание говорить о существовании социокультурного закона, согласно которому *любой социальный субъект может воспроизводить себя, свою деятельность, свою культуру, свои социальные отношения, свою систему ценностей в их единстве, только обеспечивая, а возможно и развивая свою творческую способность разрешать, снимать постоянно возникающие социокультурные противоречия, не допускать их роста до уровня, угрожающего снижением эффективности воспроизводственной деятельности вплоть до неспособности противостоять необратимому росту дезорганизации, распаду субъекта, его ценностей.*

Постоянная возможность возникновения социокультурного противоречия заключается в том, что изменения в культуре и изменения в социальных отношениях происходят по разным законам, т.е. инновации у них носят качественно различный характер. Это не исключает их тождества, но одновременно постоянно порождает поток различий, противоречий. Возможно воспроизводство далеко не любых социальных отношений, проект которых может возникнуть в культуре. Социальные отношения подчиняются общесистемным закономерностям, допускающим одни типы отношений и накладывающим запрет на другие. На-

пример, возможно воплощение далеко не любых мыслимых отношений между химическими элементами. Запреты существуют и в биологии. Так, акад. Л.С.Берг в отличие от Дарвина считал, что число наследственных вариаций принципиально ограничено и их можно ожидать лишь в определенных направлениях. Он полагал, что сходство в живой природе, охватывающее важнейшие аспекты (включающие и морфологические и физиологические, и молекулярно-генетические уровни), объясняется не только общностью происхождения, но и "следствием известного единообразия законов природы"³. Могут существовать лишь такие социальные отношения, которые способны обеспечивать необходимый уровень и масштабы обмена, циркуляцию информации, ресурсов и т.д., отвечающих требованиям динамичности и сложности, достигнутых конкретным сообществом, обществом в целом. Очевидно, не могут существовать те социальные отношения, которые порождают поток дезорганизующих инноваций, масштаб которых переходит порог, за которым возникает необратимая дезорганизация воспроизводственного процесса. Следовательно, существуют границы возможных изменений любых социальных отношений. Границы масштабов интенсивности, типов и т.д. инноваций существенно различны в разных культурах.

С культурой дело обстоит несколько иначе. Она, по своей сути, носит всеобщий характер. Ее содержание никогда не замкнуто на существующую реальность, но оценивает последнюю в категориях возможности, вероятности, должного и т.д. Культура всегда содержит в себе критический элемент, оценку своего содержания: представления об условиях, средствах, а также целях с точки зрения культурного идеала. Культура, следовательно, несет постоянную возможность отклонения от своего исторически сложившегося содержания, от своей сложившейся программы. Иначе говоря, по крайней мере в тенденции культура всегда многовариантна и многопланова, т.е. включает в себя возможность ухода от еще только вчера реализуемой программы воспроизводства социальных отношений. Это создает постоянную угрозу уклонения к утопическим проектам.

В культуре существуют, постоянно формулируются определенные запреты на изменения, на выход за рамки исторически сложившегося богатства, своеобразные культурные табу. Любая религиозная система, научная теория и т.д. всегда несут требования следовать своей внутренней логике, культурным запретам. В культурах традиционного типа складывается негативное отноше-

---

³ Берг Л.С. Труды по теории эволюции. М., 1977. С.267.

ние к новшествам, не вписывающимся в исторически сложившееся содержание, в особенности на уровне целей, в меньшей степени на уровне средств и еще меньшей степени на уровне условий деятельности. Тем не менее, в культуре всегда существует стремление выйти за собственные рамки, прощупать границы "на прочность" любого запрета, перейти к новому содержанию.

Одним из важных механизмов сдвигов в культуре является постоянная возможность переосмысления одного и того же явления в разных модальностях. Модальности выступают как атрибуты воспроизводства, культуры, как основное их содержательное расчленение. Ценностная модальность определяется спецификой субъекта, его исторически сложившимися ценностями и целями, потребностями в их воспроизводстве. Предметная модальность связана со спецификой объекта, с фиксацией в культуре объективных, независимых от субъекта предметных закономерностей, с предметным познанием. Рефлексивная модальность связана со способностью снимать противоречия между тем и другим, находить меру между субъектом и объектом, между ценностями и предметностью посредством изменения того и другого, в процессе саморазвития, углубления и расширения освоенного предметного мира, изменения ценностей и смыслов, культуры в целом, в процессе принятия решения, развития, саморазвития человека. Воспроизводство культуры, ее ценностей включает воспроизводство системы модальностей, которая в скрытом или явном виде в конкретно-исторических культурных формах является важнейшим элементом ментальных структур. Культура воспроизводится в единстве с воспроизводством всего накопленного многообразия смыслов. Каждый смысл воспроизводится между модальностями, в процессе постоянного переосмысления исторически сложившегося смысла, снятия противоречий между смыслами в разных модальностях. Целостность культуры достигается единством ее модальностей. Степень достижения этого единства определяется эффективностью воспроизводства культуры. Если нарушена гармония, соответствия между ценностной, предметной и рефлексивной модальностью, воспроизводство смыслов и ценностей может приобрести ущербный, деструктивный характер. Снижение уровня рефлексии грозит утратой понимания, снижением уровня осмысления собственной деятельности человека, группы, общества в целом, вплоть до утраты ориентиров, непонимания, где зло, а где добро. Уклонение в предметную модальность в ущерб остальным препятствует осмыслению действительности как человеческой действительности, скло-

няется к отчуждению человека и его ценностей, к выведению его за скобки космических, природных, биологических процессов, иными словами, дегуманизирует представления о роли человека в мире. Доминирование ценностной модальности над другими препятствует пониманию ограниченности, субъективности человеческих представлений, релятивизирует и одновременно абсолютизирует каждое из них. Лишенная критерия предметности ценностная модальность отдаёт человека во власть фантазий и мифов, когда реальная действительность теряет свою определенность и кажется неотличимой от ее отражений в мире ценностно напряженного сознания. Однако необходимое единство модальностей может быть достигнуто различным образом, что позволяет говорить о различных типах гармонии модальностей, о различных типах меры соотношения между ними.

Каждая смысловая единица "движется" в системе модальностей. Она - то объективная вещь, то предел мечтаний, то средство примирения наших желаний и наших возможностей в бесконечном количестве возможных пропорций. В культуре постоянно переосмысливается сложившееся содержание, включая запреты, постоянно идет своеобразная творческая игра, прощупывающая и раздвигающая границы свободного духа. Культура всегда амбивалентна, все ее смыслы формируются как постоянный переход между ранее сложившимися смыслами, запреты постоянно переходят в свою противоположность (через праздник, инверсию, медиацию, поиск меры и т.д.). Иначе говоря, преодоление запретов - имманентный закон существования культуры, тогда как в сфере социальных отношений идущие от культуры импульсы к изменению нейтрализуются постоянным страхом перед опасностью дезорганизации, разрушения жизни. Таким образом, закономерности, определяющие изменения в социальных отношениях и в культуре, различны. Это открывает возможность превращения любой инновации в источник расхождения между социальными отношениями и культурой, несущий опасность нарастания социокультурного противоречия, конфликта ценностей. Эта возможность выявляется по-разному в условиях статичного и в условиях интенсивного общественного воспроизводства. В первом случае отступление от социокультурного закона связано главным образом с отклонением от сложившихся традиций и масштаба массовых инноваций, от традиционных ценностей. В интенсивном воспроизводстве отступление от социокультурного закона обусловлено не только отклонением от сложившегося порядка, от традиций, но также и стремлением стимулировать инновации разных типов. В условиях интенсивного воспроизводства следование

социокультурному закону требует выдвижения на первый план ценности потока гармоничных инноваций как в социальных отношениях, так и в культуре. Однако речь идет не о любых инновациях, но о таких, которые обеспечивали бы преодоление социокультурного противоречия, тождество культуры и реальных социальных отношений, в идеале тождество ценностей культуры и ценностей, скрытых в модернизированных социальных отношениях.

Глава 2

КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ - СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

I. Экстраполяция и интерпретация - механизмы социокультурных изменений

Анализ модернизации, связанной с массовым сдвигом в ценностях, требует рассмотрения механизма возникновения и закрепления соответствующих инноваций. Отсюда необходимость рассмотрения функционирования социокультурного закона. Следовать ему возможно лишь в том случае, если в самой культуре будет выработана логика изменений, позволяющая воспроизводственному процессу воплощать такую программу, которая была бы нацелена на формирование социокультурных отношений, не переходящих границы необратимости. В этой связи нужно понять исторически сложившиеся методы формирования инноваций. Наиболее простым методом развертывания содержания культуры, дающей программу деятельности, является *экстраполяция*, т.е. воспроизводство новых отношений, формирование новых сообществ на основе ранее сложившегося культурного богатства. Она имеет место, например, при перенесении сложившихся образцов и ценностей на новую предметную область, на новые социальные отношения, на новые сферы жизни общества, при использовании накопленного культурного богатства в новых условиях. Так, возникновение государственности может опираться на культурную основу, соответствующую воспроизводству древних локальных форм догосударственной жизни, т.е. на представления, что государство есть лишь некоторое увеличенное локальное сообщество. Древний вечевой идеал, сформировавшийся в локальных сообществах, служил на Руси культурной основой для создания через экстраполяцию сложной социальной структуры, в конечном итоге для формирования государственности. Большому сообществу "подчинялись средние миры, а средним меньшие, так что каждый мир подчинялся вече мира, к которому он тянул по земле и воде, или иначе, на земле которого он стоял". Вече могло управлять сельской общиной, но существовало и в масштабах племени. В городе, кроме общегородского вече, могло существовать также вече улиц и концов го-

рода, причем этим мирам в результате экстраполяции свойственна внутренняя однородность независимо от размеров. Историк И.Беляев говорил о "внутреннем, более или менее одинаковом устройстве общественной жизни на всех ступенях общества, начиная от старшего города до семьи"¹.

Историк и философ прошлого века К.Кавелин выводит русскую государственность из рода: "В основе всех частных и общественных отношений лежит один прототип, из которого все выводится, - именно двор или дом, с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами. Это, если можно так выразиться, древнейшая, первобытная и простейшая ячейка оседлого общежития. Этот начальный общественный тип играет большую или меньшую роль во всех мало-развитых обществах, но нигде он не получил такого преобладающего значения, нигде не удержался в такой степени на первом плане во всех социальных, частных и публичных отношениях, как у великороссов"². В принципе, аналогичной точки зрения придерживался С.Соловьев.

Таким образом, экстраполяция является не только формой осмысления, движения содержания культуры. Она является одновременно и определенной логикой формирования культурной программы воспроизводства социальных отношений, формирования новых отношений по аналогии со старыми. Подобная методология достаточно распространена в культуре. Индейцы, впервые увидевшие лошадь, осмыслили ее как большую свинью, т.е. использовали понятный им язык, привычные образы. Аналогичным образом формируется представление о государстве как о большой общине, как о большой семье во главе с батюшкой. Экстраполяция - исключительно эффективный метод движения культуры, социального творчества, но тем не менее он несет в себе опасность возникновения социокультурного противоречия, нарушения социокультурного закона. Экстраполяция всегда абстрактна, т.е. априори исходит из тождества условий, средств и целей там, где возможно этого тождества нет. В частности, она игнорирует различие между локальным миром, его субкультурой, и созданным по его образу и подобию большим обществом. Между ними, однако, имеют место существенные различия.

В локальном сообществе численность людей такова, что все обычно знают друг друга. Поэтому социальный контроль и об-

---

¹ Беляев И.Д. Судьба земщины и выборного начала на Руси. М., 1905. С.13

² Кавелин К. Мысли и заметки о русской истории // Вест. Европы. Спб., 1866. Июнь. С.349-350.

щение носили непосредственный эмоциональный характер. Для большого общества такой порядок как господствующий невозможен. Необходимы иные, абстрактные формы социальных отношений, основанные на праве, товарно-денежных отношениях, работе чиновников-профессионалов, действующих на личность абстрактно, безлично, опосредованно.

Эти объективные различия в социальных отношениях при господстве культуры, в которой эти различия не улавливаются, и есть нарушение социокультурного закона. Воспроизводство большого общества на основе культуры локалистского типа сдвигает социальные отношения к запрещенным формам, создает угрозу его стабильности, перманентный конфликт ценностей - условие сохранения подобного положения. Неадекватная культурная основа для воспроизводства общества приводит к последствию, без понимания которого не будут ясны механизмы весьма многих существенных фактов истории. Люди, живущие в большом обществе, но в своей личной культуре осмысляющие его через культуру локальных общин, лишь частично его реально воспроизводят. Они воспроизводят лишь те аспекты большого общества, государственности, которые находят свой аналог в локалистской культуре, тогда как все иное в лучшем случае игнорируется, а возможно и разрушается как чуждое и враждебное. Общим для локального мира и древнего большого общества было существование первого лица-батюшки, патриархального отца, который "думает за всех". Впрочем, это не совсем так. Царь - не патриархальный батюшка, но глава бюрократической государственности. Однако тайна древнего большого общества заключается именно в том, что оно может существовать лишь тогда, когда по крайней мере в своей основе первое лицо государства может вписаться в древние тотемические, кровнородственные культурные представления. Древняя государственность возможна, если первое лицо сумеет убедить всех, а возможно и себя, что он в действительности тотем, или его потомок, древнее божество, что именно тот, за кого его принимают носители локалистского сознания. Отсюда древний князь всегда носитель тотемного знака.

Известно, что сокол был одним из тотемов славян. Он стал княжеским знаком, изображался, в частности, на монетах Рюриковичей X-XI вв. Образ сокола соответствует символике "Слова о полку Игореве", где он обозначал того или иного князя. Сокол в эпическом творчестве находился в оппозиции к "черному во-

рону"³, т.е. к носителю зла. Следовательно, государственность, большое общество, могли существовать, если они выдавали себя за нечто другое, за то, что соответствовало массовым догосударственным идеалам.

Нарушение социокультурного закона заключалось в том, что люди, приверженные царю именно как батюшке, отказывали в поддержке тем элементам государственной жизни, которые реально существовали, но не были санкционированы исходной культурной моделью. Важнейшим такого рода элементом было начальство, т.е. весь управляющий слой. Он не был нужен в локальных древних сообществах, но большое общество не могло без него существовать. Поэтому в условиях кризисов выявлялось, что "начальство" рассматривалось как враги царя, народа, как "воронье", как носители зла. Этот фактор достаточно силен и сегодня. Массовое сознание, не расставшееся с догосударственными идеалами, не признает "начальство", государственность в достаточном объеме как естественное, закономерное явление. Народные движения всегда были за "природного царя", "который бы всех равнял", но против начальства, которое воплощает нарушение уравнительности. Это приводило к мощному социокультурному противоречию, отходу от следования социокультурному закону. Оно выражалось в том, что "начальство", государственность могло лишиться поддержки, обеспечения ресурсами и т.д. Следовательно, локалистская культура вступила в серьезное противоречие с реальностью социальных отношений большого общества, государственности. В таком обществе таилась постоянная угроза краха реальной государственности под ударами локалистского типа воспроизводства.

Однако экстраполяция - не единственная форма создания культурной программы воспроизводства. Другой формой является *интерпретация*, неотделимая от экстраполяции и одновременно противоположная ей. Экстраполяция и интерпретация тождественны в том смысле, что они включают освоение любого нового явления через накопленное содержание культуры, т.е. рассматривают новое как нечто уже известное, через "подведение" под то или иное представление, понятие. Разница заключается в том, что в экстраполяции основной упор делается на поддержании сложившегося культурного содержания, на абсолютизации его, на минимизации его критики. Экстраполяция не покидает точку зрения, что можно переносить на новые явления действи-

---

³ Криничная И.Я. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988. С.17.

тельности старое содержание культуры. Интерпретация же всегда пытается наполнить осмысляемое явление новым содержанием в соответствии с новыми условиями, возможно новыми средствами, а также возможно новыми целями, т.е. обогатить унаследованное содержание культуры максимально глубоким новым содержанием. Интерпретация в отличие от экстраполяции включает формирование адекватной новым отношениям системы ценностей. Интерпретация, следовательно, в идеале постоянно преодолевает возможность нарастания социокультурного противоречия, распад ценностей культуры и ценностей программы, заключенной в новых отношениях. Экстраполяция никогда не происходит в чистом виде, но всегда в единстве с интерпретацией, придающей, например, вечевому идеалу на каждом уровне общества свои неповторимые черты. На каждом этапе, однако, интерпретация может "не дотянуть" до формирования культурной программы, преодолевающей социокультурное противоречие, не преодолеть прямолинейность и односторонность экстраполяции.

Например, формирование Киевской Руси не привело к последовательной интерпретации древних идеалов, вплоть до создания культурной основы эффективного воспроизводства общества как целого, до преодоления локализма, раздробленности, междоусобиц, страха перед тем, что, как сказано в "Слове о полку Игореве", князья "розно несут" Русскую землю.

Интерпретация всегда проблематична, т.е. относительна, и возможно в той или иной степени иллюзорна, так как может подменять одну одностороннюю экстраполяцию другой, изготавливает гибриды из различных аспектов прошлой культуры.

Существуют типы опасностей нарушения социокультурного закона. Важнейшая из них заключается в существовании утопий, т.е. культурных программ, которые ведут общество к формированию отношений, лежащих по ту сторону границ необратимого потока дезорганизации. Опасность нарушения социокультурного закона состоит в стремлении консервировать прошлые достижения науки, культуры, противопоставлять интерпретацию и экстраполяцию, т.е. абсолютизировать прошлое в ущерб будущему или наоборот уничтожать накопленное богатство культуры во имя нового, которое практически оказывается чем-то еще более старым, архаичным. Опасность нарушения социокультурного закона может иметь место в социальных отношениях, что выражается, с одной стороны, в консерватизме, в инерции неизменности, не взирая на изменения условий, средств и целей людей. Так, предприятие, которое не в состоянии изменять свою организацию труда в соответствии с изменениями требований рынка, с

характером выпускаемой продукции идет по пути роста социокультурного противоречия, противоречия между ценностями рынка и ограниченными возможностями формировать необходимые для этого социальные отношения.

Опасность невыполнения социокультурного закона может лежать в односторонней централизации, в директивном планировании, в стремлении одних уровней управления навязать части общества свои специфические цели, подчинить их воспроизводственную деятельность чужим им ценностям. Это неизбежно связано с попыткой сдвинуть воспроизводственную деятельность во всем обществе или его части в сторону запрещенных, т.е. функционально невозможных, в конечном итоге разрушительных социальных отношений. Не менее важны и опасны нарушения социокультурного закона в результате роста локализма, т.е. тенденции, приобретающей подчас массовый характер, разрушения организационных форм интеграции общества, прежде всего государства, дезинтеграции общества, абсолютизации децентрализации при отсутствии компенсирующего развития ценностей культуры, которые открывали бы возможность избежания ожесточенных конфликтов в условиях хаоса на основе роста личной ответственности, ценностей целого, мира и гуманизма. Локализм означает мощный рост социокультурного противоречия между архаичной культурой, соответствующей догосударственным отношениям локальных сообществ и разделением труда, соответствующими потребностями, отношениями большого общества. Локализм характеризуется тем, что локальное сообщество рассматривает все остальные сообщества как свою внешнюю среду, как поле, куда локальное сообщество может "выбрасывать" свою собственную дезорганизацию, например, укрепляя свою монополию на дефицит, выкачивать ресурсы из других сообществ, из государства, освобождая себя от нравственной ответственности за общество. Тем самым ценности локального мира экстраполируются на внешний мир, но возможно с обратным знаком (т.е. как враждебный, чуждый мир) на все общество, что может породить разрушительную дезорганизацию.

Самый серьезный вариант нарушения социокультурного закона, кроме приводящего к прямой катастрофе, связан со сложным явлением, которое получило название раскола. *Раскол есть особое патологическое состояние общества, характеризующееся застойным противоречием между культурой и социальными отношениями, между соответствующими системами ценностей.* Раскол является результатом неспособности общества, субъекта в должных масштабах это противоречие преодолеть, следовать со-

циокультурному закону. Раскол выступает как такое состояние общества, когда, с одной стороны, субъект не может снять социокультурное противоречие, но с другой стороны, это противоречие еще не перешло грань, когда начинается катастрофический распад соответствующего субъекта. Раскол означает, что общество стоит на грани неотвратимой дезорганизации, находится в постоянном кризисе, под угрозой распада, катастрофы. Раскол обычно рассматривался в его специфических формах, например, церковный раскол, раскол между народом и властью, народом и интеллигенцией; интеллигенцией и властью, внутри интеллигенции и т.д.⁴ Однако необходим анализ раскола в его всеобщей категориальной форме. Для раскола характерен свособразный заколдованный круг, когда активизация позитивных ценностей в одной из расколотых частей общества приводит в действие силы, отрицающие эти ценности в иной части общества. Этот процесс неотделим от идущего ему навстречу противоположного, т.е. активизации позитивных ценностей другой части общества, что приводит в действие негативные ценности первой. Например, активизация ценностей прогресса и развития со стороны модернизаторской правящей элиты может активизировать статичные, традиционалистские ценности определенной части народа. Вместе с тем активизация ценностей традиционализма толкает часть общества, склонную к просветительству, прогрессу, выдвигать на первый план антилиберальные, антидемократические ценности. Раскол, следовательно, характеризуется тем, что эти противоположно направленные ценности поляризуются в разных социальных группах, между которыми сильнее всего ослаблен механизм взаимопроникновения ценностей, возможность диалога. Поэтому здесь усиливается опасность перерастания раскола в столкновение, превращение каждой из расколотых групп в глазах противоположной в носителя зла, в источник дискомфортного состояния. Такой группой в глазах народа может быть "начальство", а в глазах начальства - народ, или его часть, которая может оцениваться как "несознательные, отсталые элементы, попавшие под влияние чуждых нам враждебных сил" и т.д. Раскол, следовательно, исключает общее согласие по поводу сути, масштабов, направленности значимых изменений в обществе, стимулируя расколотые части общества в противоположных направлениях. Он включает при переходе смысла через раскол превращение этого смысла в противоположный. Раскол характерен тем, что он постоянно стимулирует рост дискомфортного состояния.

---

⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1989.

Он может дать ответ на реформу, который по энергетическому импульсу, по масштабам превысит энергетический импульс реформы.

В расколотом обществе невозможен глубокий социокультурный синтез его расколотых частей, а без этого практически нельзя объединить расколотые части вокруг решения одной задачи, в особенности, если требуются значительные изменения.

Исключительная важность раскола для судьбы страны делает его анализ особенно важным. В России он приобрел зрелую форму в период царствования Петра 1. "Петру удалось на века расколоть Россию: на два общества, два народа, переставших понимать друг друга"⁵. "С чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический всадник, с той чреватой днями поры как он бросил коня на финляндский серый гранит, - надвое разделилась Россия; надвое разделились и сами судьбы отечества; надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа - Россия. Ты, Россия, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко внедрились в гранитную почву - два задних"⁶. Раскол, следовательно, рассматривается как потеря взаимопонимания, взаимопроникновения народной почвы и той части общества, которая стремилась к новым ценностям. Существование раскола признавали самые разные и далекие друг от друга деятели. Ленин говорил о существовании двух культур в каждой нации. Богослов Г.Флоровский писал о наличии в древнерусском обществе двух культур: "дневной" и "ночной". "В подпочвенных слоях развивается "вторая культура", слагается новый и своеобразный синкретизм, в котором местные языческие "переживания" сплаваются с бродячими мотивами древней мифологии и христианского воображения"⁷. Д.Мережковский говорил о дневной и ночной России. Герцен писал: "Ужасное последствие полного разрыва народной России с Россией обезевропеизированной. Между двумя лагерями прервалась всякая связь"⁸.

Причина раскола заключалась в том, что инновации не столько осваивались всем народом до самых его глубин, сколько вызывали у него отталкивание, дискомфортное состояние. В этом случае возникала враждебность к тем силам общества, которые были, или казалось, что были, проводниками этих новшеств. Это в свою очередь могло иметь место в результате того, что масштабы и темпы инноваций значительно превышали исторически

---

⁵ Федотов Г.П. Новый град. Нью-Йорк, 1952. С.57.

⁶ Бельй А. Петербург. Пг., 1916.

⁷ Прот. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С.3.

⁸ Герцен А.И. Полн.собр.соч. и писем. Пг., 1917. Т.VI. С.364.

сложившуюся в культуре способность их принимать, осваивать. Накапливание новшеств, новых ценностей могло служить фактором накопления взрывоопасного материала.

Раскол привел к крайне важным последствиям. Модернизация в условиях раскола неизбежно приняла извращенный характер, так как для нее не оказалось адекватной ценностной основы. Например, в России развитие промышленности проходило не через рост частной инициативы, так как достигательные ценности, ценности развития и прогресса в условиях крепостничества могли затронуть лишь незначительную часть общества. Развитие новых отраслей происходило через принудительную перекачку ресурсов, включая людей, проводимую государством. На этой основе были созданы крепостные мануфактуры. Это сопрягало в обществе дезэкономическую хозяйственную систему, включая соответствующую систему ценностей, с развитием хозяйства, требующим для своего прогресса иной системы ценностей. Петр, по сути дела, в этой сфере продолжал старую политику правительства Московского государства, которое "с великими усилиями пыталось вводить денежные повинности в старинных культурных местностях суздальско-московской Руси: в земских уставных грамотах XVI в. мы на каждом шагу чувствуем как привык тогдашний плательщик к платежу натурой... попытки ввести денежное обращение идут сверху, от правительства"⁹. Эта политика принуждения распространялась на все хозяйства. Фактически, в петровском царствовании в отношении ценностей расколотых частей общества произошло попятное движение. С середины XVII века возникли явные признаки культурного застоя и деградации. Деревенская Россия "ничего на самом деле не приняла из реформ Петра I"¹⁰.

Проявления раскола весьма многообразны и привели ко многим негативным явлениям. Их не могли снять те потрясения, которые испытала страна с тех пор до сегодняшнего дня. В частности, раскол привел к хозяйственному развитию на чуждой новым формам хозяйства ценностной основе. До сих пор мы имеем хозяйство, опирающееся на ценности архаичного уравнительного общества, отторгающего рынок, признающего лишь самые примитивные формы торговли, пытающегося положить в основу хозяйственной деятельности чисто натуральные отношения при принудительной перекачке ресурсов. Иначе говоря, имели место попытки модернизации на архаичной ценностной основе.

---

⁹ Покровский М. Местное самоуправление в древней Руси // Мелкая земская единица. Спб., Б.г. Вып. 1. С. 199.

¹⁰ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1917. Т. VI. С. 406.

2. Типы цивилизаций и общественное развитие

Вопрос самобытности российской цивилизации неоднократно рассматривался. Много раз Россию пытались отнести к европейской, к единой христианской цивилизации, с определенного момента своего развития ориентированной на природопреобразующую деятельность с ее непопулярным ныне тезисом покорения природы, на науку, рациональную организацию деятельности, планирование жизни, жизнестроение. Столь же решительно временами ее относили к Востоку, к азиатскому миру с его стремлением раствориться в Космосе-Природе, преобладанием адаптационных тенденций, внеличного начала, сильным государством-собственником. Чаще же обе точки зрения мыслились ограниченными; самобытность России признавалась как пограничье между Востоком и Западом. С одной стороны, "С XV века Россия, Белоруссия и Украина образовали вместе с Византией гигантский мост между Востоком и Западом, создав уникальную, синтетическую культуру, свободную от крайностей как восточного мистицизма, так и западного скептицизма"¹¹, с другой - "Московия не старшая дочь и главная наследница Киевской Руси, а скорее ее побочное дитя от связи с Монголом. По языку и религии царская Россия была пресмницей Киева, а в военно-административном смысле - наследницей империи Чингис-хана"¹².

Самобытность российской цивилизации, ее может быть не легко уловимое в понятиях, но постоянно ощущаемое своеобразие - источник достижений, славы, сильных сторон, сообщающих ей высокий статус в мире, особую глубину прозрений ее гениев - Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, - сумевших проникнуть в такие бездны человеческой сущности, которые чаще скрыты от писателей, возросших в лоне культур с более благополучной историей. Но она же и одна из причин трагических, катастрофических разломов, тех резких поворотов, что не раз уже подстерегали страну. Не случайно удивительно пронизательный М.Волошин называл русскую культуру - культурой взрыва.

Теперь, когда на новом витке исторического развития опять по очередному кругу идет перебор идей, аргументов, доказательств, призванных пролить свет на события недавней истории, вновь как и прежде, речь идет о близости России Востоку или За-

---

¹¹ Советская культура. 1989. 4 февр.

¹² *Родман Б.* Есть ли колонии у России? // *Атмода*. Рига, 1989. 19 мая.

паду. То утвердившаяся в 30-е годы общественная структура объявляется близкой по своей организации государственному капитализму; при этом обращается внимание на этатистские тенденции, централизованное планирование, господство наемного труда, идею тотального контроля за гражданами - источник постоянного беспокойства западных леворадикалов. То эта структура сопоставляется с азиатским способом производства, где неограниченная власть, отождествившаяся с собственностью, сосредоточена в богоподобном Первом лице, воплощающем в себе не только общество, но все мироздание, настоящее и будущее подданных этого государства. Вместе с тем приверженцам и той, и другой точек зрения приходится признавать отличия, не укладывающиеся в схему: о каком государственном капитализме может идти речь в ситуации отсутствия экономического механизма интеграции общества, между тем самая суть капитализма - именно в том, что он является таким механизмом интеграции промышленно развитых обществ, устанавливающих всеобщую абстрактную связь между людьми - производителями и потребителями в условиях высокой степени разделения и специализации труда. С другой стороны, государство-собственник с сакрализованном монархом во главе и иерархизированной бюрократией, выполняющей управленческие функции внеэкономического принуждения, в древних азиатских деспотиях базировалось на аграрной основе. Власть там не стремилась осуществить жесткий контроль над общинами, представлявшими собой самостоятельные хозяйственные единицы, ячейки, локальные миры с традиционным самоуправлением, относительно самостоятельные от центра. Редко с такой силой и в таких масштабах подавлялись товарно-денежные, рыночные отношения, как это произошло во времена военного коммунизма и после слома НЭПа. Наемный труд при сталинщине и в более поздние времена, хотя и выглядел таковым, но сама рабочая сила отнюдь не выступала и до сих пор не выступает товаром, так как страна не имеет рынка рабочей силы.

Появилось стремление теперь определять характерные черты, специфику общественного устройства страны по технико-технологическому признаку: в этих случаях индустриальное производство соотносят с капиталистическим, либо социалистическим в отличие от феодального как специфически аграрного. Но можно ли считать технику фактором, определяющим социальные отношения? Ведь она может, например, оставаться условием, навязанным извне (случаи использования огнестрельного оружия не изобретавшими его аборигенами, стингеров - афганскими моджахедами, оборудования заводов и фабрик, работавшими на

них крепостными крестьянами, да и все остальные примеры разрыва между созданием технического устройства и его использованием). Не останавливаясь на специальном анализе проблемы (которая этого заслуживает), подчеркнем лишь, что техника и технология, превращенные в средства, отчужденные от своих создателей и могущие быть использованными не по назначению и во вред людям, относительно, до определенных границ независимы от социальных отношений, от организационных структур общества.

С позиций теории культуры важным глобальным показателем модернизированности общества является его нацеленность на простое воспроизводство, предполагающее стабильность, устойчивость как высшую ценность в иерархии ценностей (возможно и не осознанную), либо на изменение, на развитие. В зависимости от того стабильность и гармония, либо динамизм и развитие преобладают в том или ином обществе, соответственно, различными оказываются вся иерархия соподчиненных ценностей и целей, как и самое их содержание.

Если принять изложенную в гл.1 типологию воспроизводства, то можно предположить, что *все существовавшие до сих пор общества в той или иной степени приближались к статичному типу воспроизводства*, ориентированному на поддержание своих ценностей и социальных отношений в возможно более неизменном виде, либо к динамичному, интенсивному, нацеленному на постоянное изменение, на прогрессивное развитие, развертывание своих возможностей, наиболее полное их раскрытие.

К статичному воспроизводству культуры и социальных отношений, безусловно, тяготели все древние общества. Объективная основа господства этой ориентации заключалась в том, что традиционные цивилизации могли существовать, лишь жестко следуя накопленному опыту. Всякое существенное отклонение грозило статичному обществу разрушением, распадом социальных связей, деградацией сложившихся образцов. Это вынуждало людей всеми силами стремиться к формированию способности строго следовать нормам, ценностям, стереотипам накопленной культуры. Статичная культура стимулировала у них веру в неизблемость и единственность унаследованного порядка, а также в социальный порядок, способный пресечь любые попытки изменить санкционированный культурный опыт и социальные отношения.

Само существование статичного и динамичного типов человеческих сообществ в скрытой форме заложено в характеристиках человеческой ментальности, в культуре, в

выполняемых ею функциях. Можно даже сказать, что та или иная социальная организация, т.е. статический, либо динамический ее тип есть результат потенциалов, уже имеющихся в культуре. Все дело в противоречивом существе культуры и выполняемых ею функций. С одной стороны, культура выступает как концентрированный, организованный социальный опыт, осваиваемый человеком. В содержании культуры "выражена и репродуцируется способность человека владеть им же достигнутым знанием универсума и источниками этого знания и воспроизводить их во времени и пространстве, т.е. в обществе"¹³. С другой стороны, культура есть также способность критики сложившегося опыта, его постоянного переосмысления, перестройки, изменения меры между полюсами основополагающих дуальных оппозиций, составляющих структурно-содержательный остов любой культуры. Прежде всего постоянно изменяющейся, "скользящей" меры между сложившимся опытом и инновациями, между прошлым и будущим, между личностью и обществом. Таким образом, в культуре изначально заложены разнонаправленные тенденции: нацеленности на сохранение, репродуцирование, воспроизведение противостоит стремление к изменениям, динамике, инновациям, развитию.

Вместе с тем *статичные и динамичные цивилизации - не две рядоположенные возможности*. Они в известном смысле неравноправны, одна из них предшествует другой, а последующая наследует первой. Иными словами, они стадийно различны. Традиционная аграрная цивилизация сложилась как экстраполяция общинных, родовых, племенных отношений на сложное общественное целое, на государство¹⁴. Такими были первые государства древнего Востока. Противоположный по своим характеристикам тип цивилизации постепенно сформировался из традиционного общества в Западной Европе. Первым его ростком, прообразом была Античность - некое исключение из числа традиционных цивилизаций. Решающим переломом, выдвинувшим вперед новый тип личности, социальных отношений, культуры было, как известно, Возрождение. Новое время окончательно закрепило ценности новой "либеральной" нетрадиционной цивилизации, постепенно совершенствуя ее структуры, институты, отношения, личность. П.Тейяр де Шарден определял нашу эпоху

---

13 Мамардашвили М.К. Наука и культура//Методологические проблемы историко-научных исследований. М.,1982. С.42.

14 Ахиезер А.С., Матвеева С.Я. Гуманизм как элемент социальных отношений и культуры//Культурные аспекты перестройки общественных отношений на современном этапе. М.,1989.

как переходную от неолитической аграрной цивилизации к нетрадиционной, технической. "В настоящий момент мы переживаем период изменения эры... ценой наших лишений в нас самих и вокруг нас делается еще один, решающий шаг жизни. После долгого вызревания, скрытого кажущейся неизменностью земледельческих веков, наконец, пришел час нового изменения состояния, который отмечен неизбежными муками"¹⁵. В этом ключе, видимо, и следует понимать логику развития человеческих цивилизаций.

Как известно, те страны, которые остались традиционными обществами, либо сохранившими значительные по своей значимости элементы этих обществ, наблюдали рост и развитие нетрадиционной цивилизации. Поневоле, даже и при желании сузить, ограничить сферу воздействия на них новой цивилизации, они стали втягиваться в ее орбиту, все в большей степени испытывать на себе искажающее воздействие нетрадиционной динамичной цивилизации, переживая процесс модернизации со всеми его драматическими перипетиями.

Промежуточная цивилизация уже отошла от традиционного общества, но не пришла к нетрадиционному. Она вступила на путь модернизации, кардинального сдвига в ценностях. Однако общество не может идти этим путем. Среди характерных черт подобных обществ - недостаточная развитость всеобщих социальных связей, товарно-денежных отношений, такого универсального механизма обмена, каким является сложившийся единый национальный рынок, иная в них роль и понимание денег, снижены возможности освоения и массового распространения инноваций, особенно, если они касаются социальной сферы, области человеческих отношений, сложным, неоднозначным остается отношение к культурному плюрализму, личностному творчеству, глубокие противоречия пронизывают всю структуру и содержание культурных ценностей, самое понимание условий, средств и целей человеческой жизни, деятельности, общения, глубокие сдвиги происходят в понимании сакрального и профанного, традиционного авторитета и политической власти, обычного права и юридически оформленного закона, локальных территориальных структур и государства, роли и ценности отдельной личности в обществе и истории и многом другом.

Россия уже в XVIII в. стала на путь промежуточной цивилизации, в результате чего ее развитие приобрело странное зигзагообразное движение. Попытки модернизации раз за разом отбра-

---

¹⁵ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С.172.

сывались, шли трудно, со скрипом и на совершенно иной основе, чем, например, на Западе. Модернизация в России осуществлялась "сверху", по имперской модели, выборочно, т.е. модернизировались, в основном военная техника и необходимые для этого отрасли. Развитие промышленности не сопровождалось ростом гражданских свобод, но напротив, еще большим закабалением населения, свободомыслие неукоснительно изгонялось, принуждение к труду осуществлялось внеэкономическими средствами и т.д. Новшества чаще принимались и распространялись для утверждения старых структур и ценностей, что превращало модернизацию в традиционализирующий ее тип. Иными словами, модернизация проводилась в основном на уровне средств при игнорировании необходимости соответствующего сдвига в ценностях.

Многие особенности развития России подтверждают, что она является промежуточной цивилизацией - переходной формой от традиционной статичной к нетрадиционной динамичной цивилизации, оказавшейся неспособной завершить этот переход. Эта неспособность связана с расколом. Промежуточная цивилизация конфликтна, так как в ней постоянно происходят столкновения между обоими типами цивилизаций, раз за разом предпринимаются попытки выстроить формы перехода между ними, примирить, сгладить глубокие противоречия между противоположными ценностями, образцами, нормами, идеалами, свойственными традиционному и нетрадиционному обществам. Временами происходят обострения этих противоречий, вызывающие кризисы, угрожающие самому существованию страны. Одна за другой следуют мучительные "прорывы" к нетрадиционной цивилизации, не завершающиеся успехом, однако чреватые более или менее глубоким "откатом" назад.

Необходимость модернизации, прорыва к качественно новому состоянию общества была осознана по крайней мере с петровских времен. О необходимости, в частности, гигантской культурной работы говорили многие мыслители, начиная с 60-х гг. прошлого века. Модернизация, понимаемая прежде всего как средство укрепления Державы, выдвигалась как задача тем более остро, чем быстрее развивался Запад. Задача быть наравне с развитыми странами Запада ощущалась как историческая необходимость, жизненно важная для государства. Таким образом, на общесоциальном уровне цель была поставлена, и она содержала изначально элемент соревновательности, конкуренции с другими обществами и государствами и в этом смысле была ориентирована вовне, имела внешние по отношению к наличной культуре и обществу обоснования. В этом присутствовала серьезная опас-

ность, так как любое органическое развитие требует выдвижения внутренних стимулов и движущих сил, внутреннего обоснования собственной необходимости. Не только "быть не хуже других", "впереди других", но и "быть для себя самого", иметь внутренний собственный критерий меры, необходимой для личности, общества, государства - основа основ, обоснование каждой культуры, образа жизни, дающие возможность создания нравственной убежденности в избранных целях, достаточной для достоинства и самоуважения человека, народа, общества.

Заданная извне мера не могла не подрывать эту естественную органичность, что в тенденции несло все тяготы и драмы "модернизации вдогонку", в том числе и конфликт ценностей. Широко распространенное понятие культурной отсталости России, связанное с глубокими базисными причинами, в частности, большим удельным весом отсталых хозяйственно-культурных типов, архаичных форм культуры и социальных отношений, также носит производный характер. Само понятие отставания - лишь констатация, что образец задан, цель известна, остается открыть средства ее достижения.

Какой социальный слой мог в этих условиях выполнить историческую задачу динамизации развития страны, осуществить ее модернизацию? Выдвинуть нравственный идеал, понятный большинству населения, подвигнуть людей на титаническую работу, выбрасывающую их за рамки привычного образа жизни?

Культура дореволюционной России отличалась резкими, раздиравшими ее противоречиями, расколом. Различные культурные пласты соответствовали в целом расколотой социальной структуре общества, многоукладности, являвшейся ее характерной чертой. Основной по масштабам и значимости были культура крестьянства, еще в начале XX века составлявшего абсолютное большинство населения. Она не была однородной. С одной стороны, она включала прочную многовековую древнюю архаичную основу - патриархальную культуру, с другой - более поздний культурный слой, связанный с развивающимися товарно-денежными отношениями, товарным хозяйством, рынком. Патриархальная культура может быть отнесена к традиционным культурам. Более поздние наслоения в культуре крестьянства несли в себе развивающееся утилитаристское содержание - основу возможного дальнейшего развития. На другом полюсе располагалась дворянская помещичья культура, связанная тем не менее с крестьянской культурой тесными узами (в частности, патриархальными отношениями "отцов" и "детей"). Дворянская

культура базировалась на этике, которую можно считать во многом типологически подобной рыцарской этике западного Средневековья. Кроме того значимую роль играли субкультуры городских слоев: мещанства, купечества, чиновничества, субкультура священнослужителей, культивировавших и развивавших православие, а также относительно немногочисленная, но важнейшая в структуре общества субкультура правящей элиты, связанная и с аристократией, и с высшим эшелонем бюрократии.

С развитием промышленности стали укреплять свое влияние культура рабочего класса и буржуазии. Каждая из этих культур обладала определенным ценностным содержанием, стилем и образом жизни, этикой, нормами и принципами, причем существовали острые противоречия между культурой народа и высших слоев общества, противоречия между капиталистическими и докапиталистическими, феодальными ценностями в культуре господствующих классов, а также между докапиталистической культурой крестьянства и пролетарской культурой рабочего класса и наконец между патриархальной и пред- и ранне-буржуазной культурой крестьянства; существовали противоречия и в культуре рабочих. Эти культуры могли нести в себе разные, противоположные программы воспроизводства общества.

Могло ли дворянство ввести Россию в новую историческую эпоху? Это представляется маловероятным. Русская литература конца XIX - начала XX века раскрывает картину саморазрушения дворянской культуры - заложенные имения, обветшавшие усадьбы, распадающиеся нравственные и мировоззренческие устои жизни. Вместо воина-дворянина, руководствующегося кодексом доблести и чести, пьянство (Ноздрев и целая галерея вырождающихся образов дворян в русской литературе), социальная апатия мелкопоместного дворянства (Обломов, Коробочка), неспособность принять и найти положительное содержание в новых нравственных ценностях, выдвигаемых "третьим сословием". Значительная часть бывших помещиков пополнила ряды государственных служащих, превратилась в чиновников¹⁶. Однако обе роли требовали отречения от традиционной нравственности, укорененных исстари порядков, нужно было согласиться принять новые образцы, ценности, нравственные нормы и принципы, адаптировать их согласно собственным нормам. Процесс этот не был легким, благополучно протекающим, противостояние дво-

---

¹⁶ Дэвис Р.У., Гатрелл П. От царизма к нэпу // Вопр. истории. 1992. №8-9. С.34.

рянской нравственности новым жизненным реалиям продолжалось вплоть до самой революции. Главное же в том, что переход к новым формам жизни не мог быть осуществленным на основе героической рыцарской этики с ее основным понятием сословной дворянской чести. Дворянский этос мог сохранить себя, "встроившись" в новую ситуацию, найдя в ней для себя место, уступив свое господствующее положение иным ценностным системам, как это, например, случилось в Англии, Франции, Японии.

Исследователи ценностей традиционного общества - будь то патриархальная нравственность, или дворянский этос, - обнаруживают болевые точки, послужившие причинами произошедшей исторической катастрофы. А.В.Чаянов писал о том, что "очень большая часть хозяйственной жизни, в частности, большая часть сферы аграрного производства основана не на капиталистических, а на совершенно иных принципах, началах семейного хозяйства (в котором отсутствует категория зарплаты), которое имеет свои специфические мотивы хозяйственной деятельности, а также свое специфическое понимание рентабельности"¹⁷. Это понимание предполагает самообеспечение крестьянской семьи, жизнь, соответствующую требованиям традиционной культуры, замкнутость в кругу хозяйственных интересов крестьянской общины. Несомненно, община способна была воспринимать и осваивать инновации в определенных масштабах, так же как способна адаптировать новые явления любая традиционная культура. Однако масштаб этих инноваций был относительно невелик - это и понятно, ведь они не должны были поколебать устойчивость этого самоуправляемого, самоорганизующегося сообщества. Кроме того, крестьянская община исторически не была приспособлена к тому, чтобы выступать источником продуцирования индустриальных форм хозяйствования. Наконец, как относительно замкнутое сообщество она требовала выработки специфических механизмов интеграции в большое общество¹⁸.

А буржуазия? Как класс производителей и создателей индустриального хозяйства она, конечно, способна была преобразовать Россию, тем более, что капиталистическое развитие в стране шло, и шло, как известно, достаточно бурно, особенно на рубеже

---

17 Чаянов А.В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем//Чаянов и Восток. М.,1991. С.154.

18 Указание на историческую ограниченность патриархальной культуры ни в коей мере не означает оправдание варварской политики раскрестьянивания, реализованной в стране.

веков. Индустриализация в городе, образование товарных хозяйств в деревне - все это свидетельствовало о назревающих в обществе перемен. Однако реально буржуазия была слаба. И наибольшая слабость ее состояла в неукорененности буржуазной культуры, в недостаточной нравственной поддержке ценностей этой культуры в обществе, в негативном отношении к самим видам деятельности, развиваемым "третьим сословием", прежде всего к труду, направленному на обмен товарами, услугами, предполагающему использование денег не как сокровища, а как универсального средства обмена результатами разных видов и типов труда. Ведь до сих пор торговля в нашем обществе не получила нравственных оснований и, следовательно, остается почти криминальной деятельностью, которой следует стыдиться, избегать, деятельностью, которой занимаются, как считает молва, нечистоплотные в нравственном отношении люди, "жулики", "воры".

Если торговля у нас действительно является опасной криминальной средой, то вовсе не потому, что в природе своей она - порочное занятие. Все здесь поставлено с ног на голову: негативное отношение к посреднической деятельности, обмену, торговле искусственно превращает эти виды труда в преступные, нечистоплотные, второсортные. На деле же все должно быть наоборот. Известно ведь, что честность - это главное, ключевое понятие буржуазной этики.

Негативное отношение к обменной деятельности, товарно-рыночным отношениям - явное свидетельство жизненности, актуальности нравственных ценностей, сложившихся в условиях натурального хозяйства. Оно не нуждается в обмене, тем более в торговле. Нравственные принципы натурального хозяйства должны отрицать обмен как сферу, чуждую самому строю, укладу жизни. Развитие торговли разрушает натуральное хозяйство, подрывает самые его основания. Характерно, что докапиталистическая нравственность, в частности, рыцарский этос, соответствующий исторически эпохе развития самообеспечивающихся крестьянских хозяйств, также утверждал презрительное отношение к торговле и торговцам. Последние не заслуживали, по мнению носителей рыцарской нравственности, хорошего обращения, их можно даже колотить, воспользовавшись их услугами прилично не заплатить, допустимо ограбить торговца (ведь он сам, согласно подобной нравственности - бездельник, мошенник, плут). Нет ниже, позорнее занятия, чем торговля. Она непродуцируема, ею занимается тот, кто по каким-то причинам отка-

зался от нравственно оправданного землепашеского или ратного труда¹⁹.

Если, однако, вспомнить, что вплоть до революции основой жизни миллионов людей оставалось натуральное хозяйство, а после революции во многом сохранились натуральные, антитоварные отношения, то удивительным было бы позитивное отношение к торговле, деньгам, рынку. Однако негативное отношение к торговле, представление о безнравственности этой деятельности, выведение торговли за рамки трудовой деятельности, вплоть до отрицания ее как паразитического занятия, которое необходимо ликвидировать, возможно оправданное и исторически имевшее место в условиях господства натурального хозяйства, становится архаичным, нефункциональным, разрушительным в условиях эпохи высокой специализации и разделения труда. Ведь нравственно запрещенная, второсортная деятельность не может быть успешной в рамках общества в целом. Оттенок постыдности этого занятия раз за разом будет обращать его в таковое, криминализировать всю сферу обмена товарами, услугами, деньгами. К тому же и сегодня, по массовому убеждению, торговля - легкое занятие. Им пристало в лучшем случае заниматься женщине, но не мужчине, которому более прилично работать, например, на заводе. Из-за признаваемой обществом "безнравственности" торговли, посреднической и предпринимательской деятельности их пытались после революции отменить введением прямого продуктообмена. Сейчас, в конце XX в. специалистам приходится признавать глубокую архаичность нашей системы хозяйства. "Ведь наша страна, - по мнению президента Межбанковского финансового дома В.Миронова, - последний большой массив человечества, переходящий к полноценной рыночной экономике"²⁰.

Несмотря на развитие в России купечества, промышленников, сельской буржуазии буржуазная культура всегда оставалась в нравственном отношении необеспеченной. Она отрицалась "верхами" российского общества, она не принималась его "низами", против ценностей буржуазной культуры выступала интеллигенция, которая видела в ее наступлении торжество мещанской обыденности. В этой неблагоприятной культурной среде трудно было дожидаться реализации таких направленных на развитие общества черт буржуазной культуры, как инициатива, предприимчивость, развитие всеобщей системы связей через ме-

---

¹⁹ См., например: *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали. М., 1987.

²⁰ *Арблов П.* Россия опорочила идею социализма//Независимая газ. 1992. 6 нояб.

ханизм товарно-денежных отношений, национальный рынок, стремление установить господство закона, правовое государство, развить гражданское общество и институты буржуазной демократии. Не случайно, купцы, промышленники, сельская буржуазия, в том числе ведущие по-капиталистически свои хозяйства помещики, оказались после революции за пределами социальной и культурной жизни.

Старая культура, входящие в нее субкультуры разрушались. Задачи модернизации, стоящие перед обществом, становились все более настоятельными. Буржуазная культура, слои, связанные с предпринимательской деятельностью, тем не менее отрицались, хотя задача, исторически связанная с результатами их труда, сохранялась. Следовательно, ее должен был выполнить кто-то другой. Объективным требованием в этой ситуации было найдено новое обоснование: модернизировать общество должны были ранее социально обездоленные слои населения, вдохновленные мощной энергией новой социальной идеи.

Большевизм, сформировавший систему идей, объединившую большинство населения страны, был тем революционным движением, которое провозгласило ценности модернизации, подъема культуры, повышения достатка ранее угнетенных слоев. Ставка на развитие техники, крупной промышленности, городов, на повышение жизненного уровня населения, ликвидацию неграмотности, распространение образования, внедрение науки, однако, сочеталась в нем с идеей исключения носителя частной инициативы. Пролетариат оставался классом, возникшим в условиях городской жизни и индустриального производства и именно на него опирались большевики, разрабатывая планы модернизации. *Функция же создателя производства, его организатора и распорядителя оставалась необеспеченной.*

Однако можно ли достичь результатов, требующих модернизированной культуры и социальных отношений, активизируя архаичные ценности, сложившиеся в доиндустриальном обществе с их низким уровнем рефлексии? Возможно ли высококоразвитое индустриальное производство в условиях господства доэкономических отношений, исключения частного предпринимательства, рынка, товаров, труда, капиталов, иными словами без личности, считающей естественным и законным свободную творческую деятельность во всех сферах жизни, т.е. господство частной инициативы?

Уже изначально в исходной ситуации были заложены возможности развития скрытых до поры противоречий. Не следует забывать, что культура рабочего класса в России не была одно-

родной. Достаточно вспомнить, что до 1861 года на фабриках значимая часть рабочих была крепостными крестьянами. В некоторых группах рабочего класса передаваемая из поколения в поколение традиция уходила вглубь веков, в ней большую роль играли ремесленные навыки, докапиталистические формы организации труда, различные формы статичного воспроизводства. Значительную часть рабочего класса составляли выходцы из деревни, которых становилось тем больше, чем быстрее шел процесс "раскрестьянивания", чем больше людей бежало в города (масштабы миграции с трудом поддаются воображению: с 1917 г. по настоящее время из села в город переселились более 150 миллионов человек)²¹. Миллионы рабочих-мигрантов несли в себе патриархальную крестьянскую культуру, подорванную изнутри начавшимся развитием товарно-денежных отношений. Возникали маргинализованные, смешанные переходные формы культуры, до сих пор углубленно не изученные (см. главу 5). Наиболее продвинутой культурой рабочего класса была культура промышленных рабочих, освоивших навыки и ценности индустриализма и свойственных ему социальных отношений. Однако и она была в значительной степени проникнута антикапиталистическими настроениями и ценностями, ибо предприниматель был "естественным" антагонистом пролетария, тем составляющим элементом индустриального производства, на который рабочий мог воздействовать в своих требованиях более выгодных условий найма.

Рабочие и крестьяне оказались союзниками в общей ненависти к высшим классам общества. Однако культура их имела значимые различия. Патриархальное крестьянство несло с собой многотысячелетнюю культуру традиционной цивилизации. Рабочие, особенно трудившиеся на промышленных предприятиях в больших столичных городах, по своему типу культуры тяготели к принципиально другому, индустриальному типу общества и соответствующей ему городской культуре. Крестьянская культура, так же как и культура рабочих, не была однородной. В советской догматике утвердилась мысль о мелкобуржуазности крестьянства. Но крестьянская культура вовсе не была мелкобуржуазной, скорее можно говорить, что с ростом расслоения внутри крестьянства в ней повышался удельный вес утилитаризма. Однако утилитаризм - более общее понятие, он вовсе не тождественен буржуазности и мелкобуржуазности в том

---

²¹ См., например: Вишневский А.Г. *Общество//Человек*. 1992. №1.

числе. Длительное время в крестьянской культуре доминировала патриархальная составляющая, укорененная в практике натурального хозяйства, общинного землепользования и общинных отношений. Отсюда шли многие важнейшие нравственные ценности, вековые традиции взаимопомощи и взаимоподдержки, уравнилельной справедливости. Отсюда же, особенно с тех пор, как община начала разрушаться, как усилился утилитаризм - и общинно-коллективистский и личностный, возник сильнейший страх перед социальным неравенством в своей среде, выливающийся частенько в зависть к достатку богатого соседа (в том числе к соседней общине)²². Идеи культурного взаимодействия между крестьянской и рабочей культурой, конечно, не ограничивались негативной оценкой "эксплуататоров" - соответственно, помещиков и капиталистов и, одновременно, дворянской и буржуазной культур, развиваемых этими слоями общества. Значимое место занимало общее положительное отношение к технике. Та часть крестьян, что возлагала свои надежды на технику, тяготела к городской жизни, культуре рабочих. Была сильна надежда, что техника окажется тем волшебным средством, которое поможет им облегчить тяжелый монотонный утомительный, впрямую связанный с жизненной необходимостью обеспечить собственное пропитание (т.е., следовательно, и выживание) крестьянский труд. По сути, идея развития общества в сознании крестьян редуцировалась до идеи технического прогресса, до понимания преимуществ городской - якобы более легкой и комфортабельной жизни. Она приобрела отчетливо выраженный потребительский оттенок, непроясненным осталось и социальное содержание идущих сдвигов. Вместе с тем в самом стремлении облегчить крестьянский труд крылась опасность разрушения трудовой крестьянской этики, что вовсе не означало автоматического стихийного формирования трудовой этики, новых ценностей труда индустриального общества. Последние требуют и обоснования высшими, возможно религиозными ценностями (протестантская этика), и экономическими императивами (рыночный механизм, заставляющий рабочего выходить на рынок труда). Они связаны и с изменениями самого содержания труда, с оценкой труда в обществе.

Процесс разрушения трудовой крестьянской этики и формирования новой трудовой этики и соответственно новой оценки, включающей изменения в содержании труда продолжается у нас

---

²² См., например, в "Дневниках" М.М.Пришвина о вражде деревень ("кибаев" с "шибаями") // *Пришвин М.М. Дневники. 1914-1917. М., 1991. С.289-294.*

в обществе до сих пор. В одном из писем, присланных в конце 80-х гг. в редакцию "Комсомольской правды", читатель с огромным раскаянием писал о своей безнравственности. Желая уклониться от до сих пор остающегося тяжелым и монотонным крестьянского труда, он закончил три высших учебных заведения, однако трудом свою городскую работу не считает. Его занятие, профессия, не связанная с физическим трудом, не имеет для него никакого нравственного оправдания²³. До сих пор рабочие профессии оплачиваются в России более высоко, чем профессии, связанные с интеллектуальным трудом.

Длительное время в стране сохранялась традиционная патриархальная культура властвования, предполагающая нерасторжимость идеологической, законодательной и исполнительной функций власти, власти и собственности, авторитаризм и патернализм. В рамках этой политической культуры вполне органичными были превращения утопических идеалов в реальную практику политической, идеологической деятельности, когда вся огромная страна нацеливалась на откровенно нереалистические, мифологические цели. Попытки избавиться от патриархальных представлений о культуре властвования в достаточно широких масштабах начинаются только сейчас. О том, как трудно они идут, свидетельствует постоянное стремление советов всех уровней подменять собой исполнительную власть, так же как и неумение исполнительной власти опираться на решения советов. Становление новой политической культуры включает переход от "монологизма" к культуре диалога и компромисса, от традиционной культуры властвования к собственно либерально-демократической, ибо там, где традиционная культура видит неэффективное, парализующее реальную деятельность управления, двоевластие, демократическая культура усматривает разделение властей, способных придти к такому компромиссу, который оставляет место конструктивному эффективному управлению, к выработке и реализации действительных решений.

Патриархальная культура, как и все другие фундаментальные типы культур, поддается оценке лишь в историческом контексте. Только историческая ситуация показывает, насколько та или иная культура соответствует задачам, стоящим перед обществом на данном конкретном этапе его исторического развития. Этот критерий инструментален, и в этом смысле стоит за пределами нравственности, так как оценка культуры ставится в зависимость от успешности действий, принимаемых решений, явля-

---

²³ См.: Кучкина О. Деньги и счастье // Комс. правда. 1989. 19 мая.

ющихся результатами следования культурным "программам", т.е. типичным образам мыслей и чувствований, знаниям и верованиям, характерным для той или иной культуры.

Но есть и другой критерий: соответствие культуры требованиям гуманизма, гуманистическим ценностям, развитию индивидуальности, формированию личности. Этот критерий имеет общечеловеческое значение. Гуманизм, свобода человека, ценность человеческой жизни, прав человека остается критерием прогрессивности человека и общества: "Для определения подлинно прогрессивного есть критерий, выработанный самой историей. Критерий этот - гуманизм в двояком аспекте: как обозначение специфических свойств человеческой природы и как оценка этих свойств в смысле высшего, разумного и вместе с тем этического начала человеческого поведения и всей общественной жизни"²⁴. Этот критерий - надежный ориентир, позволяющий избежать релятивистских позиций при сравнении различных культур.

Особенности драматического конфликта ценностей определяются длительным сосуществованием в обществе типологически различных цивилизаций. Незавершенность и длительность модернизации привели к рождению особых форм социальных структур, отношений, культуры, нацеленных на поддержание стабильности общества, находящегося в нестабильной переходной ситуации. Определенное в главе 2 (1) как раскол, это состояние ведет к появлению маргинальной *"расколотой" личности, мысли, поступки, решения которой пронизаны дезорганизацией*. Существовая в ситуации раскола, разлома культур, такая личность осваивает внутренне противоречивую культуру, формирует напряженный конфликтный внутренний мир. Эта конфликтность открывает себя в каждой клеточке общества, в каждом движении людей к сохранению, либо изменению существующего строя жизни, обрывая вновь и вновь ростки наметившегося последовательно направленного движения. Присутствуя в действиях, мыслях, поступках, творчестве личности, групп людей, общества в целом, конфликт ценностей - странное сочетание индустриального производства с архаичной организацией социальной и экономической жизни - вынуждает к лазированию, колебаниям, к бесконечным внутренним шатаниям, иными словами, к борьбе общества, личности с самим собой, к постоянному воспроизводству неустойчивости и, соответственно, к росту желания преодолеть состояние раскола.

---

²⁴ Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. М., 1972. С. 482.

3. Ценностные предпосылки совершенствования социальных отношений

Между тем противоречия типов воспроизводства, культур, ценностей, конфликты, столкновения между ними на определенном этапе почти неизбежны. Развитие всегда носит "очаговый" характер. Изменения совершаются неравномерно, нарастает культурное и социальное разнообразие. Специфика отечественной ситуации в культуре в том и состоит, что общество остается переходным, и только ищет пути к модернизированной культуре, правовому государству, гражданскому обществу. Те либерально-демократические ценности, культура, нравственность, что утвердились на уровне отдельных людей, "анклавов", должны получить массовое распространение, стать нормой жизни. Положение общества между статичным и динамичным типами общественного воспроизводства делает особенно опасными конфликты в культуре и социальных отношениях. Достаточно ясно, что возможность перехода к интенсивному типу общественного воспроизводства сопряжена с созданием механизма постоянного продуцирования инноваций в культуре и социальных отношениях в масштабах отвечающих целям общества, тому положению страны в мировом сообществе, которое отвечает массовым ожиданиям и представлениям. При этом следует избежать опасности сползания к деструктивному воспроизводству, что не исключено в случаях, когда инновации приобретают разрушительный характер, не осваиваясь в должных масштабах, т.е. тогда, когда эти инновации выступают в конфликт с исторически сложившейся системой ценностей большинства. Иными словами, речь идет о необходимости создания механизма саморазвития, который предполагает явную недостаточность прихода к новой стабильности, ориентированной на достижение некоторого заданного результата, на восстановление в новой форме некоторого варианта статичного общественного воспроизводства. Здесь возникает огромное число проблем, связанных с зависимостью социальных отношений, реализуемых в деятельности общественного субъекта, отдельных его уровней и форм от культуры, ее ценностей. Развитие требует утверждения ценности культурного разнообразия, культурной и социальной дифференциации, но они входят в конфликт с системообразующим принципом уравнительности - становым хребтом народной нравственности в статичном воспроизводстве. Развитие требует максимального раскрытия созидательных возможностей личности, признания творчества во всех сферах человеческой деятельности - экономической, трудовой, в

первую очередь, но не пройден путь воспитания зрелой ответственной самостоятельной личности, ориентированной на внутренние регуляторы собственной деятельности. Человек по-прежнему в большей степени стремится "вписаться" в сложившиеся социальные отношения, чем строить их согласно задачам, диктуемым логикой деятельности. Примеры можно множить.

В каждом обществе существует интуитивное представление о нормальном, достаточном, приемлемом уровне развития личности, культуры, социальных отношений. Сама культура и социальные отношения выступают средством фиксации исторически сложившихся и существующих в любой момент развития общества норм. Тем самым культура, социальные отношения, их организационные формы становятся не только результатом определенного уровня развития человека, но и гарантом его сохранения. Это препятствует развитию личности (если идет речь о статичном антигуманистическом обществе), или наоборот, мешает рецидивам антигуманизма (если речь идет о правовом государстве, демократической культуре).

Ценностные предпосылки совершенствования социальных отношений предполагают необходимость достижения определенного уровня развития массового гуманизма, потребностей в свободе экономической деятельности.

Необходимо развитие личности- осознание этого развития как основной ценности. Как известно, до революции в стране существовал резкий разрыв, почти пропасть между воспринявшим гуманистические ценности очень тонким образованным слоем, высшими уровнями культуры и архаичной культурой огромной массы людей, живших в локальных замкнутых сообществах. Культурно последние "жили в какой-то глубочайшей архаике"²⁵. Отсталые культурно-хозяйственные уклады, господство доиндустриальной культуры, добуржуазных форм социальных отношений одновременно означали доминирование доличностной культуры, повседневно господство локального сообщества над каждым человеком. Традиционная личность должна была ограничивать себя ценностями общности и следовать предписанным ей нормам поведения в силу того, что она сама отдает свое "естественное право" социальному целому, видит смысл своей деятельности в адаптации к традиции, обычаям, авторитетам, сакрализованной высшей власти.

---

²⁵ Фурман Д.Е. Сотворение новой земли и нового неба//Вопр. философии. 1989. №3. С.35.

Сложность ситуации состояла не только в разрыве между культурой образованных, высших классов общества и гигантскими массивами архаичной культуры, естественно сформировавшими различное представление о ценности человеческой личности, человеке как таковом, отношениях между людьми. Специфика ситуации заключалась в идущем расслоении самой почвы, в сложных, драматичных путях формирования ценности самостоятельной самостоятельной независимой личности. Как уже говорилось, традиционная патриархальная нравственность подрывалась в России задолго до 1917 года ростом утилитаризма. Этот процесс развертывался под влиянием роста товарно-денежных отношений, научного, технического, экономического прогресса, воплощаемых в деревне планов социального переустройства, осуществляемого в городе промышленного строительства и развития торговли. Новые явления входили в противоречия с устоявшимися формами жизни, с нравами и обычаями, традициями, обеспечивающими устойчивость, воспроизводство сложившихся социальных структур. Особенному давлению подвергалась основа-основ - сельские общества, общины, сельский мир. На них воздействовали как объективные процессы - рост городов, промышленности, новых социальных слоев города и деревни, так и субъективные: правительство, начиная с 1861 года, постоянно будоражило деревню все новыми и новыми планами переустройства, разрушало быт, культуру, нравственность. Идеи, которые несла в народ интеллигенция, часто имели антиправительственное содержание, что немало способствовало десакрализации власти, а следовательно и лишению ее нравственного оправдания, которое до поры она сохраняла. Насильственным проведением реформ власть и сама лишала себя в глазах крестьян авторитета и поддержки. Социальное расслоение деревни, особенно бурное со времени столыпинских нововведений, несло разрушение уравнительному пониманию социальной справедливости. Между тем уравнительная справедливость выступала системообразующим, центральным элементом традиционной нравственности народного большинства дореволюционной России. Требование роста эффективности аграрного производства, и, следовательно, замещения натурального и мелкотоварного хозяйства высокотоварным, необходимое для обеспечения нужд растущих городов, и принципы уравнительной справедливости, которые могли быть реализованы при условии сохранения локальных замкнутых самоуправляемых деревенских сообществ, пришли в резкое столкновение. Правительство не сумело разрешить этот конфликт между традиционной личностью и личностью, склонной к само-

развитию и инициативе, выходящей за рамки исторически сложившихся социальных отношений, т.е. между патриархальной уравнительностью и достижительными ценностями, естественно рождаемыми в процессе расслоения почвы. Оно проявляло значительные колебания в своем отношении к общине - то поддерживая, то считая необходимым отказ от нее как от консервативной структуры, тормозящей экономическое развитие. В конце концов власть решила на разрушение сельских обществ, и это было, видимо, одной из основных социально-психологических причин, заставивших традиционалистские массы поддержать революцию. При этом обеспечив экономическую и правовую поддержку разрушителям традиционных форм жизни, т.е. крестьянам, выходящим из общины на путь самостоятельного хозяйствования, власть не была в состоянии поддержать их политически²⁶, и тем более нравственно. Нарушители уравнительной справедливости были заклеены как "мироеды", "кулаки"; всего за годы столыпинской реформы решились на выход из общины не более 20% крестьянских хозяйств, при этом на земле утвердилось не больше половины от них²⁷ (понятно, что еще меньше было товарных хозяйств, выход из общины гарантировал большую самостоятельность, но отнюдь не экономический успех). Всем порывавшим с традиционным укладом жизни пришлось переступить через сильнейшее сопротивление своих соседей, по сути, подвергнуться остракизму и прямым угрозам: их отлучили от общины, не допускали на сельские сходы, не пропускали к воде и через общинные земли, грозили разрушением (а подчас и разрушали) хозяйства и т.д. Не удивительно, что натывшаяся на сильнейшее и возраставшее сопротивление реформа под предлогом начала 1-й мировой войны была совсем прекращена.

Однако крестьянство попало в ловушку. С одной стороны, в результате революции ему удалось в единстве с уравнительными силами города подавить слои, склонные к повышенной инициативе, к изменению древних традиционных социальных отношений, личность, склонную к экономической инициативе. Но, с другой стороны, в этой борьбе, избив наиболее активную трудовую свою часть, крестьянство катастрофически ослабило

---

²⁶ Хуторяне, крестьяне, выделившись на отруба, переставали играть какую-либо роль в сельском самоуправлении, их не избирали на выборные должности, и вообще они в политическом отношении оказались в изоляции. См.: Герасименко В.А. Борьба крестьян против столыпинской реформы. Саратов, 1985; Чернышев И.Л. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. Спб., 1911.

²⁷ См.: Герасименко В.А. Указ.соч.

себя в борьбе с государством. Государство, поддерживая крестьянство в борьбе против опасных для традиционализма новых сил, одновременно утвердило наиболее последовательный вариант деспотической государственной системы, наиболее близкий, - учитывая монополизацию ответственности за все общество в целом, слияние власти, собственности и идеологических функций - к древним формам государственности. Победа, однако, оказалась пирровой. Сломав сословность, государство лишило высшие слои общества тех свобод, которыми они пользовались, уничтожило сами сословия, культуру, которую они несли. Оно разрушило также и традиционные социальные отношения, их организационные формы на локальном уровне. Однако во многом традиционалистская культура была сохранена на общегосударственном уровне в модифицированном виде. Это заслуживает более подробного рассмотрения.

Включение крестьянина в административную систему, лишение его части собственности крестьянского двора резко сократило ограниченную свободу деятельности крестьянина на своей земле. Значительно возросла возможность его подавления, и следовательно, снизилась способность крестьянина творчески отвечать на изменения ситуации. Равно сокращались условия для проявления инициативы во всех социально и экономически значимых сферах деятельности. Общее подавление исторически сложившихся форм творческой деятельности в городе и деревне поставило в критическую ситуацию творческие силы общества, привело к психологическому отрыву части крестьян от веками складывающегося сельскохозяйственного труда, к отчуждению работника от результатов его деятельности. Вместе с общиной оказались подорванными и нравственные основы культуры, социальных отношений, самой жизни.

Однако возможен ли абсолютный и безоговорочный разрыв с прошлым культурным опытом? Традиционализм не исчез, но приобрел иные формы, передвинулся на новые уровни. Отдельные элементы традиционализма не только не ослабились, но, напротив, укрепили свое влияние. Личные живые связи с соседями, земляками, общиной как миром хозяйственных, культурных, территориальных отношений заменились безличной абстрактной связью с государством. В то же время "взрыв" традиционных структур - исход женщины из узкого круга семьи, крестьян из сельского мира, деревенских жителей в города, этнокультурных общностей в инонациональную среду привел к тому, что *люди свои привычные представления переносили, экстраполировали на новые социальные общности, на новую социальную структуру.*

Комячейка воспринималась как семья, коммунальная квартира как община, государство как многократно усилившийся, возросший, ставший могущественным сельский мир. От государства ждали поддержки, соседско-общинных отношений взаимовыручки и товарищеской взаимопомощи, от главы государства - как патриархального отца, традиционного авторитета, концентрирующего в своем лице власть, собственность и идеологически-жреческие функции, - мудрых решений и отеческой любви к "детям" - гражданам, братство по классу и партии заместило братство по крови. Такое отождествление, конечно, не могло не приносить постоянных разочарований. Новые отношения раз за разом доказывали свою несъодимость, нетождественность прежним. Семья - не государство, а отношения многоквартирного дома в городе мало чем напоминают общность соседских дворов в деревне. Социальная жизнь в большом обществе для носителей ценностей локальных сообществ лишалась своей первозданной естественности.

Насильственное разрушение традиционных структур не только не задержало, но даже усилило влияние вычлняющегося из традиционализма, идущего ему на смену утилитаризма, значение его как фактора изменения массовых ценностей.

Здесь нет возможности с достаточной полнотой охарактеризовать этот первостепенной важности процесс. Остановимся поэтому на самых общих его чертах в той степени, в которой это необходимо для нашей темы.

Утилитаризм - сложное многоплановое явление, изменяющее содержание и структуру человеческих ценностей. Начиная медленно развиваться в глубинах народной почвы, он *потенциально несет в себе рост значимости личностного начала, ценностей прогресса и развития*. Превращая весь мир в средства, человек ощущает необходимость раздвинуть рамки сложившегося уровня творчества. Он начинает активно эксплуатировать свои способности, динамизировать социальные отношения и культуру. Соответственно, сначала это происходит в достаточно ограниченных масштабах. Тем не менее в результате он начинает опираться на свои силы вместо жизни "по чужому загаду". Стимулом для этого является стремление обладать различного рода материальными благами. Путь к обладанию благами, однако, различен, в чем и заключается двойственность утилитаризма. С одной стороны, утилитаризм открывает возможность самоутверждения личности в труде. Но чтобы воплотить эту возможность в действительность нужно, как минимум, позволить человеку трудиться ради приобретения

благ, иметь сами блага и механизм, позволяющий всем, кто пожелает, свободно эти блага приобретать в обмен на труд. С другой стороны, стремление к обладанию благами может воплотиться и в другие формы, не связанные с производительным трудом. Так, может начать доминировать убеждение, что материальные блага следует отнимать, экспроприировать у тех людей, кто ими обладает, завоевывать у других народов, т.е. утилитаризм приобретает потребительски-грабительский характер. Может получить преобладающее значение и иная позиция, согласно которой благами обязано наделять человека государство, предстающее как некий бездонный кладезь неисчерпаемых ресурсов, иными словами, утилитаризм превращается в потребительски-изживенческий. Наконец, утилитарные блага можно добывать в обход закона, "доставать" их, в результате чего утилитаризм приобретает криминальные характеристики (впрочем, это лишь разновидность первой формы утилитаризма, узаконившего грабеж).

Если доминирующую роль начинает играть потребительский утилитаризм в какой-то из своих ипостасей, либо в их сочетании, то его развитие может истощить постепенно природную, культурную, социальную и т.д. среду, вплоть до полного их исчерпания и деградации. Потребительский утилитаризм, не уравновешенный производительным, трудовым, проявляет себя в разрушительных, патологических формах. Вместе с тем "виновен" в этом не сам по себе утилитаризм, но прежде всего общая ситуация, в которой он оказался и которая усиливает, подчеркивает его определенные, в данном случае потребительские направления и снижает, уродует, деформирует его позитивные творческие потенции. Эту общую ситуацию формирует конфликтное, начавшееся отнюдь не сегодня, столкновение традиционализма и утилитаризма²⁸. Их конфликтное противостояние и взаимодействие отпечаталось во всех общественных структурах, в личности, на общесоциальном уровне.

Так, советское государство воспринималось его гражданами одновременно как большая община, братская семья народов, т.е. в традиционалистских цветах, но также и как источник ресурсов,

---

²⁸ Утилитаризм также отрицается с позиций развитых форм либеральной нравственности, гуманистической культуры. Хотя они не приобрели пока в повседневной жизни массового характера, не распространились как реализуемая на практике норма среди широких слоев населения, либеральные ценности вышли сейчас на передний план общественной жизни (см. главу 8).

потребительских благ, т.е. утилитарно. Постоянное требование повышения производительности труда, создания современной материально-технической базы хозяйства, передовой науки, техники свидетельствует о поддержке динамических ценностей. Однако эти ценности признавались только на общесоциальном уровне как "благо всего общества", что предполагало архаичное отождествление работы на себя и на государство как свою семью. Широкое распространение личных связей при решении производственных проблем, опора на авторитет, идущие из традиционных общественных структур, сочетаются в обществе с апелляцией к безличным правам, закрепленным в законах.

О столкновении традиционалистских форм культуры с более развитыми, опирающимися на современные, и в том числе утилитаристские идеалы, свидетельствует отношение к личности. Лозунг "человек человеку друг, товарищ и брат" апеллировал к родственному, близким отношениям традиционалистского типа, но реально отношения людей чаще разворачивались по формуле: "ты мне - я тебе", воплощающей утилитарный подход к отношениям между людьми. Все годы советской власти в стране постоянно велась борьба против личностного начала и личности, консервировались традиционалистски понимаемые коллективистские ценности. Одновременно человека использовали как средство в массовых масштабах: рабский труд в лагерях, в том числе высококвалифицированный (работа интеллигенции в лагерных "шарашках"), некрепостной труд в колхозах. Такое использование, согласие на это использование одной из причин имело неразвитость представлений о человеке как цели, непонимание ценности личности. Скорее бытовало представление о людях как естественно, стихийно возрастающих ресурсах ("бабы еще народют"). Позиция отрицания личности была присуща той форме критики "абстрактного" гуманизма, которая производилась с "классовых позиций", а на деле утверждала доличностные традиционалистские формы морали, когда "своя" часть человечества отделялась от "чужой", жестко противопоставлялись "мы" и "они". Вульгаризованный ограниченный "классовый гуманизм" для "своих" родственен архаическому типу социальности, именно поэтому архаические культурные стереотипы легко меняют свое конкретное "наполнение": "враг народа" может почти мгновенно модифицироваться во "врага нации", во "вредителя", "бюрократа", "масона", "инородца", "нечеловека", "империалиста", "кулака", "отщепенца", "выродка" и т.д., вплоть до "антихриста" и "слуг дьявола" и др. Однако во всех случаях остается неизменной дихотомическая структура бинарной оппозиции, заставляющая вспо-

мнить и фундаментальные основы строения любой культуры, и действие механизма переноса, экстраполяции, "подводящих" новое содержание под старые формы, о которых написано в предыдущей главе.

В обществе на массовом уровне утвердились различные извращенные формы потребительского утилитаризма, по-прежнему находящиеся в конфликте с полуразрушенными, искаженными формами традиционной нравственности, которые до последних лет постоянно реанимировались насильственно удерживались государством. Сложность состояла в том, что реальные утилитарные ценности, утилитаристски-окрашенные формы человеческих отношений и связей не получали нравственной поддержки. Утилитаризм всегда в Советской России оставался на положении "изгоя" в обществе, где каждый шаг его развития сопровождался преследованиями. Это проявлялось и в постоянных попытках загнать развитие товарно-денежных отношений "в тень", истребить едва допущенные ростки предпринимательства. Тем самым утилитаризм дегуманизировался и вырождался. Однако надежды его подавить были иллюзорны. "Перестройка" легализовала утилитаристскую составляющую культуры; в наших условиях, как это уже было во времена НЭПа, утилитаризм оказывается грубым, неумеренным в своих "хватательных" инстинктах. Подавляя и отбрасывая традиционные ценности и устои, он невнимателен и к высшим ценностям и смыслам мировой культуры. Утилитаризм, утилитарные ценности несомненно должны быть ограничены в своих устремлениях, развязывающих эгоистическое начало в человеке. Все дело, однако, в том, какая система ценностей, какая нравственность ограничивает утилитаризм, до какой степени ограничивает и в каких целях он оказывается ограниченным. Это необходимо понять еще и потому, что утилитаризм - более широкое понятие, чем утилитаризм личности, отдельного человека. Он имеет всеобщее содержание, вполне находя свое проявление в утилитарных воззрениях и ценностях, утилитаристской нравственности коллектива, группы, социального слоя. Коллективистское содержание утилитаризма в годы советской власти не признавалось официально негативной ценностью, основной массив критики обращался против так называемого индивидуализма, эгоистических, часто связанных с предпринимательством устремлений отдельной личности. Тем самым реальное содержание, развитие, динамика различных форм утилитаризма оставались неосмысленными, неосвоенными в культуре и общественном сознании.

Как показывает исторический опыт человечества, преодоление конфликта между традиционализмом и утилитаризмом - в их совместной ориентации на более высокие формы нравственности, на гуманистические ценности, на поддержку и развитие личности. Надежды на изживание их конфликта - в гуманизации процесса стремления личности к реализации ее творческого начала, в постоянном преодолении деформаций, искажений утилитаризма, в первую очередь ограничении потребительских его форм, максимальном развитии тех форм утилитаризма, которые нацелены на производство, развитие личности.

Ориентированная на гуманистические ценности культура не появляется в единый миг, к ней нельзя "перескочить" сразу из традиционализма, из доличностной культуры. Ценности модернизированного общества должны постепенно выращиваться, культивироваться, постоянно охватывать все стороны жизни общества, все наиболее значимые и широкомасштабные сферы жизни человека.

На этом пути есть опасности. Всякая неспособность поддержать ростки интенсивного типа общественного воспроизводства, динамичного типа культуры, ценностей и социальных отношений, модернизировать общество до определенного желаемого уровня порождает опасность рецидива к менее развитым формам культуры и человеческих отношений. Срывы в переходе к новому этапу, неспособность гармонизировать отношения культуры и социальных отношений, неизбежно приводят к появлению движений, защищающих все известные в истории организационные формы традиционализма, архаичной государственности, начиная от максимальной концентрации власти и собственности, до проявления этих тенденций на уровне ведомств (этих своеобразных "вотчин"), до попыток усилить их влияние в различного рода небольших сообществах, включая территориальные. Изживание этих тенденций не может иметь место в одиночестве, но требует длительной последовательной, напряженной, терпеливой и упорной работы, исторического развития культуры и социальных отношений, концентрации на этой задаче всех живых сил общества и прежде всего нацеленность на эти задачи государства.

Борьба за переход к интенсивному типу общественного воспроизводства, к реальной модернизации охватывает, по сути, все сферы человеческой жизни. Однако все они имеют общую структуру. Каждый акт продвижения по этому пути включает в себя по крайней мере три основных элемента.

Во-первых, изменение личностной культуры, возрастание в ней потребности в личностной свободе, в расширении сферы от-

ответственности личности. Это изменение личностной культуры должно иметь место в единстве с личностной деятельностью, со способностью личности устанавливать систему своих связей и отношений.

Во-вторых, должен быть достигнут прогресс в соответствующей организации социальных отношений, которые как бы освобождают место для новых функций, новой ответственности общества, например, для ослабления культурных организационных запретов на технические изобретения, или на формирование нового типа организации и т.д., уступая место, занимаемое общностью, группой, бюрократическим аппаратом государства для соответствующей деятельности личности.

В-третьих, в обществе должна быть осознана необходимость в новой функции личности, тогда как личность одновременно нуждается в таком обществе, которое обеспечило бы ей свободу для выполнения ее функций, предоставило условия и средства для нормальной деятельности. Все эти три аспекта продвижения к модернизированной динамичной культуре и социальным отношениям должны обеспечить сдвиг в ценностях и социальных отношениях людей. В результате меняется тип личности, также как и содержание общественной жизни.

Движение к соответствующим изменениям в принципе может начаться в любой точке культуры и социальных отношений. Например, исходной точкой может стать личностная культура, стремление человека расширить диапазон своей творческой деятельности, оттесняя имеющие место запреты. Но это движение может начаться и с изменений в организационных формах социальных отношений. Например, рабочим стать акционерами, приобретая акции предприятия, на котором они работают. В первом случае успех будет зависеть от активности личности, от ее способности, объединяясь с другими людьми, разделяющими те же цели и ценности, долго бороться, упорно добиваться необходимых организационных сдвигов, соответствующей перестройки социальных отношений, общества. Во втором случае сами по себе организационные изменения начинают стимулировать изменения в личностной культуре людей. Успех таких "реформ сверху" возможен, однако, если людьми уже пройдена значительная часть пути в этом направлении, если их личностная культура нуждается только в определенном подталкивании, стимулировании для перехода на новый качественный уровень. В противном случае изменения будут блокированы пассивностью личности, ее неумением достигать конструктивных перемен в культуре и соци-

альных отношениях, в организации собственной деятельности и общении с другими людьми.

Переходная ситуация в культуре нашего общества осознается многими людьми как потеря ориентации, нравственный кризис. Она осмысливается как сосуществование в обществе различных систем регуляторов, дезорганизующих действия людей, их деятельность и отношения. Эта ситуация и заставляет ставить проблему ценностных предпосылок модернизации, искать пути совершенствования, гармонизации культурных и социальных отношений в современных условиях.

Глава 3

ЦЕННОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

1. Суть модернизации в стране

Модернизация неотделима от культурных перемен, в частности, перемен в ценностных ориентациях. Сейчас историческая практика свидетельствует о том, что путь европейских стран, связанный с индустриализацией, является образцом практически для всех стран мира. В различных, иногда очень значимых вариациях индустриализация с сопутствующими ей социокультурными изменениями стала повсеместной. С точки зрения логики, модернизация не является обязательным, неизбежным процессом. Однако те экономические и политические преимущества, которые извлекли вступившие на этот путь страны, побудили определенные социальные силы других стран добиваться у себя сходных изменений.

В царской России, а затем в СССР модернизация была вызвана скорее экзогенными, нежели эндогенными факторами. Место страны на мировой арене, а не стремление к богатству и благополучию внутри нее стали источником модернизационных импульсов. Доминирующие тенденции этого рода и обуславливающие их факторы совершенно очевидны и легко поддаются наблюдению. Рассмотрим из них наиболее существенные в том отношении, что они предполагают социокультурные изменения, разрушающие сложившиеся ранее и ставшие традиционными структуры действий, взаимодействий, мотиваций и оценок.

Движение к экономическим образцам индустриального общества было обусловлено стремлением политического лидерства страны не выпасть из структуры мирового рынка. Даже в период "железного занавеса" страна имела определенные зарубежные экономические связи. Хотя их слабость во многом способствовала консервативному пути индустриализации, связанному с полным государственным политическим контролем этого процесса и с его тотально принудительным характером. Расширение подобных связей при интенциях политического руководства занимать заметное место в международных делах открывало каналы для диффузии элементов экономической культуры разви-

того индустриализма. Для такой диффузии была определенная почва. Полный государственный контроль экономики в стране и сращение государства с крупными корпорациями в развитых индустриальных обществах позволял заимствовать образцы централизованных экономических решений. Но такое заимствование имеет сопутствующие последствия. Характер постановки и решения проблем, свойственных индустриализму, вносил в экономическую культуру советского общества определенные совокупности стандартов и критериев оценки, т.е. менял ее ценностные и нормативные элементы. Так, безусловно в соотношении с развитым индустриализмом оценивалась эффективность экономической системы. Качество добываемого сырья и выпускаемой продукции сравнивается с показателями, принятыми для обществ массового потребления. Руководство экономической сферой в стране ориентировано на механизм контроля над рынками сбыта и спросом, выработанные в рамках современных индустриальных обществ. Сейчас речь идет не о том, сколь эффективно протекает процесс такой диффузии. Хотелось лишь обозначить, что эта тенденция в экономической сфере существует и по своей направленности она пока необратима.

Ряд важных социальных изменений в стране тесно связан с этой тенденцией, ибо движение по пути индустриализма уже породило целесообразные для этого социально-структурные образования. Экономический рост, обуславливающий само существование нового индустриализма, вызывает повышение общего уровня жизни значительного количества включенных в него людей. Оба фактора обусловили структуру так называемого общества массового потребления, работающего как механизм, стимулирующий спрос и активизирующий функционирование рынка сбыта. Структура такого общества - это общество среднего класса с относительно малочисленными слоями очень богатых и очень бедных. Внутренняя дифференциация общества среднего класса, как свидетельствуют многочисленные исследования, происходит более по горизонтали, нежели по вертикали. Иными словами, группы, выделяющиеся для выполнения определенных социокультурных функций, являются относительно равноценными по общественному статусу и престижу в силу примерно одинакового уровня доходов, образования, социального влияния. Это обуславливает существование такой политической системы, которую сегодня принято называть демократической. Поиски новых рынков закупки сырья и сбыта готовой продукции, политические коалиции развитых индустриальных обществ наряду с исторически сложившимися устойчивыми межгосударственными связями

образуют ныне поле их интенсивных интеркоммуникаций. Оно расширяется за счет тяготения к социально-экономическим образцам индустриального общества стран, имеющих неодинаковое социальное, экономическое и политическое устройство. Речь идет отнюдь не о том, что политическое лидерство этих стран стремится прямо перенести на свою почву уже готовые структуры. Такое случается, но редко и обычно безуспешно, из-за различия в стартовых условиях порождения и заимствования подобных образцов. Однако совершенно очевидно, что современный индустриализм выступает как рамки соотнесения при построении картины будущего и оценке текущих социальных процессов практически в любом обществе.

Общие исторические корни, традиционные межгосударственные связи, окончательно разорвать которые оказалось невозможным, даже опустив "железный занавес", ориентация на индустриализм - все это делало политических лидеров советского общества значительно более восприимчивыми к образцам, условно говоря, западных социальных структур, нежели они это признавали. Все, что говорилось с политических трибун и писалось в обществоведческих трудах о социальной справедливости, равенстве прав, социальной однородности - всего лишь перифразированные определения общества среднего класса в одной из его вариаций. Соответственно таковой была и перспективная государственная нормативная модель социализма.

Тенденции экономической и социальной динамики, связанные с индустриализмом, обуславливают диффузию определенных культурных ценностей. Массовое повышение жизненного уровня, сколь бы малым оно не было, порождает ценностную концепцию улучшения качества жизни, которая и сегодня в стране, несмотря на углубляющийся кризис, имеет широкое распространение. Об этом свидетельствуют массовые требования: люди хотят не только больше денег, но и больше комфорта жизненных условий.

Движение к обществу среднего класса (разумеется, в своеобразном культурном варианте), к системе общественного разделения труда, свойственной индустриализму, к развитию межгосударственных связей существенно меняет взгляд людей на себя и социальный мир. Люди оказались разделенными на множество разнокачественных социокультурных групп. Совсем еще недавно эти различия определялись прежде всего принадлежностью к определенным элементам социально-профессиональной структуры. Сейчас же все более проявляется широкий спектр социокультурных детерминант дифференциации в обществе, имеющих соци-

ально-демографическую основу (молодежные группы, зачатки женского движения), культурные основания (политические группы, группы по интересам), базовые признаки социального расслоения (преступные группировки). Нет нужды напоминать о том, что ценности и социальные нормы во всех этих образованиях неодинаковы. И сегодня людям приходится принимать подобную разнородность как данность, как объективные условия собственного существования.

Далее, каждый отдельный человек в современном обществе является носителем определенного набора социальных ролей со специфичными для каждой функциями и предписаниями. Иными словами, сама личность представляет собой внутренне дифференцированное образование, составляющие которого отнюдь не обязательно находятся в отношениях баланса и гармонии. Не даром внутрличностный ролевой конфликт является специальным предметом изучения в социальной психологии, начиная от К.Левина и Дж.Миды.

Наконец, расширение межгосударственных связей влечет за собой в данных условиях интенсификацию культурного обмена. Начавшись на официальном уровне в области спорта, искусства, а затем науки, ныне такой обмен распространился на другие организации (фонды, система образования, так называемая народная дипломатия), а также стал доступен частным лицам. В этом случае людям также приходится сталкиваться с многообразием образов и стилей жизни, ценностных ориентаций, правил поведения.

Сегодня все большее число членов общества ощущает, что плюрализм социокультурной жизни непреодолим на индивидуальном, групповом и государственном уровнях. Им приходится зафиксировать это состояние как культурный факт и ценностно санкционировать его. Вспомним, что еще несколько лет назад при реальном социокультурном ценностном многообразии идеологически плюрализм осуждался и вопреки очевидности его наличие отрицалось в советском обществе. Сегодня в России идеологически он признан как позитивная ценность.

Следует подчеркнуть, что перечисленные процессы в совокупности существенным образом осложняют условия жизни людей за счет количественного приращения, увеличения качественного многообразия и ускорения смены их элементов.

Однако тот факт, что множество людей объективно находятся в одних и тех же условиях, отнюдь не означает культурной однородности их реакций на эти условия. Сегодня совершенно очевидно расхождение между социальными изменениями, про-

исходящими в обществе, и оценкой на уровне культуры их перспективной значимости. Расхождения обусловлены социокультурной неоднородностью общества, где сегодня официально признаны ранее с полной очевидностью проявлявшиеся (но замалчиваемые на уровне государственной идеологии) различия национальных, экономических, политических, обыденно-культурных интересов. Соответственно по этим параметрам обнаруживается неоднородность в определении нынешней социальной ситуации.

Различия наблюдаются в оценках желательности того, чтобы та или иная тенденция доминировала в социальной жизни. Соответственно неоднородны и действия сторонников различных тенденций. Так, одни группы развивают сепаратистские ориентации по отношению к государству, другие стараются поддерживать существующее состояние, третьи стремятся реанимировать имперские структуры. Одни активно формируют пласт официальной негосударственной экономики, другие столь же активно укрепляют государственный сектор, третьи усиленно пытаются легитимизировать теневые структуры. После крушения официальной советской идеологии возникло множество групповых микроидеологий, недостаточно отрефлексированных, внутренне увязанных, обоснованных, чтобы занять место "большой" идеологии, но достаточно убедительных в качестве разделяемых мироощущений, чтобы объединить единомышленников.

Все эти несоответствия обуславливают разнонаправленность действий и взаимодействий различных людей по отношению к модернизационным процессам. И это нормальная социокультурная ситуация, нормальная форма реакции на массовые и социально значимые перемены в обществе, имеющая свои как позитивные, так и негативные последствия. Правда, при сложившихся в стране обстоятельствах есть определенная опасность преобладания социально негативных коннотаций модернизации, обусловленная историческими причинами. Во-первых, долгое время в стране доминировало принудительное единообразие в общественной жизни в ее экономическом, социально-структурном и культурно-идеологическом выражении. Во-вторых, в культуре отсутствовал механизм осмысления и рефлексии к основаниям оценочных критериев происходящих в стране процессов. В-третьих, социальные изменения в обществе до сих пор не социализованы, т.е. им не придана приемлемая для различных групп людей и в то же время достоверная культурная форма. Имеется в виду, что долгое время такие изменения просто не фиксировались на общекультурном уровне, а сейчас они констатируются, но их интерпретации нереалистичны.

Сказанное свидетельствует о том, что в стране не сложились социокультурные механизмы интеграции модернизационных изменений в повседневность общественной жизни.

Таким образом, разнокачественность реакций на необходимость модернизации обуславливает различия в способах действий и взаимодействиях людей, разнонаправленность складывающихся тенденций в условиях, когда в обществе и культуре отсутствуют адекватные механизмы включения инноваций в имеющийся культурный фонд. Поэтому для того, чтобы выжить в такой ситуации, чтобы контролировать ее и, наконец, управлять ею, членам общества необходимо представлять себе социокультурную дифференциацию в отношении модернизации и свое место в ее рамках. Обратимся к рассмотрению этого вопроса.

2. Социокультурная морфология модернизации: некоторые методологические соображения

Изучение социокультурного расслоения - тема, уже около века ставшая классической в мировой общественной науке. До этого она была подробно рассмотрена в рамках художественной литературы в ее известных и популярных образцах - достаточно вспомнить "Человеческую комедию" Оде Бальзака. Исследовательский инструмент, разработанный при ее изучении, многообразен и удобен. Сегодня соответствующие теоретико-методологические построения охватывают общее, вариации и различия у сообществ и личностей, их количественный и качественный аспекты, устойчивость и мобильность внутри единиц расслоения и между ними.

Обращаясь сегодня к анализу социокультурной ситуации, следует не просто обозначить социокультурные группы, действующие в обществе, хотя само по себе такое описание, сделанное на основе эмпирических обобщений, было бы познавательным благом. Состояние общественных наук в стране сейчас таково, что построению описаний и классификаций следует предпослать рефлексию к исходным методологическим основаниям. Важность такой процедуры обусловлена постепенной переориентацией - в общественных науках в большей степени, в социальной философии в меньшей - от онтологической метафизики априорно провозглашенных форм общества к осознанию значимости того, что теория не обеспечивает универсального знания об устройстве определенной аналитической области, но является инструментом для наблюдения и интерпретации того, что в ней происходит и почему.

Задачей данной работы является описание и классификация социокультурных групп или начал социокультурного расслоения по отношению к процессам модернизации. Для решения этой задачи использовался набор определенных исследовательских инструментов, часть которых была в готовом виде заимствована из уже имеющегося концептуального фонда общественных наук, а часть разработана применительно к изучению более широких аспектов динамики общества и культуры. Остановимся подробнее на каждом из исходных допущений, обеспечивающих границы и структуру исследовательского поля.

Для определения дифференциации социокультурных групп по отношению к модернизационным процессам применялось конструирование типов. Это хорошо известная процедура, применение которой состоит в выделении набора признаков и показателей, указывающих на "социокультурные синдромы", относящиеся к динамике общественной жизни в установленных границах времени. Конструкция идеальных типов в данном случае применялась по отношению к двум наблюдаемым переменным. Во-первых, к таким тенденциям в культурной жизни, которые со времени Ф.Ницше и О.Шпенглера принято называть "темами" в культуре. Это наборы устойчивых сочетаний социальных действий и их идеологических оправданий, которые многократно воспроизводятся и детерминируют индивидуальное и групповое поведение в массовом масштабе. Во-вторых, к так называемой базовой структуре личности. Речь идет об устойчивых, массово распространенных личностных характеристиках - реакциях, поведении, диспозиционных структурах, - сложившихся вокруг культурных тем. В данном случае в отечественной культуре выявляется динамика тем, связанных с модернизацией, базовые личностные черты, сложившиеся в связи с этими темами в экстремальных условиях, и те, что становятся значимыми при нормализации условий и изменении тем, относящихся к модернизации в настоящее время. Причем, указанные личностные характеристики разделяются по двум уровням: общераспространенные, существующие в массовом масштабе, и собственные социокультурным группам, типологизированным по основанию отношения к модернизации.

Для обоснования существенности показателей, по которым определяются темы и базовая структура личности в ее общесоциальном и групповом аспектах, удобно обратиться к проблемно-ситуационному анализу. Он позволяет выделить социально значимые проблемы (устойчивые, широко распространенные в обществе, существенные для физического и социального выжива-

ния людей), которые стимулируют поисковую активность членов общества, являются центрами их внимания и приложения усилий, обуславливают формирование социокультурных областей. Есть основания утверждать, что имея дело именно с такими проблемами, люди устанавливают конвенциональные культурные темы и в соответствии с этим у них формируются определенные базовые личностные черты.

В настоящее время в общественных науках есть теория, допускающая первоначальную классификацию реакций людей на стрессовую - в более мягком выражении проблемную - ситуацию¹. Концепция трех фундаментальных для популяции идеально-типических синдрома реагирования: разрушительный, пассивный и конструктивный - оказывается удобным инструментом для построения динамической картины, связанной с процессами модернизации. Она позволяет идентифицировать социокультурные силы, способствующие и препятствующие распространению в обществе этих процессов.

Таким образом, выше был представлен объект исследования: дифференцированные социально значимые отношения к модернизационным процессам, наличие которых в обществе было обосновано в самом начале. Обратимся теперь к предмету исследования, т.е. к наиболее показательным для объекта единицам наблюдения и анализа. Как известно, явления, события, процессы, имеющие социальную значимость, обязательно приобретают интерсубъективное выражение, т.е. становятся фактами культуры. Более того, фиксируется и степень их значимости в отношении к индивиду, группе, обществу в целом, в их соотношении друг с другом. Иными словами, они приобретают статус культурных ценностей. Ценности могут быть вполне приемлемыми единицами наблюдения и анализа модернизационных процессов по ряду соображений. Во-первых, изучен механизм их формирования в проблемных ситуациях и, следовательно, правомерно отношение к ним как к устойчивым интерсубъективным образованиям. Во-вторых, известна их специфика как социально демонстрируемых элементов культуры и, следовательно, они вполне доступны для наблюдения. В-третьих, общепризнана их социально-регулирующая функция и, следовательно, их можно рассматривать как материал для выстраивания культурных тем, с одной стороны, и как организующий элемент базовой структуры личности - с другой.

---

¹ См.: Орлова Э.А. Современная городская культура и человек. М., 1987.

Однако при таком подходе вводится одно значимое для анализа уточнение. Изучение имеющихся в культуре ценностей имеет смысл для понимания ее динамики лишь в том случае, когда провозглашаемые ценности соотносятся с реальными действиями на индивидуальном, и что более важно для рассматриваемой темы, групповом уровнях. В то же время следует помнить, что действие в проблемной ситуации имеет двойную детерминацию. В социальном плане оно направляется и ограничивается совокупностью общесоциальных и групповых ценностей, приобретающая характер социального действия. Но есть еще и индивидуальный план - мотивационный. Мотивация в отличие от ценности может не демонстрироваться личностью; более того, она может быть неосознаваемой и не иметь интересубъективного, т.е. культурно-символического выражения. Тем не менее она обуславливает направленность действий личности, их сцепленность или последовательность, степень удовлетворенности их результатами и последствиями. Таким образом, изучение социокультурного расслоения в отношении к процессам модернизации на уровне предмета исследования предполагает *дифференциацию провозглашаемых и мотивирующих ценностей*, с одной стороны, и *реальных стереотипов поведения* - с другой.

Такая структура исследования имеет две важные стадии. Первая заключается в том, чтобы на перечисленных выше основаниях выявить идеально-типические направленности реальных действий и их ценностного оправдания в определенных социокультурных пространствах, детерминированных модернизационными процессами. Она заканчивается построением классификационной модели качественного распределения содержания типичных социальных действий с точки зрения поддержания этих процессов или сопротивления им. Это специфично культурологическая часть исследования. Второй этап состоит в статистическом и динамическом анализе количественного распределения членов общества по соответствующим качественным параметрам. В результате определяются группы-лидеры социальных действий и те, что вырабатывают наиболее приемлемые культурные формы этих действий. Определение их количественного (по числу людей и интенсивности социокультурной активности) соотношения позволяет судить о факторах и механизмах, способствующих ускоренному распространению одних социокультурных реакций на модернизацию и торможению других.

В данном случае проводится лишь первая из названных частей исследования. Выделенные темы и идеальные типы личностных структур будут представлены в виде определенных синдромов, содержащих устойчивые совокупности мотивационных, ценностных и поведенческих стереотипов.

3. Содержание модернизационных ценностей до Второй мировой войны: возвращение к традиционализму

Динамика общества и культуры под влиянием мировых процессов, связанных с индустриализмом и пост-индустриализмом, с массовым потреблением состоит в изменении не только элементов предметно-пространственного жизненного мира людей, социальных связей между ними, но и их культурной значимости. Каждый шаг по пути модернизации сопровождается совокупностью проблем, которые следует решать для достижения вполне определенных целей. Решение же этих проблем предполагает активизацию соответствующих совокупностей социально значимых способов деятельности, поведения, личностных свойств, перераспределение ценностных акцентов между ними.

Следует, однако, помнить об инерционности сложившихся культурных стереотипов, т.е. устойчивых и повторяющихся наборов отношений, взаимодействий, поведения, о том, что это не просто привычки, но привычки ценностно оправданные и, следовательно, социально санкционированные. Складываясь при этом состоянии общественных отношений, они в силу своей инерционности являются устойчивыми по отношению к постепенно меняющимся жизненным условиям. Обычно это особенно заметно при вынужденных трансформациях основополагающих социальных структур. В этих условиях сторонникам подобных преобразований противостоит значительная часть людей, склонных скорее испытывать неудобства, следуя привычным стереотипам образа жизни, нежели искать путей их изменения во имя более комфортабельного существования.

Сравнение условий формирования культурных стереотипов, связанных с модернизацией, и их ценностного выражения на предыдущем (до Второй мировой войны) и сегодняшнем этапах позволяет выявить важные черты их динамики. Обнаруживается, какие из них перестали соответствовать нынешнему этапу модернизации, но при устойчивом воспроизведении препятствуют его реализации.

Обратимся к социокультурным стереотипам, сформировавшимся в довоенный период. В течение длительного времени страна постоянно находилась в экстремальных условиях. Первая мировая война, а затем октябрьский переворот 1917 г., вызвавший длительную гражданскую войну и конфронтацию страны с бывшими союзниками, породил целый ряд негативных социокультурных последствий, которые свели до минимума зародившиеся в России процессы модернизации западноевропейского

типа. Сломались начинавшие устанавливаться структуры хозяйствования - специфичный продукт симбиоза традиционных и индустриальных форм. В стране была уничтожена (частью физически, частью благодаря эмиграции) элита экономической культуры, включая "рабочую аристократию". Отсутствие своих подготовленных специалистов, а также ничтожная культурная диффузия в эту область образцов из более развитых стран вплоть до сегодняшнего времени поддерживали экономическую жизнь страны на примитивном уровне. Неумелая постоянная перестройка хозяйственных структур (включая НЭП) государственными функционерами привела к двум драматичным последствиям. Сложилась так называемая плановая система, связанная с тотальным, но неумелым контролем производства и распределения, под которую подгонялась реальность, естественно, не укладывавшаяся в эти рамки. Наряду с этим из управления хозяйством были вытеснены квалифицированные специалисты высших звеньев (ученые, инженеры, менеджеры). Система приобрела два уровня: некомпетентное централизованное управление и малоквалифицированные исполнители "на местах". Функционеры приказывали проводить индустриализацию, а исполнители отчитывались в выполнении спущенных сверху планов. Причем ни одна из сторон отчетливо не представляла себе, что такое индустриализация, чем она была вызвана в промышленно развитых странах и какими способами осуществляется.

Не удивительно, что такой путь модернизации, разрушая те хозяйственные механизмы, что едва сложились до революции, воспроизводил чрезвычайную массовую бедность в стране. Со временем она стала привычной, представления о богатстве стерлись из памяти людей, а любое стремление к нему стало считаться аномалией. Но, как известно, современная индустриализация невозможна без богатства, что и было доказано примером советского общества.

Наряду с этим постоянно воспроизводился массовый низкий уровень культуры, как общей, так и профессиональной. Попытки осуществить модернизацию традиционными для феодальных структур способами привели к численному росту неквалифицированной рабочей силы, обслуживающей гигантские предприятия раннеиндустриального типа. Увеличение числа промышленных рабочих в городах происходило за счет миграции в основном сельского населения, которая, как известно, повела к резкому снижению общего уровня культуры в крупных исторических городах. Традиционные стереотипы сельской культуры, пересаженные на городскую почву, где эрозия уже про-

изошла с уничтожением "социально чуждых", надолго затормозили процессы рационализации и секуляризации общественной жизни, являющиеся важными культурными составляющими модернизации. "Традиционализация" общественных процессов в стране усиливалась ее длительной изоляцией от индустриально развитого мира. Экономические и культурные коммуникации были предельно слабыми, а политические носили в основном форму конфронтаций. Соответственно почва для культурной диффузии была зыбкой, и модернизационные образцы заимствовались либо в узко технологических областях (в основном в оборонной промышленности), либо искажались до степени дисфункциональности.

Все это привело к массовому распространению социально значимых проблем, безоговорочное право формулировать и решать которые оказалось у некомпетентных партийно-государственных функционеров. Соответственно в предвоенные годы решались главным образом следующие проблемы. Во-первых, поддержание страны в прежних границах и попытки реализовать политические амбиции на международном уровне побуждали представителей новой власти внушать народу страх перед внешними и внутренними врагами и стимулировать готовность к борьбе, т.е. агрессивному поведению. В сфере экономики это сопровождалось накоплением военного потенциала.

Во-вторых, некомпетентное политическое лидерство пыталось достичь высокого уровня индустриализации быстрыми темпами и без оценки готовности к этому различных регионов бывшей Российской империи. Соответственно началось ускоренное строительство промышленных гигантов; интенсификация производства сырья и средств производства (правда, все время устаревающих); искусственное стимулирование миграции. Ускорение распространилось и на повышение уровня образования населения. Специалистов стали подготавливать из рабочего класса и крестьянства быстро, по упрощенным курсам, зато много. Соответственно в промышленности и сельском хозяйстве такие специалисты не имели знаний и навыков, чтобы выпускать продукцию высокого качества, в нужном количестве, хорошо управлять производством, обеспечивать рост его научного и технического потенциала.

Стремление государственного лидерства удержаться у власти и отсутствие в культуре прочных исторических и символических оснований этой власти породили длительную конфронтацию в поисках компромисса между нею и населением. Официальное руководство в центре и на периферии стремилось взять под то-

тальный контроль не только экономическую, но также социальную и идеациональную сферы, обыденную культуру людей. Социально пассивное большинство отчасти осознанно, отчасти невольно помогало этому. В результате противозаконной в стране стали крупная частная собственность - индивидуальная и коллективная, - неофициальные социальные объединения; политические, экономические, философские концепции, отличные от санкционированной официально марксистско-ленинской доктрины. Иными словами, правящая олигархия всячески мешала образованию любых социокультурных единиц, процессов, независимых от государства. В условиях, когда экономическая, политическая и интеллектуальная элиты прошлого подверглись уничтожению; когда крестьянство было полностью подчинено крепостной зависимости; когда большинство населения составляли самые консервативные и социально пассивные слои общества - рабочие, мигранты-крестьяне, мелкие мещане - разрушение прежних форм социальности и препятствие созданию новых, не санкционированных сверху, оказались вполне возможными. Власти, опирающейся на военную и экономическую силу, некому было противостоять. Наиболее активная и талантливая часть людей была как всегда малочисленна, не имела своего социокультурного "пространства" в обществе и оказалась бесправной. Пассивное же большинство имеющееся положение дел вполне устраивало. Тем более, что власть была поистине из "народа": все ее представители вышли из низших социальных слоев и на своих местах сохранили уровень "народной" культуры. При этих обстоятельствах сформировались определенные культурные темы, связанные с модернизацией. Они были утверждены как программы, государственные цели, и для их достижения выстраивались внутриполитические стратегии и концентрировались общественные усилия. Они идеологически были связаны с построением так называемого нового общества и формированием "нового человека". Попытаемся сформулировать их и выделить сопутствующие стереотипные поведенческие и ценностные синдромы.

Тема "строительство социализма и коммунизма".

Ориентация на общество рабочих и крестьян с концепцией уравнительного типа справедливости в реальных условиях породила всеобщий принудительный труд. Сопровождающий запрет на частную собственность, имевший массовую поддержку в стране, позволил некомпетентному государственному лидерству в центре и на периферии произвольно распоряжаться национальным доходом. Последствия этого сегодня очевидны: общество "низшего класса" с традиционалистскими структурой и ценно-

стями, с правящей олигархией выходцев из этого же класса с тем же общим низким уровнем культуры.

Ориентация на ускоренную индустриализацию реализовалась в нескольких направлениях. Недостаток интеллектуальных и производительных ресурсов для развития технологической культуры был компенсирован созданием "машин из людей", т.е. количественным ростом низкокавалифицированных рабочих, концентрирующихся на предприятиях-гигантах. Это же обусловило возвращение к начавшей преодолевать в царской России преимущественной ориентации на добывающее производство в ущерб перерабатывающему. Подобные тенденции равно прослеживаются в промышленности и в сельском хозяйстве. Иными словами, динамика производства стала осуществляться экстенсивным путем, т.е. произошло возвращение к традиционным способам производства. Укоренился стереотип низкокавалифицированного напряженного труда.

Ориентация на массовое образование низших классов (при отсутствии высших), на ускоренную подготовку из них специалистов, необходимых для индустриализации - инженеров, управляющих, научных работников, преподавателей - осуществлялась в отрыве от социальной и культурной среды, породившей и стимулирующей модернизацию в других странах. Результатом стал государственно стимулируемый рост плохо образованных специалистов, с одной стороны, и понижение критериев требований к качеству образования - с другой. Сложился устойчивый массовый стереотип малых затрат времени и усилий на образование и на последующее совершенствование собственных знаний и навыков.

Традиционные способы производства, постоянное пресечение попыток возрождения частной собственности, слабая общекультурная и специализированная подготовка будучи массовыми явлениями укоренили привычку большинства людей к низкому качеству жизни: некомфортность условий труда и быта; малые интеллектуальные запросы; общее равнодушие к гигиеническому и эстетическому аспектам жизненной среды. Надо отметить, что в этом отношении у правящего слоя было полное единодушие с управляемыми: первым было легче контролировать бедные, полуграмотные массы, вторым позволялось не затрачивать усилия на создание и поддержание жизненного комфорта и на развитие собственных знаний и навыков.

Таким образом, попытки осуществить строительство социализма, т.е. создать альтернативную модель индустриализации традиционным способом потерпели неудачу. И это естественно,

ибо процесс имеет свою эмпирически сложившуюся экономическую, техническую, социокультурную логику. Нужны большие капиталовложения, в первую очередь, в наукоемкие технологии. Нужен высокий уровень динамики производства, т.е. постоянный рост спроса, обуславливающий его расширение². Нужна конкуренция в обновлении технологий, для чего необходимы квалифицированные специалисты, способные к инновативной деятельности в науке и т.д. Директивная индустриализация без цепочки "рост производства - расширение сферы потребления - улучшение качества жизни - новая стадия индустриализации" не имеет внутренней опоры и, как показывает практика, мало эффективна.

Массовые стереотипы социальных действий, сложившихся вокруг этой темы, обрели ценностное оправдание. Оно нашло выражение в государственной идеологии, насаждаемой в массовом масштабе. Ускоренные темпы динамики экстенсивной традиционалистской экономики наряду с обусловленной ею же всеобщей бедностью требовали огромных объемов дешевой рабочей силы. В результате родились ценности энтузиазма, самоотверженного, бескорыстного труда во имя построения нового общества, жертвование индивидуальным во имя коллективного, настоящим во имя отдаленного будущего. Попытки же некомпетентного политического лидерства мобилизовать усилия огромного числа малоквалифицированных рабочих для решения этой задачи оправдывались ценностями труда как жизненной потребности, простого народа с примитивным единообразным мировоззрением и безоговорочной исполнительностью.

Ускоренные темпы массового образования и профессиональной подготовки способствовали быстрому распространению ценностей, почвой для которых всегда было невежество: приверженность формальному знаку уровня образования (аттестат, диплом, звание) и пренебрежение фактическим владением знаниями и навыками; одобрение общедоступности и простоты в сфере познания; передача готового знания, а не поиск нового; утверждение приоритета самодетельного искусства, рационализаторства и изобретательства над профессиональным решением социокультурных проблем.

Постоянная нехватка товаров и услуг массового спроса, некомфортабельность жизненной среды возродили и укрепили ценности, утвержденные на рубеже XIX и XX вв. христианству-

---

² Как известно, "новое индустриальное общество" является также "обществом массового потребления".

ющими народниками-разночинцами: культ страдания, бедности, лишений. Стремление к комфорту, следование моде осуждались в массовом масштабе, что было - вдобавок к экономическим затруднениям - сильным культурным тормозом движения к обществу массового потребления.

Итак, тема "строительство социализма и коммунизма", т.е. нового индустриального общества альтернативным путем, реализовалась как возвращение к традиционным способам хозяйствования в бедном, плохо управляемом обществе.

Следующая важная культурная тема - могущество и процветание социалистического общества. Стереотипные поведенческие синдромы сложились на пересечении воспроизводящейся массовой бедности и отсталости, с одной стороны, и стремлении управляющих и управляемых убедить себя в "правильности" положения дел в стране и небесполезности жертв, ценой которых оно было достигнуто, - с другой. Наиболее социально значимые из этих стереотипов таковы.

Экстенсивный тип динамики в экономической сфере обусловил привычку работать для достижения количественных показателей в сферах промышленности и сельского хозяйства, образования, науки, урбанизации прочих аспектов индустриализации. В условиях стимулирования производства без потребления и без заметного участия на внешнем рынке качество выпускаемой продукции, образования, научных работ перестало быть критерием оценки социальной и индивидуальной значимости деятельности. Могущество страны выражалось в увеличении "вала".

Стремление государственного лидерства создать видимость постоянного улучшения положения дел в стране породило массовую привычку преувеличивать успехи и скрывать недостатки в социально значимых областях жизни. Более того, в этих условиях появились особые группы людей - писатели, журналисты, обществоведы, идеологические работники, которые существовали и поощрялись специально, чтобы роковые ошибки и преступления в управлении страной, производством оправдать и представлять как достижения. Оправдание, как правило, было связано с нерелексивным перенесением вины на внешнего или внутреннего врага или с апелляцией к новизне исторических задач, относящихся к построению социализма. Превращение ошибок в достижения базировалось на внешней изоляции страны и реализовывалось как принудительное их распространение (коллективизация, строительство промышленных гигантов, мелиоративные мероприятия и т.п.). Длительное воспроизводство

этой привычки чрезвычайно замедлило динамику в экономической сфере, связанную с накоплением и реализацией научно-технических инноваций, совершенствованием систем образования и профессиональной подготовки, соответствующих логике нормального развития индустриализма.

В совокупности действие названных факторов имело последствием привычку относиться к труду как к способу заработать на жизнь без ответственности за его качество. Ведь в этой сфере сложилась ситуация, при которой результаты работы были ориентированы не столько на расширение сферы потребления, сколько на рост традиционалистски ориентированной сферы производства. Требование выполнения плана имело статус закона, а распределение плановой продукции было централизованным и не стимулировало развитие производственных единиц: обычно у более эффективных из них доходы отчуждались в пользу низкопроизводительных.

В сфере повседневного общения генеральная тенденция подчеркивать преимущества и замалчивать недостатки постепенно вызвала привычку не доверять информации, распространяемой официальными источниками. Стремление работников сферы управления скрывать расхождения между принуждением к выполнению нереалистических планов и реальным качеством работы, между содержанием отчетов о количественных показателях и состоянием уровня жизни на самом деле создало привычку не обсуждать проблем в публичных ситуациях. Соответственно многие темы, имеющие социальную значимость и предполагающие компетентный, профессиональный анализ на основе достоверной и специализированной информации были вытеснены из предназначенных для этого сфер культуры - наука, политические дискуссии, пресса - на обыденный уровень. Они обсуждались в приватных беседах на базе слухов и случайных обрывочных сведений.

Перечисленные здесь стереотипные синдромы поведения приобрели соответствующее ценностное оправдание. Стремление приобрести превосходство в мировом масштабе, сопровождавшееся неприятием страны развитыми западными государствами, имело последствием конфликтно-изоляционистское политическое поведение с резким идеологическим противопоставлением "мы - они". Это оправдывалось ценностью собственного превосходства по отношению к западной культуре эпохи модернизации. Препятствие культурной диффузии на долгие годы задержало перемены в специализированных сферах культуры - экономике, политике, праве, философии, науке, искусстве, религии. По сути

дела, на этом уровне происходило упрощенное воспроизводство официально санкционированных классических образцов, объявлявшихся производной социалистического общества. Новое в культуре вызывало всеобщее сопротивление. Низшие классы и их лидеры были единодушны в нападках на него, требовали доступности, понятности, непосредственной социальной утилитарности. Так сформировалась ценность полуобразованности, культурной ограниченности, пренебрежение к элитарной культуре и, естественно, ее носителям. Разрушению связей с мировой культурой того времени в сферах философии, науки, искусства сопутствовало возрастание ценности примитивных, предельно упрощенных, никак не обоснованных схем. Стремление же добиться сиюминутных успехов в осуществлении "культурной революции", массового приобщения "широких слоев трудящихся" к культуре вызвало резкое снижение критериев требований как к общекультурным, так и к профессиональным качествам личности.

При характеристике общественной жизни ценность количественных показателей самым существенным образом возобладала над качественными. Наряду с этим видимость стала более ценной, чем скрывающаяся за ней реальность. Привычка выдавать желаемое за действительное вызвала ценностный приоритет идеалов по сравнению с тем, что существует, и оценочных суждений по сравнению с аналитическими.

Таким образом, тема могущества и процветания социалистического общества в качестве культурных коннотаций сопровождалась привычкой мириться с расхождениями между провозглашаемыми идеалами благоденствия, высокой культуры, развивающейся экономики и реальными бедностью, полуневежеством и низкоэффективным производством. Эта же тема укрепляла изоляционистские тенденции страны по отношению к развитым индустриальным обществам, мешала процессам культурной диффузии, подавляла попытки социальной рефлексии.

Наконец, еще одна важная тема - это стремление властей держать под контролем всю общественную жизнь. Официально она была провозглашена как всенародное единство и руководящая роль партии. Массовые стереотипы поведения сложились на пересечении принудительных способов осуществления власти, слабого функционирования правовой системы и пассивности большинства населения в отношении социальной самоорганизации. Можно выделить те из них, что наиболее значимы с точки зрения рассматриваемой темы:

Выполнение директивных указаний, в первую очередь государственных планов, любой ценой со строгим наказанием нижестоящих руководителей за их нарушение привело к тому, что у подобного рода деятельности резко снизилась ее социальная функциональность и усилились знаковые характеристики. Имеется в виду, что исполнители усиленно имитировали перед своими руководителями видимость производственной и социальной активности, а эти руководители демонстрировали вышестоящим динамику успехов вверенных им объектов. И так сквозь всю иерархию. Реальное положение дел ни для кого не имело значения, и на этом уровне все происходило бесконтрольно, стихийно. Именно предпочтение подчинения приказу по сравнению с эффективностью действий привело с течением времени к кумуляции ошибок и негативных последствий в тех сферах общественной жизни, - а таких очень много, которые не поддаются однолинейному жесткому управлению.

Полная зависимость хозяйственных и социально-политических единиц от центральных органов управления и подконтрольность им во всем до мелочей парализовали самостоятельность и инициативу этих единиц, конкуренцию между ними. Соответственно даже самая эффективная инновация не обеспечивала им никаких преимуществ. Иными словами, плановое социально-экономическое развитие государственное лидерство пыталось реализовать единообразно и равномерно, убрав из этого процесса его движущий механизм - конкуренцию за новшества. В результате в специализированных сферах культуры, к функциям которых относится порождение нового - политика, наука и техника, искусство - сложилась массовая привычка воспроизводить рутинные процессы и избегать инноваций. То же стало характерным для производственных единиц, ибо технические инновации для них оказались невыгодными: повышение производительности труда порождало избыток рабочей силы и снижение заработной платы.

Оба названных фактора в совокупности обеспечили еще один распространенный синдром экономического поведения, препятствующий развитию индустриализации. Речь идет о привычке к неравномерной нагрузке. Повсеместным явлением стали медлительность начальных стадий реализации планов и спешка при завершении плановых сроков. Естественно, такое распространение усилий негативно сказывается на качестве выполняемых заданий.

Следует также уделить некоторое внимание тому, что произошло с активными, инициативными, талантливыми членами

общества, которые в силу человеческой природы никогда не переводятся и которыми очень трудно управлять. Политические инноваторы объявлялись врагами народа и уничтожались - не в физическом, так в социальном смысле. Создатели нового в сферах науки и искусства делали это для себя, ибо не могли по-иному, с одной стороны, и не получали социальной поддержки - с другой. Люди с выраженными деловыми способностями, не находя себе применения в официальных организационных структурах, сдвигались в зону отклонений и преступлений. Иными словами, плановая принудительная индустриализация проводилась и без второго движущего механизма - активных, талантливых, умелых людей и той информации, которой они способны располагать и пользоваться.

Воспроизводство подобного рода массовых стереотипов оправдывалось соответствующими ценностями. Ценности единства, братства, взаимопомощи надстроились над практикой жесткого централизованного управления производством и распределением в многонациональном, экономически и культурно неоднородном государстве. Ими оправдывались репрессии по отношению к любым попыткам на уровне республик или социокультурных групп достичь экономической или политической автономии, попытаться осмыслить, что реально происходит в стране, принять участие в конкуренции за власть, предложить альтернативные пути движения в той или иной области культурной жизни. Соответственно массовая демонстрация приверженности этим ценностям вытеснила многообразие иных возможностей из публичной социокультурной жизни в приватную сферу.

Стремление властей удержать позицию всеохватывающего контроля породило ценностный приоритет формальных знаков осуществления управления: кабинет, персональный транспорт, прямая телефонная связь с вышестоящим руководством, особый режим работы, закрытые совещания - по отношению к адекватному решению социально значимых проблем. Поскольку профессиональные качества перестали по указанным ранее причинам быть критерием отбора для выполнения управленческих ролей, компетентность вытеснилась другими ценностями. Отбор в так называемую номенклатуру проводился в соответствии с критериями социального происхождения, родства или землячества, определенной последовательности стадий в карьере.

У исполнителей сложились свои ценности. Требование постоянной отчетности со стороны управления породило ценность "показухи", т.е. умения представить любые результаты деятельности в качестве достижений. Подавление же инновативной иници-

ативы привело к массовой высокой оценке минимальной затраты усилий в процессе труда. Эти ценности поддерживали воспроизводство ранее упоминавшегося снижения критериев оценки общего уровня культуры, качества социального образования и профессионализма.

Таким образом, в стране действительно было достигнуто определенное единство. У власти оказались некомпетентные выходцы из низших слоев общества, не имеющие традиций политической культуры. Они управляли такими же малограмотными и неумелыми "народными массами": была общность культурного уровня. Негласный компромисс между обеими сторонами достигался на том, что "массы" не мешали власти занимать завоеванные места, а та им гарантировала скудное, но постоянное жизнеобеспечение при минимальной затрате усилий и попустительствовала воровству. Вместе же они боролись с "врагами народа" - наиболее активной и талантливой частью общества. Таким стал другой аспект общности интересов правящих слоев и большей части лояльного народа. Но эта модель отношений вела к свертыванию социальной и культурной инициативы и стимулировала распространение массовой депрессии в повседневной общественной жизни.

Названные тенденции формировались и поддерживались в экстремальных условиях, существовавших со времен гражданской войны и до окончания Второй мировой войны. Но, говоря о них как о наиболее распространенных, не следует забывать, что модернизация в стране все-таки фрагментарно осуществлялась. В первую очередь это относилось к военной промышленности, где переход на новые технологические модели был неизбежен по внешнеполитическим причинам. Здесь сконцентрировались наиболее подготовленные, хотя и узкие специалисты, которые были не только вынуждены, но и по своей включенности в профессиональную мировую культуру заинтересованы в высококачественности конечных результатов. По крайней мере в этой области, - а она отнюдь не мала, - происходила концентрация знаний и навыков, соответствующих развитию индустриализма. И сколь бы закрытой она ни была, культурная диффузия в иные, наиболее современные области производства осуществлялась. Технические инновации, хотя и медленно, но кумулировались в части промышленности.

Соответственно так же медленно, но тем не менее осуществлялся рост научного потенциала - в меньшей степени в области фундаментальных естественных наук (в общественных вообще ничего не происходило), в большей степени в области техниче-

ких. Здесь отечественные изобретения и разработки вынужденно соотносились с мировым уровнем, в результате чего слабо, но функционировал механизм диффузии нового знания в советскую научную культуру.

Инновации имелись и в области искусства. Хотя они официально и не поддерживались, но сама природа этой специализированной сферы культуры такова, что внутри нее есть всегда место для эксперимента и его микросоциальной демонстрации. Государственная поддержка оказывалась "искусству для народа" и традиционным имперским образцам. Псевдонародная линия не обогатила сферу художественной культуры ничем интересным. Благодаря же поддержанию "имперской" традиции высокого уровня достигло профессиональное исполнительское мастерство: актеров, музыкантов, танцовщиков, а также "прикладная живопись" театра и кино. В то же время глубоко внутри этой сферы усилилась "искусство для искусства", когда авторы работали для себя и для узкого круга профессионалов и знатоков.

В сфере производства также вопреки массовым тенденциям сохранялись конструктивные образцы. В области традиционного труда доживали свой век носители ремесленнической культуры, приученные к ответственности за качество конечного продукта. В сферу более новых технологий приходили такие работники, которым действительно хотелось осваивать незнакомые знания и навыки.

Даже в условиях длительного воспроизводства экстремальной ситуации (отчасти по внешним для страны, а отчасти по создаваемым ее руководством причинам), несмотря на возврат к традиционным моделям производства и управления в стране подспудно происходили процессы модернизации. Они усилились после победы во Второй мировой войне, когда страна доказала свое военное могущество, превратилась во вторую сверхдержаву. Следует, однако подчеркнуть, что усиление внешнеполитических позиций СССР происходило в рамках особого крупномасштабного социокультурного образования, на общем описании которого следует остановиться специально.

Глава 4

ОБЩЕСТВО "НИЗШЕГО КЛАССА"

1. Сдвиг в сторону прагматизма

Описываемое образование сложилось благодаря действию ряда факторов. Во-первых, подавляющее большинство в стране составляли бедные, малообразованные, неумелые люди. Во-вторых, государственная идеология поддерживала любую "не-элиту", включая уголовных преступников. В-третьих, официально было санкционировано право слабо развитого в культурном отношении большинства, в том числе толпы, подавлять любое инакомыслящее меньшинство. Таким образом, в социокультурной области сложился и работает механизм отбора, поддерживающий общество "низшего класса", т.е. общество по сегодняшним мировым стандартам со сравнительно низким массовым уровнем и качеством жизни, унифицированным образом жизни, низким средним уровнем профессиональных сфер культуры. Для него характерен ряд черт, который весьма затрудняет процессы его модернизации.

Прежде всего, здесь количественно во всех элементах социокультурной структуры преобладают выходцы из (низкоквалифицированных) рабочих и крестьян, т.е. людей с минимальными культурными навыками. Социальные слои воспроизводятся в основном на уровне общественного разделения труда. Это означает, что каждое новое поколение в большинстве своем не наследует социального положения родителей, а начинает свой путь в обществе с нулевой отметки. Соответственно в таком обществе не происходит воспроизводства и накопления ни обыденной, ни профессиональной культуры, поскольку нарушен механизм традиции - непосредственной передачи от поколения к поколению определенных жизненных ситуаций, относящихся к ним знаний, навыков, эмоциональных и поведенческих стереотипных реакций, устойчивых мировоззренческих представлений, относящихся к определенной социальной позиции и т.п. Следовательно, механизмы социализации, способствующие воспроизводству таких позиций, остаются лишь в зачаточном состоянии и ограничиваются по большей части трансляцией готового знания,

но не распространяются на передачу путей познания и накопления жизненного опыта.

Далее, при естественном тяготении людей к социальному расслоению в таком обществе существуют помехи ему. Отсутствие устойчивых "высших" слоев, определяющихся воспроизводством и развитием наборов высоких показателей уровня и качества жизни, образованности, культуры поведения и времяпрепровождения, профессиональной или ролевой подготовки, избирательности социальных связей означает также отсутствие в обществе определенных культурно установленных образцов, таких, как высокоорганизованные и сложные структуры личности, поведения, взаимодействия; высокая мода; меценатство, попечительство, благотворительность и пр. В то же время статистически распространенными становятся наиболее простые формы деятельности, поведения, отношений. Они складываются стихийно и не связаны со специальной затратой времени и усилий на обучение самоорганизации. Можно сказать, что это наборы простейших реакций в общераспространенных примитивных социальных (обусловленных взаимными столкновениями особей), но не культурных (обусловленных отношениями взаимности) ситуациях. При таких условиях любое усложнение личности и форм ее активности воспринимается большинством окружающих как отклонение от статистической нормы, которое они тут же стремятся нивелировать применением негативных санкций. Неопределенность оснований и границ социальной дифференциации мешает людям, более активным, талантливым, умным, умелым из-за их малочисленности оградить себя от этих санкций. Отсутствие же устойчивых социокультурных сред для таких людей препятствует реализации их не просто индивидуальных, но социально значимых потенций. Действие этого механизма существенно препятствует формированию воспроизводящихся стационарных социокультурных слоев. В лучшем случае непохожие на всех индивиды могут образовать первичную социальную группу, небольшую по составу и непродолжительную по времени существования.

В обществах с развитым социокультурным расслоением дифференциация по сложности личностных свойств и межличностных связей, структур деятельности и отношений воспроизводится путем социализации каждого нового поколения внутри своего слоя. Соответственно последующие поколения вначале осваивают его культурный фонд, накопленный предыдущими, а затем либо дополняет, либо модифицирует его. Причем, действие механизма традиции побуждает его вначале осваивать ощущение

ния, чувства, поведение, а затем уже отрефлексированное знание. Более того, выходец из любого слоя, не желая оставаться или подвергаться остракизму внутри него, имеет возможность, затратив определенные усилия, адаптироваться в другом социальном слое, где он сможет лучше реализовать свои способности. В обществе с размытой социальной структурой каждому человеку приходится делать выбор: либо оставаться под давлением окружающих на примитивном уровне личностного развития, либо через преодоление этого давления без надежной социализации самоопределяться в сфере своих интересов и искать путем проб и ошибок связей с единомышленниками. Этот выбор обычно совершается в юности. Но при слабой социализации, с одной стороны, и малом жизненном опыте - с другой, большинство молодых людей выбирает первый путь. Поскольку для второго они не имеют как среды, так и навыков самостоятельности действий, самоорганизации, преодоления влияния окружающих.

Наконец, все названные черты слабо структурированного общества с низким уровнем и качеством жизни приобретают идеологическое и правовое оправдание. На идеологическом уровне применяются концепции народности, социального равенства и справедливости, приоритет духовных ценностей над материальными, служения обществу над индивидуальным успехом, причем каждая из этих концепций имеет весьма нечеткие контуры и расплывчатое выражение. Ими оправдываются социальные конфликты, репрессии, бедность, необразованность, обскурантизм. На правовом уровне помехи социальному расслоению осуществляются с помощью ограничения источников и размеров доходов, приоритетности государственной формы собственности, образования, средств массовой информации, учреждений культуры. Иными словами, большинство форм социальной и культурной жизни огосударствлены, и следовательно, унифицированы, а те, что выходят за эти пределы, оказываются, по крайней мере на первых порах, нестабильными, не установившимися в своих культурных структурах.

Сказанного достаточно, чтобы понимать, что в таких условиях модернизация не может быть естественным процессом. Когда же она становится необходимой, неизбежной, в обществе складывается тяжелая, затяжная кризисная ситуация (чему мы сейчас являемся свидетелями), которая решается через ломку сложившегося порядка, мучительных нововведений, из которых приживаются лишь немногие, а затем реставрацию того, что было с незначительными неструктурными модификациями. *И пока в обществе не будет нормального социального расслоения,*

где активные в экономическом, политическом, интеллектуальном отношении слои не выделяют для себя устойчивые социокультурные пространства; пока эти слои не займут лидирующего положения в обществе и не установят границ, сдерживающих массовый наплыв представителей низших классов в сферы социокультурного управления и порождения социально значимого знания; пока они не создадут в культуре разность потенциалов за счет концентрации высоких критериев достижений, здесь не только не будет факторов эндогенного развития, но и извне будут заимствоваться лишь внешние признаки модернизации.

В послевоенный период в обществе с описанной выше структурой начал осуществляться переход от экстремальных к нормальным условиям социокультурной жизни. Более или менее завершилась гражданская война (с практически окончательной победой низших классов). Кончилась внешнеполитическая изоляция. После войны люди больше внимания стали уделять обывательской жизни: расчищать и восстанавливать разрушенные поселения; развлекаться после длительного периода суровых ограничений. Причем, все это нужно было им самим, вне зависимости от приказов сверху. Всплеск социальной активности в тот период обусловил усиление уже имевшихся немногочисленных предпосылок для модернизации. Этому свидетельством являются экономические реформы конца 50-х - начала 60-х гг., когда стали складываться отрасли современного производства уже на менее традиционных основах, и вновь после НЭПа был поставлен вопрос об экономической самостоятельности производственных единиц.

В массовом масштабе реформа не удалась. Но благодаря ей были официально признаны новые отрасли в экономике, уже сопоставимые со стандартами, сложившимися в мировом процессе индустриализации. В обществе появились "пространства" и организационные структуры для концентрации технократической культуры не в утопически-идеологическом, но в практическом выражении. Эти локусы стали реальными социокультурными источниками не только принудительных, но и добровольных научных и технических инноваций. Их и сейчас еще очень мало, но они есть, функционируют; медленно, но устойчиво их экспансия осуществляется.

В 60-е - 70-е гг. заметно повысился уровень жизни народа, по сравнению с довоенным периодом. До войны удовлетворительное распределение товаров и услуг целенаправленно осуществлялось в крупнейших городах - политических, индустриальных и культурно-исторических центрах и не распространялось на ма-

лые города. Сельские регионы рассматривались всего лишь как источники ресурсов для урбанизации, а их население было жестко закреплено на местах паспортным режимом. К этому следует добавить интернирование значительной части граждан в лагерях и особых поселениях, позволяющее освобождать места в социальной структуре и таким образом обеспечивать вертикальную мобильность тем, кто проявлял повышенную лояльность к властям.

В послевоенный период действие всех этих внутренних факторов стало постепенно ослабевать. Все меньшими по размаху были волны интернирования; все более свободным и ненасильственным становилось передвижение граждан по стране. Модернизационные изменения в ориентации производственной сферы - возвращение части ее от военного производства к гражданскому, изменение индустриальной базы за счет первой волны конверсии военного оборудования, обновление выпускаемых средств производства, стимулирование миграции населения в промышленные и сельскохозяйственные регионы страны расширили возможности этой сферы удовлетворять запросы населения.

Нормализация общественной жизни после войны привела к относительному улучшению условий существования людей, к появлению новых культурных ориентиров по отношению к их качественным аспектам. Однако здесь уже в 70-х гг. обострились проблемы, которые не будучи решенными своевременно, в настоящее время вызвали серьезный кризис, связанный с процессами модернизации. Сразу же отметим, что он вызван неотрафлексированным и потому неуправляемым взаимодействием двух плохо сочетаемых типов изменчивости. Один из них - традиционный - кумуляция случайных улучшений в жестко установленных нормативных рамках. Этому соответствуют концепции монолитного единства советского народа и партии (т.е. централизованного управления), братской взаимопомощи советских народов (т.е. искусственные специализация и взаимозависимость между экономиками республик), следование революционным традициям (т.е. искусственное создание экстремальных ситуаций для управления социокультурной активностью населения страны) и т.п. Другой - модернизационный - связан с целенаправленной регуляцией условий и качества жизни в массовых масштабах, с периодическим пересмотром социокультурных оснований, на которых такая регуляция базируется. Он влечет за собой массовую рационализацию общественной жизни и соответственно уменьшает необходимость в тотальном централизованном контроле над ней.

Существование и взаимодействие обоих структурно различных процессов не были рефлексированы в стране из-за отсутствия культурного локуса для такой рефлексии. Средства массовой информации находились под полным контролем государства. Общественные науки стали возрождаться - практически с нуля - лишь с середины 60-х гг. и были подчинены государственной идеологии. Попытки осмыслить положение дел на полуприватном, полупубличном уровне, в рамках неформальных групп получили название диссидентства, и на предпринимающих их людей распространилась совсем еще не забытая практика интернирования. Соответственно большинство людей являлось носителями обеих тенденций сразу, что относилось также к субъекту принятия решений. Достаточно обратиться к наиболее ходовым программным положениям 80-х годов. Республиканский хозрасчет при "сильном центре". "Перестройка" хозяйства при отсутствии децентрализации крупного капитала и государственно санкционируемых инвестициях в наиболее отсталые регионы. Не было определено содержание даже основных целей проводимых сверху изменений, а что такое социализм так и не было выяснено. Таких провозглашений, содержащих взаимоисключающие позиции было более чем достаточно; это общее место в советской культуре.

Тем не менее после Второй мировой войны политическое лидерство вынуждено было стимулировать модернизационные процессы в стране, дабы иметь достаточно влиятельные позиции на международной арене. В это время перед ним возникли новые проблемы, решение которых вызвало к жизни новые темы в культуре.

Продолжала оставаться проблема удовлетворения политических амбиций великой державы. Надо сказать, что победа во Второй мировой войне не прибавила симпатий к коммунизму в развитых индустриальных странах. Общеизвестно было, какой ценой народных жертв была достигнута эта победа, каковы были этические компромиссы коммунистов всех рангов, какими средствами осуществлялась экспансия социализма. Поэтому у страны не было позиций идеологического лидера. Зато она стала мировой ядерной державой. И в этих обстоятельствах победа в войне и ряд последующих локальных военных конфликтов (Польша, Венгрия, Чехословакия) приобрели важное политическое значение. Они вынудили мировую политическую общественность принять как факт, что существует экономически слабо развитый, но по современному вооруженный и, следовательно, агрессивный противник. Соответственно стал вопрос о нейтрализа-

ции этой силы интегрированием ее в сложившиеся международные структуры. Амбиции руководства страны реализовывались и реализуются через последовательную цепь конфликтов и компромиссов с установившимся мировым политическим лидерством. Это постоянно воспроизводимая проблема, ибо вторая сторона постоянно меняла тактику.

Продолжение процесса модернизации в направлении создания общества массового потребления без рыночной экономики требовало решения на государственном уровне целого ряда задач. Необходимо было стимулировать развитие сельского хозяйства. В течение последних десятилетий принимались разные программы и решения. Однако они не привели к значительным позитивным результатам. Сельское хозяйство продолжало оставаться в плохом состоянии. Благодаря чему в стране постоянно в массовом масштабе воспроизводятся продовольственные трудности. В связи с этим задачей стало приостановление миграции из сел в города, закрепление на местах сельского населения. Но уже не принудительным путем, а за счет улучшения условий жизни крестьян. Вопрос также до сих пор остается нерешенным.

В промышленности накапливались свои проблемы. Постепенно приходили в негодность и требовали реконструкции предприятия, построенные в конце XIX - начале XX вв. В постоянном обновлении нуждались и предприятия, построенные в советское время - из-за плохого качества строительства, несоблюдения технических норм, плохого оборудования. Продолжалось строительство индустриальных гигантов, хотя уже вполне проявилась их низкая рентабельность. Это было особенно очевидным по сравнению с вводимыми в строй объектами в новых наукоемких отраслях производства. Именно благодаря им в стране происходило накопление образцов новой волны индустриализации, что относилось и к технологии, и к организации производства, и к качеству специалистов. Правда, такие островки модернизации были немногочисленны.

При всех трудностях этого этапа индустриализации все же заметным стал рост производства товаров массового потребления. Вначале расширение и ассортимента происходило в крупных городах. Однако постепенно диффузия осуществлялась и в меньшие типы поселений, вплоть до сел. То же происходило и с жизненными условиями. Они становились в массовом масштабе все более комфортабельными (разумеется, такая оценка относительна и проводится в сравнении не с "обществом массового потребления", а с состоянием, в котором страна находилась в первые послевоенные годы). Расширение сфер производства и по-

требления привели, как и везде, к повышению общего жизненного уровня. Но здесь быстро наступил "предел роста" благодаря двум важным обстоятельствам. Для перехода производства на новую стадию индустриализации не было тех движущих этот процесс механизмов, о которых говорилось раньше: негосударственного сектора экономики и конкуренции за техническое обновление. С другой стороны, рост спроса как социокультурный процесс этими экономическими обстоятельствами не сдерживался.

Соответственно он очень быстро начал опережать предложение. Наряду с низкоэффективным производством это вызывало все усиливающийся дефицит материалов, машин, товаров, услуг.

Расхождение между возрастающим спросом и отстающим предложением в последние десятилетия усугубляется действием важного фактора. Дело в том, что в стране уровень экономической культуры продолжает оставаться очень низким. Уже говорилось о том, что на грани разрушения находятся никогда не подвергавшиеся реконструкции дореволюционные и первые послереволюционные промышленные объекты. Естественно, условия труда здесь неудовлетворительные: оборудование часто портится; параметры физической среды ниже санитарных норм; в производственных помещениях беспорядок; спецодежда в антисанитарном состоянии. Не лучше обстоит дело и на недавно построенных заводах-гигантах. Вообще в сфере советской экономической культуры качество условий труда, особенно на предприятиях массового производства, практически остается без внимания. Но ведь безразличие к нему влечет за собой низкое качество выпускаемой продукции. До тех пор пока существовали государственные планы, за их невыполнение негативным санкциям подвергалось руководство предприятий. Подчеркнем, те, кто непосредственно выпускал низкокачественную продукцию, оставались безответственными. Соответственно руководство, чтобы сохранить свои позиции, фальсифицировало данные о выполнении плана. Помогала также и тщательно сохраняемая форма отчетности "по валу". Эта цепь взаимосвязанных факторов "плохие условия труда - малоквалифицированный низкопроизводительный труд - некачественная продукция" поддерживала две тенденции.

Одна из них проявляется внутри экономической культуры. Низкий уровень квалификации большей части рабочих означал их легкую взаимозаменяемость. Низкая производительность труда вызывала у руководства промышленностью постоянные проблемы, связанные с выполнением планов. Эти проблемы решались за счет мобильности трудовых ресурсов, допускающей их дополнительное привлечение, или "сверхурочных" работ. Эконо-

мическая и правовая безответственность рабочих позволяла и позволяет им до сих пор оказывать давление на руководство экономикой с целью повышения заработной платы с сохранением, а часто понижением уровня производительности труда. Этот процесс прогрессирует, особенно в тех традиционных отраслях промышленности (добывающая, строительная, первичной обработки сырья и т.п.), которых в стране большинство, в которых модернизация осуществлялась крайне медленно и в которых концентрируются малоквалифицированные работники. Он ведет к воспроизводству многочисленного социального слоя с низким культурным и профессиональным уровнем, но с постоянно повышающимися требованиями улучшения собственного качества жизни.

Вторая тенденция особенно отчетливо проявилась сейчас на уровне связи "производство - потребление", и обусловлена пренебрежительным отношением большинства к своим обязанностям. Это привело сегодня к резкому ухудшению хозяйственного состояния, росту страданий потребителя. Воровство сырья и полуфабрикатов в промышленности ухудшает качество массовой продукции. Малоквалифицированный труд сегодня оплачивается выше, чем труд образованных специалистов. Мотивы такого попустительства вполне понятны: страх перед массовыми беспорядками. Но, как известно, такими средствами их избежать невозможно - и не удалось. А стереотип поощрения безответственности в культуре закрепился.

Эти механизмы поддержания высоких притязаний людей с низким культурным уровнем, плохо развитыми трудовыми навыками, производящих продукцию плохого качества, работает не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, сфере услуг, в системах просвещения, здравоохранения, массовой информации, в областях науки и искусства.

Массовые требования упростить программы подготовки, начавшиеся еще с рабфаков и политических школ, оказались результативными. Сегодня стало очевидным, что "кадры" с подобной подготовкой так и не стали специалистами, отвечающими мировым стандартам. Способные от природы люди, сумевшие даже в таких условиях получить соответствующие решению профессиональных задач знания и навыки, в большинстве случаев не становятся лидерами в соответствующих областях деятельности. Руководящие позиции в науке, просвещении, здравоохранении занимают те, чьи представления не выходят за пределы обычного уровня. В лучшем случае они находят хоть какое-то полезное применение части знаний и опыта своих более способных

коллег. В худшем случае социальная эффективность последних блокируется.

В сфере подготовки молодого поколения вплоть до недавнего времени проявлялась та же ориентация. При приеме в высшие учебные заведения приоритет отдавался социально-политическим факторам, а не способностям. В процессе обучения основной задачей было выпустить запланированное количество специалистов. Качество же подготовки не интересовало ни преподавателей, ни учащихся. В результате наука, просвещение, здравоохранение, сферы управления и массовых коммуникаций постоянно пополнялись низкоквалифицированными работниками. Действие же первого механизма предотвращало в этих областях накопление устойчивой профессиональной культуры.

Несколько лучше обстояли дела в искусстве. Здесь особенно профессиональной социализации обуславливают ее начало в раннем возрасте. Чтобы продолжать занятия в специальном учебном заведении, человеку нужно овладеть соответствующим ремеслом. Чтобы удержаться в искусстве, он должен приобрести и совершенствовать свое мастерство. Если не считать литературы, искусство - это практически единственная в стране специализированная сфера культуры, где критерии требований к профессиональной деятельности снижаются намного медленнее, чем в других.

Итак, сложилась ситуация, когда при расширении массового спроса, в том числе на образцы продукции модернизированных стран, в культуре одновременно существует устойчивая привычка к низкоквалифицированному труду в среднем во всех специализированных сферах культуры. При общей ориентации на наиболее широко распространенные и поверхностные результаты модернизации, обобщенные понятием "массовая культура" в стране не сформировались деловые, интеллектуальные, обучающие, политические элиты, чья сложная работа обеспечивает эти массовые результаты. Короче, извне заимствуются внешние признаки модернизации без ее порождающих глубинных структур.

В то же время в источниках инноваций, т.е. городах-исторических центрах все отчетливее проявляются не-экономические черты модернизационной культуры. Плюрализм социокультурной жизни стал не просто заметным, но и общепризнанным фактом. Правда, пока его проявления неустойчивы и неопределенны, не приобрели свойственных современным "развитым" обществам установившихся сложных динамических форм. Многомерная подвижность культурной реальности уже признана и осмысливается в обществе. Сейчас еще заметно желание свести эти феномены к

единым основаниям, но по крайней мере, их наличие не отрицается. Философское мировоззрение находится на пути от священной к светской ориентации: уже не монизм, но еще не плюрализм; уже не предустановленный Порядок, но еще не множество равнозначных порядков; уже не статика, но еще не многомерно упорядоченные динамики. В сложной и подвижной городской культуре стало очевидным, что задачи, решаемые в обществе, постоянно сменяют друг друга, и соответственно организация людей для совместных действий должна быть подвижной. Вплоть до самого последнего времени это выражалось в том, что на смену священным классовым обоснованиям "программ развития" страны (продовольственных, энергетических, образовательных и пр.) пришли квази-научные, т.е. все же наметился некоторый крен в сторону рационализации. Сегодня сфера государственной политики также перестает быть сакральной и все более окрашивается тонами социального прагматизма и рационализма. В связи с этим постепенно власть обычного права уступает место гражданским законам. Конечно, пока еще сочетание юридических норм с нравами и обычаями в решении конфликтных ситуаций является сильной поддержкой традиционалистской культуре. Однако в разрабатываемых ныне законах сдвиг заметен. В социокультурной жизни отчетливее стала тенденция к индивидуализации. Это проявилось в экономической сфере, что особенно важно, поскольку "общественная собственность" была здесь основополагающим священным принципом ведения хозяйства. Сейчас этот принцип рухнул, плюрализм собственности легализован. В других сферах культуры, например, в искусстве или науке, ценность индивидуальности была признана раньше. Наконец, в культуре постепенно происходит переход от ритуальных форм поведения к ситуативным. Сравним, например, ритуальные митинги протеста прошлого с сегодняшними политическими; выборы сейчас и, скажем, пять лет назад. Правда, пока еще не приобрели культурно значимых форм типичные социальные ситуации, и потому поведение людей в них отличается импульсивностью, нецелесообразностью. Однако наполнение социального поведения ситуационным прагматическим смыслом уже началось.

Итак, модернизационные черты в культуре с уровня неосознанных спонтанных проявлений переместились на уровень признанных культурных фактов. Это не означает, однако, их массовой распространенности или ценностного приоритета над чертами традиционалистского общества даже в крупнейших городах-исторических центрах.

2. Социальное расслоение в соотношении с процессами модернизации

Чтобы понять, как реализуется модернизация в стране, следует представить себе, какие группы людей и как участвуют в этих процессах. Здесь мы обращаемся к выделению идеальных типов, уделяя основное внимание качественным характеристикам поведения, свойственным представителям этих групп, а не их количественной представленности в обществе. Последнее - задача дальнейших исследований. Логика конструирования таких идеальных типов следующая. Во-первых, определяется позиция различных социокультурных групп по отношению к модернизации, т.е. рассматривается, каким образом они реагируют на нее: активно участвуют в соответствующих процессах, активно или пассивно сопротивляются им, проявляют агрессивные реакции. Во-вторых, бегло очерчивается социально-профессиональный и возрастной состав групп. Из этого выводится соотношение общественных сил в связи с модернизационными процессами. В-третьих, фиксируются различия в участии этих групп в таких процессах. Так обеспечивается возможность оценить реальное соотношение действий и противодействий. В-четвертых, это подкрепляется информацией о социокультурных стереотипах, свойственных представителям рассматриваемых групп. Здесь выделяются стереотипы поведения, с одной стороны, и ценностные представления - с другой. Причем при обращении к анализу ценностных представлений целесообразно отделить мотивирующие ценности от оправдывающих. Это важное различие в исследованиях практически никем не проводится, а напрасно, поскольку хорошо известно, что чаще всего побудительные причины поступков людей не совпадают с их последующей реализацией. Иными словами, действия людей побуждаются стремлением к овладению одними ценностями, а оправдываются провозглашением совершенно иных.

Модернизационная ориентация в культуре современного российского общества. Эта ориентация существует в отечественной культуре в двух основных формах. Во-первых, конструктивная, или технократическая, направленная на последовательный реформизм, на локальные изменения, на решение задач в краткосрочной перспективе с использованием доступных средств и ресурсов. Во-вторых, нормативно-утопическая, связанная со стремлением к тотальным преобразованиям, к совершенно новым решениям задач в долговременной (несравнимой с жизненным

циклом поколения) перспективе с использованием еще не существующих средств.

По социальному составу сторонники модернизационной ориентации разнородны. Те, кто придерживается конструктивного направления, - это способные и высокообразованные профессионалы: крайне немногочисленная технократически ориентированная научная и инженерная элита, зарождающийся новый мэнэджмент среднего и молодого поколения; представители и сторонники "нового стиля" в искусстве - среднее и молодое поколение, люди, участвующие в предпринимательских экономических структурах; те представители теневой экономики, которые обращают недоиспользованные потенции государственных предприятий в источник доходов и которые осуществляют эффективное посредничество - здесь встречаются люди старшего, среднего и молодого поколения. Сторонники нормативно-утопической ориентации составляют часть бюрократического аппарата высших эшелонов - государственного, в том числе министерского, некоторых общественных организаций и их советников из научной сферы. Это в основном люди среднего поколения.

По отношению к процессам модернизации они находятся не совсем в одинаковой позиции. Представители конструктивной ориентации совершают научные открытия и изобретения; осуществляют обновление в сфере общественного производства; осваивают и используют инновации - отечественные и зарубежные - для улучшения жизненной среды и качества жизни; находятся в контакте с другими культурами, осуществляя таким образом функцию "проводников" культурной диффузии. Такие люди заняты реальной деятельностью, благодаря которой происходит модернизация в обществе: обновляются технологии, улучшаются условия труда, изменяется уровень профессиональной квалификации, более комфортабельными становятся условия жизни людей и т.п.

Представители нормативно-утопической ориентации разрабатывают метафизические схемы тотальных социальных и природных преобразований, не поддающихся проверке, но зато наполненных различными мифологемами и идеологемами (рынок как решение всех проблем, народовластие как воплощенная социальная справедливость, Великая Россия, социализм, духовность и пр.). Ни одна из подобных схем, естественно, не может быть реализована из-за полной неопределенности того, о чем идет речь. Столь же невыполнимыми и по той же причине являются предлагаемые на этом уровне стратегические направления: добиться полной консолидации социальных сил для достижения благоден-

ствия при ярко выраженных центробежных тенденциях в обществе; активизировать научно-технический прогресс, не имея для этого экономической и интеллектуальной базы; стремиться к всестороннему развитию личности, национальной культуры, общества, не определяя, что понимается под всесторонностью и зачем она нужна и т.п. Это главным образом говорение, не имеющее прямого влияния на изменение жизненных условий. Но поскольку такого рода речи произносят люди, занимающие важные политические позиции, они тем самым санкционируют в обществе следующее:

- действия по реальной модернизации: лозунги нормативно-утопического характера используются модернизаторами для оправдания своих текущих действий как необходимых для достижения отдельных целей;

- пессимистическое уклонение от действий: утопичность этих лозунгов дает основание части людей воспринимать их как ложь и потому не считаться с ними вообще;

- определенные формы антисоциального поведения: несоответствие реальной жизни провозглашаемым идеалам воспринимается антисоциальными элементами как оправдание для разрушения существующих норм этой жизни.

У представителей обеих ориентаций существуют свои стереотипы поведения, которые воспроизводятся в обыденной жизни и профессиональной деятельности. Людям конструктивного склада свойственны постоянный высококвалифицированный труд; совершенствование собственных знаний и навыков с их повседневным использованием; хорошая освоенность культуры: ее предметного, социального, идеациального уровней; привычка к самоизменению. Распознавательными признаками таких людей можно назвать высокий уровень профессиональной и социокультурной активности, связанной с конструированием собственной жизненной среды.

Сторонники нормативно-утопической ориентации характеризуются стремлением занимать руководящую позицию, давать указания и проверять их исполнение; склонностью к проповедничеству и поучениям; слабой освоенностью культуры, отсутствием или слабой развитостью профессиональных навыков и компетенции. Их легко распознать по быстрому приспособлению к текущей политической конъюнктуре, по поддержанию видимости деятельности, по демагогическим штампам, свойственным их высказываниям.

Модернизационные группы имеют свои ценностные представления, определяющие их специфичное место в культуре. Для

конструктивно ориентированных людей мотивирующими ценностями являются: интерес и любопытство по отношению к окружению, поисково-экспериментаторский азарт; стремление сохранять контроль над средой, в которой они хорошо ориентированы; склонность к изменениям; желание увидеть воплощенным результат своего труда; потребность в индивидуальной свободе действий, обусловленная высоким профессионализмом на уровне знаний и опыта. Эти ценности косвенно выражаются в других, провозглашаемых, оправдывающих соответствующее поведение как социально приемлемое: совершенствование общественной жизни, личностное развитие; служение обществу, социальному и культурному прогрессу, производство полезного.

Мотивирующие ценности сторонников нормативно-утопической ориентации таковы: желание быть лидером, но не действующим, а распоряжающимся; предпочтение формы содержания: в словах, концептуальных построениях, работе; желание уклониться от действий и ответственности, перекладывая их на других. В этом случае оправдывающими ценностями являются самые абстрактные: всеобщий социальный и культурный прогресс и соответствующее глобальное изменение миропорядка; ценность Человека, а не индивида; всеобщее единство, равенство, свобода; энтузиазм и сознательность как ценности в трудовой сфере; труд как первая жизненная потребность; необходимость идеологического воспитания масс.

В современном российском обществе представители модернизационной ориентации составляют незначительную часть населения, хотя в целом численность, социальный и политический вес этой группы растет. Что же касается сторонников нормативно-утопических моделей, то их социальные позиции до сих пор позволяют им оказывать давление на другие группы людей и таким образом приоткрывать пути процессам модернизации.

Консервативная ориентация существует в современной российской культуре в трех основных формах: активной, конструктивной и пассивной. Активный консерватизм характеризуется приверженностью традиционным принципам православия, самодержавия, народности, идеям советского коммунизма, стереотипам общественной жизни, сложившимся на предыдущих этапах существования общества. Его сторонники в принципе не принимают идею модернизации и настаивают на особом немодернизационном пути развития страны. Конструктивный консерватизм связан с использованием людьми уже сложившихся структур: технологических, экономических, политических - с прагматическими целями, т.е. без придания им статуса священных ценно-

стей. Эти люди не хотят перемен в фундаментальных условиях своего бытия. Пока в этих условиях могут осуществляться модернизационные процессы, они будут участвовать в связанных с ними изменениях. Но как только модернизация вызовет необходимость более радикальных перемен, конструктивные консерваторы начнут ей сопротивляться. Сторонники пассивного консерватизма - это люди, которые плывут по течению, не желая ничего менять в своей жизни. В отличие от предыдущих двух групп, имеющих свою идеологию (идеализм первых и прагматизм вторых), пассивные консерваторы ее не имеют в сколь бы то ни было отрефлексированном виде. Их ориентация представляет собой смесь веры и привычек, постоянное воспроизводство повседневной рутинной жизни. В процессах модернизации сами они не принимают никакого участия. Если на словах они и поддерживают некоторые общие модернизационные идеи, это совсем не означает их активной включенности в развитие соответствующих процессов. Однако, встав под знамена активных консерваторов, они становятся реальной силой сопротивления модернизации.

Социальный состав консерваторов можно определить следующим образом. Активно-консервативную группу составляет часть государственного и политического лидерства (в особенности высшие эшелоны военных) в основном старшего и в значительной степени среднего поколений; их административный штат; бюрократический слой малообразованных работников различных учреждений в основном старшего и в меньшей степени среднего поколений; часть работников идеологической сферы: бывшие преподаватели и пропагандисты марксизма-ленинизма, представители традиционных направлений во всех видах искусства при лидирующем месте литературы; пенсионеры - в особенности ветераны: коммунистической партии, труда, войны.

Группу конструктивных консерваторов составляют: администрация, инженерно-технический персонал и активная часть рабочих монопольных отраслей промышленности; работники министерств и ведомств в основном среднего звена; административные работники среднего звена и среднеспособные специалисты в сферах науки и искусства; работники охраны государственного порядка; часть предпринимателей, в особенности связанных с посредничеством; представители теневой экономики, использующие в личных целях плохую организацию государственного хозяйства и "отмывающие" противозаконно нажитые капиталы. Вся группа состоит в основном из представителей среднего и молодого поколения.

Группу пассивных консерваторов составляют представители администрации и работников мелких, низкорентабельных предприятий; инженерно-технических кадров рядовых НИИ и КБ; учителей; врачей; рабочих и крестьян средней и низкой квалификации; "серых" работников искусства и учреждений культуры; пенсионеров - выходцев из перечисленных социально-профессиональных слоев. В этой группе равно представлены все поколения.

Обратимся теперь к функциям, выполняемым представителями каждой из консервативных групп, по отношению к процессам модернизации. Сторонники активно-консервативной ориентации участвуют в постоянной борьбе с проявлениями нового. Они настойчиво призывают к возрождению схем поведения и ценностей прошлого, отыскивая "исторические доказательства" вечности и универсальности таких схем. Сопrotивление новому принимает, где возможно, форму запретов, сдерживания распространения инноваций, создания по отношению к ним отрицательного общественного мнения. При недостаточности этих средств активные консерваторы прибегают к идее внутреннего или внешнего врага, который злокозненно стремится разрушить исконный "почвенный" порядок. Действия и говорение представителей этой группы способствуют сохранению существующей ситуации и реально препятствует модернизационным изменениям.

Конструктивный консерватизм характеризуется активным использованием существующих структур, в том числе модернизационных, в прагматических целях; ориентацией только на те изменения, которые дают быстрый, видимый, практический эффект; отсутствием всякого интереса к долговременным стратегиям; поддержанием эмпиризма в науке; традиционных направлений, салонности, развлекательности в искусстве; развитием образцов жизненного комфорта на основе затрат собственных усилий. Это прежде всего деятельность с минимумом говорения, порождаящая микросоциокультурные процессы, часть которых тяготеет к модернизации (ориентация на прагматические перемены, на современный комфорт) а часть - к сохранению имеющейся ситуации (поддержание устаревших и полуразрушенных социальных структур как средств для извлечения выгоды).

Пассивным консервативным группам свойственны: рутинное воспроизведение существующего низкого качества жизни и производства; сопротивление нововведениям путем отказа от их освоения; враждебное отношение к мнимому "врагу" - внешнему, которому это безразлично, и внутреннему, которому это затруд-

няет существование в социальной среде. Такая ориентация проявляется главным образом в поведении, а не в говорении. Она воспроизводит существующее положение дел и препятствует модернизационным изменениям.

Каждой из этих групп свойственны свои стереотипы поведения, поддерживающие их место в обществе. Для активного консерватизма характерны: постоянный труд; совершенствование навыков сопротивления новому и укрепления традиционного, даже с применением достижений модернизации (например, средств массовой информации); стремление занять позиции управления с использованием этих навыков; склонность к поучению и проповедничеству; националистические тенденции; склонность искать виновных. Активные консерваторы распознаются по их приверженности старому, поучениям, национализму, поиску врага.

Конструктивный консерватизм отличает склонность к постоянному труду, к совершенствованию навыков использования имеющихся социальных структур, при этом с опорой только на апробированные образцы культуры; совершенствование прагматических навыков в сфере человеческих отношений, науки, искусства; слежение за модой в быту и в профессиональной сфере; привычки, связанные с жизненным комфортом. Распознавательные признаки этой группы - озабоченность только собственным благополучием, относительная аполитичность, ориентированность на сегодняшний день.

В рамках пассивного консерватизма наиболее отчетливо проявляются такие стереотипы поведения, как формальное исполнение своих обязанностей, в котором воспроизводятся, но не развиваются навыки и знания, полученные при обучении; предельно клишированные и обедненные структуры общения; минимальная включенность в социокультурный контекст; привычка оказывать пассивное сопротивление всему новому, в том числе и моде; воспроизведение низкого качества жизни. Распознавательными признаками этой группы могут служить ее крайняя аполитичность, чувство подавленности и безразличия ко всему, некомфортабельные условия труда и быта.

Наконец, рассмотрим культурные ценности, носителями которых являются представители каждой из групп. Мотивирующие ценности активных консерваторов традиционны для Российской империи: в основе действий заложена вера, а не знание; культ предков освещает этические принципы прошлого, которые работают на то, чтобы упростить управление большим числом людей (философия монизма и отсюда требование идеологического

единства; культ простого человека; патерналистская конструкция общественного порядка, базирующаяся на метафизике иерархии: отцы государства постоянно воспитывают своих детей-подданных); этот же культ санкционирует любую критику, вплоть до отрицания, ценности нового в любой из сфер культуры от технологии до искусства; ориентация на "избранность" собственной страны и пренебрежение (правда, амбивалентного характера) к культурам других стран; идентификация себя с обществом и государством, стремление к власти. Оправдывающие ценности: служение народу, стремление быть близкими и понятными ему; сохранение "избранности" этой страны, священность ее традиций; сохранение духовного единства народов любой ценой (вплоть до уничтожения инакомыслящих из этого же народа); серьезность, идеологическая нагруженность культуры; культ страдания как механизма общественного преобразования; призыв к аскетизму в обыденной жизни (на себя члены этой группы его не распространяют).

Для конструктивного консерватизма характерны следующие мотивирующие ценности: минимизация времени и усилия при получении удовлетворительных для себя результатов; утилитаризм; ориентация на социальный обмен как в профессиональных, так и в межличностных отношениях; стремление к личной инициативе, свободе действий; стремление к жизненному комфорту; ориентация на сегодняшний день, на жизнь "здесь-и-сейчас"; стремление к красоте, веселью, развлекательности; представление о том, что производство должно быть подчинено потреблению. Этому соответствуют свои оправдывающие ценности: плюрализм жизненных позиций - каждый делает свое дело и живет, как может; доброжелательное равнодушие - лучший способ отношений между людьми; предпочтение эмпирически очевидного интеллектуальным сложностям: все должно быть понятным без напряжения - наука, искусство, поскольку ученые и художники все должны делать для народа; совершенствование жизненных условий, рост благосостояния народа, производство полезного.

Мотивирующие ценности пассивного консерватизма: стремление к неизменности образа жизни и его условий; пассивное невежество; ориентация на первичную группу (семья, друзья) и эмоциональную эксплуатацию как средство ее поддержания; переложение ответственности за свою судьбу на других. Оправдывающие ценности: ценность простого человека, простой жизни; ценность страдания и униженности, утверждение собственного права жаловаться на жизнь, жалеть себя; утилитаристское оправ-

дание людьми себя как тех, кто реально делает все своими руками. В целом ценности пассивного консерватизма обусловлены тем, что действия этих людей базируются не столько на рациональном знании, сколько на смеси веры и привычек. Соответственно ориентация на метафизику иерархии при полном гражданском инфантилизме; "культ предков" и ностальгическое отношение к прошлому как мифологема утерянного стабильного и четкого миропорядка; недовольство существующим положением дел: жизнь сложна и непонятна, ценности утрачены и т.п. - сопровождается сопротивлением изменениям: а то будет еще хуже; провинциальное стремление преувеличивать значимость собственной "родины", группы, личности сопровождается враждебностью к другим народам, к инакомыслящим и т.п.; безразличие к жизненным благам, пассивное следование текущим обстоятельствам, безразличие к качеству собственного труда. У этих людей мотивирующие ценности в принципе мало чем отличаются от оправдывающих.

По отношению к процессам модернизации в обществе следует выделить еще одну важную позицию - разрушительную. Представителей этой позиции можно разделить на две основные группы. Первая - это пассивное разрушение, или критицизм-пессимизм. Исходная позиция таких людей - общее недовольство тем, что есть, полное неверие в возможность улучшений. Отсюда критическое отношение к любым изменениям в обществе и культуре, проявлениям социальной активности, попыткам что-то исправить или улучшить. Эти люди работают, иногда очень квалифицированно. Но критицизм-пессимизм их позиции мешает им превратить свою деятельность в конструктивное жизненное начало.

Вторую группу составляют те, кого обычно связывают с понятием отклоняющегося и преступного поведения, т.е. люди, чье поведение носит ярко выраженный антисоциальный характер. В данном случае не будут рассмариваться представители теневой экономики: о них речь шла в другом месте. Исходная позиция этих людей в отношениях с окружением - враждебность, особенно к нормативным установлениям. Знания у них минимальны и носят узко практический характер. Вера как позитивное начало отсутствует. Некультивируемость саморегуляции ведет к спонтанному импульсивному поведению, никак не соотносимо с социальными аспектами ситуации. Временные перспективы - сиюминутны. Общая культурная ориентация - индидуально-романтическая (в терминах уголовного романтизма).

Обратимся к социальному составу этих групп. Первая из них включает в себя часть работников государственного управления старшего и среднего поколений, не имеющих доступа или способностей к принятию решений; научные работники - узкие специалисты, ощущающие неосвоенность более широкого культурного контекста (обычно представители естественных и технических наук, интересующиеся социальными проблемами, или же представители гуманитарных и социальных наук идеалистической ориентации; инженерно-технические работники крупных НИИ и КБ; представители различных видов искусств, в особенности вербальных: литература, театр, кино; производители массовой культуры - авторы остросюжетной публицистики; значительная часть работников правовых учреждений.

Вторая группа по социальному составу не богата, зато устойчиво воспроизводится во времени. Это собственно преступные элементы, находящиеся за пределами нормальных социальных отношений и на базе своей внесоциальности строящие собственное жизнеобеспечение. Далее, сюда же относятся всякого рода деклассированные субъекты, не являющиеся преступниками, но находящиеся как бы в пограничном состоянии между нормой и ненормой. К ним примыкают низкоквалифицированные рабочие и крестьяне, склонные к алкоголизму и воровству. Наконец, значимую часть этой группы составляют так называемые неблагополучные подростки - выходцы из низших слоев города.

В социокультурной жизни роль этих групп такова. Представители критико-пессимистической ориентации воспроизводят существующие образцы деятельности, поведения, общения с негативным отношением к ним, с одной стороны, и с попытками заполнить их иным содержанием - с другой; критика любых нововведений; негативное отношение ко всем социальным группам, включая собственную. Это в основном говорение, направленное против существующей ситуации и деятельность, ориентированная на ее поддержание.

Люди с отклоняющимся поведением активно нарушают социальные нормы; по собственным побуждениям вмешиваются в сложившиеся отношения между людьми, структуры образа жизни; они демонстрируют некультуривированность личностных проявлений, образцы несоциализированности. Это в основном действия, нарушающие (не разрушающие) социальные нормы. Наличие и активизация действий этой группы служат одним из источников, побуждающих сторонников модернизационной и активно консервативной ориентаций к социально значимым действиям.

Каждая из групп воспроизводит в обществе свои стереотипы поведения. Первая характеризуется склонностью к постоянному труду без удовлетворенности им, в процессе которого однако, происходит совершенствование узкопрофессиональных и общекультурных знаний и навыков; здесь воспроизводятся стереотипы неудовлетворенности собственным образом жизни и отвержения всяческих инноваций из-за их несовершенства; группу отличает также воспроизведение и совершенствование критического говорения с тем, чтобы оценить любой факт культуры; в то же время укрепление привычки пользоваться "высокими" образцами культуры. По этим признакам члены группы распознают друг друга и отличают себя от других.

Для отклоняющегося поведения характерна такая схема активности: спорадическая концентрированная затрата усилий с последующей как можно более длительной релаксацией; здесь устойчива привычка следовать спонтанным импульсам с полным безразличием к окружающим; воспроизводятся стереотипы некомфортабельного образа жизни; речь развита у этих людей минимально, в большом ходу жаргон, являющийся распознавательным признаком членов группы.

Разрушительные ориентации в обществе имеют свое ценностное выражение. Для критико-пессимистической позиции характерны следующие основные мотивирующие ценности: пессимизм, пониженная жизненная активность; недовольство окружением; высокий уровень культурной информированности; нежелание что-либо менять в своей жизни. Оправдывающие ценности этой группы: несовершенство общества, культуры, человека; необходимость улучшить существующее положение дел при одновременной невозможности сделать это из-за непреодолимых внешних или внутренних помех; ценность повторяемости плохого: лучше не будет; ценность групповой принадлежности и публичности критических высказываний.

К основным мотивирующим ценностям группы "отклоняющегося поведения" можно отнести следующее: враждебность по отношению к социальным нормам; стремление к свободе, понимаемой как произвольное следование собственным спонтанным побуждениям; тяга к грубым удовольствиям; потребность в риске; агрессивность. Оправдывающие ценности в этой группе базируются на стремлении переложить ответственность с себя на других: предельная ориентация на идеал - в мире нет совершенства, а все остальное не заслуживает поддержания; раз нет добра и справедливости для всех, каждый имеет право получить то, что ему нужно, не считаясь с окружающими; ориентация только на индивидуальные проблемы и стремление решать их любыми средствами.

Часть вторая

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМАХ КУЛЬТУРЫ

Глава 5

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ЦЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Глубочайшие социальные перемены последних лет инициировали процесс разрушения старых самоочевидностей сознания. К числу таковых относится и представление о том, что в 1917 г. страна начала историю с нуля. Ныне реалии общества осмысливаются как результат разрешения целого веера противоречий, коренящихся в историческом прошлом России. Тенденции дня сегодняшнего - как несущие в себе варианты будущего развития. Нельзя не признать, что такое переосмысление только начинается и требует как огромных исследовательских усилий, так и напряженной духовной работы общества в целом.

Наша революция была мощным источником как разрушительных, так и модернизирующих импульсов. Опыт нашей послереволюционной модернизации поистине бесценен - не в последнюю очередь двусмысленностью результата. Хотели построить новое, ранее невиданное общество - одновременно современное и социалистическое. Получили - вернее, получилось! - общество действительно индустриальное, но сначала тоталитарное, затем вообще некое промежуточное социальное образование, сама характеристика которого - не слишком легкая задача: авторитаризм, разложившийся тоталитаризм, усовершенствованный феодализм?

Сейчас, когда российское общество вновь стоит перед выбором пути, явно ощущается: история способна опять приготовить нам ловушки - ловушки социальности и менталитета, этой социальностью порождаемого. Прошлое незримо присутствует в настоящем, мы связаны с ним множеством незримых уз, оно в нас самих... Целый ряд тенденций в политической, экономической, культурной жизни общества еще раз свидетельствует - история никого ничему не учит. Так, большая часть современных программ модернизации нашей страны как бы подразумевает, что

люди, которые будут реализовывать эти программы, будут действовать на основе рационального выбора, что все их предпочтения будут явными. Роковой разрыв между представлениями об обществе у инициаторов реформ и основной массы людей, составляющих общество, порою разителен. Он приводит к тому, что модернизирующие усилия наталкиваются на некий непреодолимый барьер. И это при том, что как никогда раньше ясно, что неудача этих усилий приведет к социальному распаду, к энтропии, пагубной для нашей страны и опасной для всего мира.

История никого не учит прежде всего тогда, когда ее не знают. В предлагаемом вниманию читателя тексте я призываю вернуться к опыту той, первой советской модернизации - для того, чтобы понять, каким образом импульс модернизации привел к результатам, противоположным желаемым - к возрождению социальной архаики, к энтропии... Для этого предполагается исследовать ряд социальных и культурно-антропологических предпосылок такого превращения.

1. Новое общество и бывшие люди

Октябрьский переворот 1917 года сделал старую Россию бывшей. Рабочие и крестьяне впервые почувствовали себя гражданами и хозяевами новой России, самой передовой страны мира. В комплексе общественных чувств послереволюционной эпохи у них преобладала ненависть к старому строю, несправедному и несправедливому. Они не жалели старой жизни и легко с ней расставались, ибо жизнь русского крестьянина и пролетария была тяжела. Надо сказать, что чувство безвозвратности прошлого и начала новой эры было всеобщим общественным настроением, охватившим и революционно-авангардистскую интеллигенцию, этих мистиков и визионеров революции, и пролетариат, и тех, кто отнюдь не считал себя строителем нового, невиданного и неслыханного общества¹. Сознание, что возврата нет, было обусловлено опытом прошлого, предчувствием будущего и гипнозом настоящего. Жизнь превращалась в предысторию, дабы положить начало истории подлинной (или, во всяком случае, новой).

Аналогичные наблюдения принадлежат А. де Токвилю, который писал о результатах другой - Великой французской революции: "Имея целью не только переменить старое правительство, но

---

¹ Это умонастроение зафиксировано во множестве мемуаров - от Пуришкевича до Н.Мандельштам.

и уничтожить старую форму общества, Французская революция должна была одновременно сделать нападение на все установления власти, разрушить все общепринятые влияния, уничтожить традиции, обновить нравы и обычаи и очистить ум от всех идей, на которых до той поры покоилось уважение и повиновение"². В периоды общественных переломов такое мироотношение возникает с неизбежной закономерностью. Люди стремятся отрезать себя от своего прошлого, отделить себя бездной от того, что было. Они как бы предпринимают всевозможные предосторожности, чтобы не перенести чего-нибудь из прошлого, в свое теперешнее положение. Складывается впечатление, что они чуть ли не насиляют себя, чтобы быть непохожими на своих отцов. Они делают все, чтобы стать неузнаваемыми... Они переделывают не только политические учреждения и гражданский порядок, но и нравы, обычаи, даже язык.

Способы и выражения отрицания прошлого всегда имеют конкретно-исторический характер. Но обычно отрицают прежде всего то, что ассоциируется со старым обществом явно. Стремление зачеркнуть прошлое порождает предчувствие новых, небывалых форм жизни, стремление создать их поскорее. Но что именно революции разрушают, а что создают - это вопрос, который возникает при попытке оценить их действительные результаты и который всякий раз приходится решать заново. Возможны ситуации, когда даже мощный инновационный импульс превращается в механизм регенерации старых общественных форм.

Первое приближение к реалиям сознания и культуры после-революционной эпохи порождает впечатление социального оптимизма, героического порыва, сочетающегося с тотальной антибуржуазностью. Заметим сразу же, что эти настроения и устремления как-то органически сочетались со столь отталкивающей ныне апологией насилия над природой, обществом, человеческой повседневностью. Казалось, в обществе господствует авангардистское сознание, для которого характерен прежде всего модернистски-инновационный пафос. Этот последний сопровождался верой в неслыханные и невиданные возможности внесения сознательности в стихийные явления, в том числе и в "бытостроительство", говоря языком того времени. Сегодня мы призываем к отказу от варварского отношения к прошлому и настоящему. Тогда говорили о борьбе с варварским отношением к будущему, в жертву которому так легко приносилось и прошлое и

---

² Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1911. С.22.

настоящее. В 20-е годы часто повторяли мысль Ленина о необходимости переноса центра тяжести на мирную культурную работу, т.е. вроде бы об отказе от революционно-авангардистских методов преобразования общества. Но мысль эта воспринималась отнюдь не как необходимость "культурничества", усвоения достижений культуры и цивилизации, накопленных человечеством. Напротив, акцентировалась необходимость "переустройства всего нашего быта", господствовало желание ускорить ход жизни, сломать старую повседневность так же, как была сломана старая государственная машина. Носители этого настроения мечтали в корне переделать старые нравы, которые сковывают "в тисках все новое, прогрессивное, революционное". Они желали поскорее сбросить с себя "мертвый вес" старой России. Сам же принцип переустройства - следующий: "Каждый новый класс, пришедший к власти, не надеется на "объективный ход событий", а старается вмешаться в процесс общественной жизни и руководить ею"³.

Для носителей авангардистского устроения врагом номер один была "буржуазность" как символ "проклятого прошлого", "старой дряни", как тогда выражались. Что же стояло за этой "антибуржуазностью"? Каковы, в их понимании, черты буржуазного прошлого, которое они так старались выкорчевать с корнем, построив новое общество и новую пролетарскую культуру, "коллективно-трудовую и свободную от фетишей", по словам А.Богданова?⁴

Известно, что в качестве буржуа выступал тогда не только владелец завода, фабрики, банка, но и интеллигент - "буржуазный специалист", а часто и вообще "человек в шляпе". Буржуазной считалась и мораль. Так, понятие "общечеловеческая мораль" употреблялось исключительно в кавычках, ибо согласно авангардистскому мировоззрению, она лишь прикрывает буржуазные цели и является одним из фетишей буржуазного общества. К числу фетишей относили и автономное человеческое "я", и голос совести, и "отвлеченную истину", и правовые нормы, и даже (у А.Богданова) вежливые манеры. Все это считалось достойным лишь разрушения и замены партийными, классовыми, комсомольскими добродетелями⁵, которые понимались как функциональные групповые правила поведения, легко корректирующиеся в соответствии с требованиями момента. К числу "ругательных" относилось и слово "гуманизм".

---

³ Григорьев Г., Шкотов С. Старый и новый быт. М., 1927. С.8.

⁴ Богданов А. Элементы пролетарской культуры. М., 1920. С.68.

⁵ Бухарин Н.И. Воспитание смены // Каким должен быть коммунист. Старая и новая мораль. 3-е изд. М., 1926. С.23.

В число врагов "первого ряда" попало и индивидуальное начало - носитель буржуазности. Даже отдельные дома и квартиры трактовались как основа воспроизводства индивидуализма, мелкобуржуазных навыков и отношений. Лозунг всесторонней коммунизации быта, форсирования коллективизма вставал на повестку дня. Авторы проектов "городов будущего", таких как Магнитогорск, считали, что наибольшие трудности при проектировании заключаются в необходимости организации наиболее полного обобществления жизненных процессов. Идея реализации полного, абсолютного равенства владела ими. Предложения предоставить большую жилплощадь людям умственного труда вызывали негодование. Появлявшиеся проекты воплощали результаты борьбы с индивидуальной кухней, квартирой и даже семейной кроватью. Даже детские ясли ценили прежде всего за то, что они освобождали работника от громадных затрат времени на индивидуальные нужды. Как писал один из авторов книги о грядущих городах социализма, "отдельные строения", коттеджи полностью соответствуют лишь задаче воспроизводства индивидуализма, мелкобуржуазных навыков и отношений. А мы не собираемся их воспроизводить ни на расширенной, ни на суженной основе⁶. Надо сказать, что реальность временами проникала на страницы вдохновенных писаний: выяснялось, например, что в обобществленном секторе жилья в Магнитогорске приходилось 1,5 кв. м. жилья на душу⁷.

Коллективизация и рационализация жизни понималась как стандартизация в огромных масштабах. "Громадный", "гигантский" были ключевыми словами социального словаря: "громадный размах спортивного движения", "громадное пионерское движение", "гигантские дворцы культуры"... Рационализация подразумевала введение "непрерывной организации производства", "непрерывной организации отдыха". Колоссальную массу людей предполагали "пропустить через гигантские лаборатории, подвергнуть тренажу миллионы, обучить все взрослое человечество, устроив из земного шара культурно-трудовой "остров доктора Моро"⁸. Определяющей чертой социалистической культуры считали коллективизм и сотрудничество на основе подлинной солидарности. "Для нас, - писал А.В.Луначарский, - индивидуальность сама возникает из общественности, является фактически ее частью, зависимой от целого"⁹. Даже индивидуальные

---

⁶ Город социализма и социалистическая реконструкция быта. М., 1930. С.27.

⁷ Там же. С.88.

⁸ Гольцман А. Реорганизация человека. М., 1924. С.20.

⁹ Город социализма и социалистическая реконструкция быта. М., 1930. С.75.

стимулы к труду стремились заменить сознанием общего интереса и способностью работника впитать это сознание.

Деревня и деревенская культура выступали для этого мироотношения как символ "некультурности", как антитеза будущего "города-сада". Крестьянство тоже выступало как воплощение буржуазно-индивидуалистического прошлого, которое надо оставить позади. В действительности город противопоставлялся деревне отнюдь не как средоточие "недеревенской культуры", а как некое фабрично-заводское образование. Образ нового общества связывался с урбанистическими ценностями¹⁰. Экономическую отсталость деревни предполагалось преодолевать главным образом с помощью идеологии, обгоняющей экономику. Старые города не рассматривались как ценность. Они - лишь препятствие в движении вперед, к социалистическому завтра. Известно, что Москва воспринималась авангардистским сознанием как образец нелепейшей планировки, "купецкой расхлябанности" и неряшливости. Старые города предполагалось уничтожить, расчистив место под новое общество¹¹. Старая русская письменная и книжная культура также отвергалась как бывшая. Она часто выступала в образе врага. В тогдашнем сознании интеллигент часто выступал как тип барина, слабовольного, но привыкшего командовать, плохо знакомого с действительностью и трусливого в момент опасности.

Врагом были и товарно-денежные отношения. К строительству нового общества приступили люди, для которых торговать было то же, что воровать. Существует небольшая книга, в которой собраны письма в газету "Беднота". Авторы этих писем толкуют о том, кого считать кулаком, кого тружеником, будучи знатоками крестьянского труда, они легко отличают нажитое своим трудом от полученного путем эксплуатации. Но сколь едины они в своем осуждении торговли, посредничества. Это - те виды деятельности, которые они не хотят брать с собой в будущее. Как пишет один из корреспондентов, "человек, добывающий себе средства на пропитание путем торговли, как легкой и сплошь преступной наживы

---

¹⁰ См.: Город и деревня. Новый быт рабочей молодежи. М., 1925.

¹¹ Следует отметить, что распространенная в послереволюционные годы идеологема "расчистки места под новое общество" носила характер объективной мыслительной формы. Она обнаруживается, например, в сознании А.В.Чаянова, который, как известно, был защитником крестьянства и крестьянской культуры, певцом России крестьянской. В его "Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии" от Москвы тоже оставлено лишь "кое-что" - "Кремлевские башни, Сухаревка и Кадаши"... а "каменные громады уничтожены и заменены садами". (См.: Чаянов А.В. Избранные повести. М., 1989. С.72-73).

(ибо пословица метко говорит: "не обманешь - не продашь"), само собой становится паразитом общества, наживающим ба-рыши на продуктах, добытых чужим трудом, а потому одним из самых позорных и нетерпимых видов кулачества я считаю деревенских торговцев, без деления на ранги - бедных и богатых"¹². Эти люди и колебания цен объясняли происками продавцов!

Идея модернизирующего изменения владела их помыслами. Субъективно борьба за новую жизнь имела облик борьбы с "проклятым капитализмом". Но сводились ли "пережитки прошлого" к буржуазным и мелкобуржуазным? Ответ может быть только отрицательным. Уже перечисление того, что именно считалось буржуазным, свидетельствует: модернизирующие импульсы базировались на традиционных ценностях, которые являются атрибутами доиндустриальных, традиционных обществ. Слабость и тонкость цивилизационных структур, отсутствие единой культурной основы, разрыв в уровнях жизни масс и элиты определили формы и направленность послереволюционной модернизации. Наличие громадных социальных слоев, у которых отсутствовали правосознание, для которых было характерно "неподозрение" (М.Бакунин) личного достоинства и ценности свободы, ставили под вопрос результаты революции. Недаром говорил Н.Бердяев: "В России не коммунистическая революция оказалась утопией, а либеральная буржуазная революция оказалась утопией"¹³. Незрелость предпосылок, в число которых входили не только уровень развития производительных сил, но и тип общественных связей, господствующий тип субъективности и сознания, культуры порождала трагические противоречия. Не могло же не сказаться на результатах преобразований то, что в старой России в массовом масштабе бытовало скорее авторитарное, нежели товарно-фетишистское сознание, что господствовавшие в обществе нормы носили персонифицированный характер, что основой идентификации была община и другие корпоративные группы. Да, старые типы социальности, старые способы объединения людей в обществе не могли не воспроизводиться в новом обществе, какие бы стены ни воздвигало оно между собою и обществом "прежним". Сами того не зная, люди удерживали из старого порядка большую часть чувств, привычек, даже идей, с помощью которых они свершили революцию, разрушившую этот порядок. Они не могли не пользоваться обломками старого здания при возведении нового.

¹² Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого тружеником. Что говорят об этом крестьяне. М., 1924. С.29.

¹³ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С.60.

Но рассматривая вопрос о содержании и направленности импульсов модернизации, в том числе и воплощенных в авангардистском умонастроении, нельзя не обратить внимание и на другие обстоятельства, менее известные широкой публике, менее обсуждаемые. Противоречивый итог революционных преобразований определялся не только результатами предшествующего развития, но и мощными сдвигами послереволюционного общества в сторону децивилизации и архаизации. Что представляла собою картина российского общества вскоре после революции? Тяготы Первой мировой и гражданской войн отбросили общество к более ранним стадиям развития цивилизации. И жизнь его, и структура стали более единообразными.

Промышленники и купцы, ремесленники и творческая интеллигенция частью покидали страну, частью утратили былое место в обществе. Пролетариат и крестьянство оставались на месте. Радикально изменилась социальная структура городов. Самыми значительными группами городского населения стали рабочие и служащие, в число которых влилось и низшее чиновничество старой России. Гражданская война изменила состав рабочего класса, часть которого погибла в войнах, часть ушла в управленческий аппарат и в армию, часть деклассировалась, уйдя в деревню. Деклассированные слои города заняли большее, чем ранее место в социальной структуре: хозяева уехали - слуги остались. И без того тонкие культурные слои стали еще тоньше, будучи представлены главным образом "буржуазными специалистами". Население городов (начиная лавочниками и кончая крестьянами-отходниками), спасаясь от холода и голода, двинулось в деревню. "Вторая Россия", т.е. живущая вдали от дорог и железнодорожных полустанков, как бы вышла на первый план.

Произошел возврат к жизни небольшими поселениями, разделенными бездорожьем. Люди переживали чувство заброшенности, распада социальных связей. Воистину "мир осиротелый /Неотразимый рок настиг, /И мы в борьбе природой целой, /Покинуты на нас самих"¹⁴. Как замечает наблюдатель-современник, "население одиноко и предоставлено самому себе"¹⁵. Эта "оставленность" составляла фон, на котором разворачивался процесс натурализации общественных связей, проявлявшийся всюду - в экономике, сфере коммуникации, культуре духовной и материальной (агрикультуре, культуре промышленного производства). В годы разрухи люди оказались отгорожены от всего мира

---

¹⁴ Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. М., 1939. С.41.

¹⁵ Старый и новый быт/Сб. под ред. В.Г.Тана-Богораза. М., 1924. С.101.

стенной натурального хозяйства, полного самоснабжения, естественной изобретательности, "первобытной свежести коммунизма" в труде. Вместо керосина стали освещаться лучиной, оделись в домотканое, вытащили дедовские ткацкие станки и ручные жернова. Деревня - во всяком случае северная - возвратилась к старинной трехпольной системе и подсечному земледелию. Денежное обращение исчезло. Грибы меняли на ситец, пользуясь "ржаными единицами", ходившими наряду с главной валютой тех лет - самогонкой. На триста верст оставались две лавки, да и в тех платили натурой. Голод наводил на целый ряд изобретений по технике добывания и приготовления мало мальски пригодного а пищу вещества. В качестве децивилизующих факторов выступили и массовая гибель мужчин в войнах, и крайняя изношенность орудий труда. Свой весомый вклад вносили и продрозверстка и продIALOG. Перейдя на самоснабжение, деревня не получала от города ничего - ни сахара, ни мануфактуры, ни плугов и жаток. Казалось, еще немного - и деревня научится делать все, а город станет не нужен. Ибо из города люди приходили главным образом для того, чтобы отнять с таким тяжким трудом выращенное. "Хранилища наши разорили, а хлеб разделили и поели!". Как писал В.Г.Тан-Богораз, организовавший тогда этнографические исследования, "в минувшие годы разрухи Российская деревня переживала XVII-XVIII век"¹⁶.

Свои формы принимал этот "откат" в сферах культуры и коммуникации. Старая Россия отличалась весьма низким уровнем грамотности населения по сравнению с развитыми странами¹⁷. Это свидетельствовало о том, что основная масса населения, главным образом крестьянского, пребывала либо в мире доиндустриальной культуры, либо на ее развалинах, будучи отчужденной от письменно-книжной традиции. Данные об уровне грамотности населения в старой России в современной литературе иногда оспариваются. Но нет никакого сомнения, что в первые послереволюционные годы произошло отступление с завоеванных позиций. Вместо недоступной школьной книжки деревня стала учиться по-старому - на слово и на слух. Кто мог читать и у кого были книги, заучивали их наизусть. Школы перешли на "самоснабжение" и стали закрываться, учителя разбежались, пре-

---

¹⁶ Революция в деревне/Под ред. В.Г.Тана-Богораз. М.:Л.,1924. С.5.

¹⁷ На 1890 г. среди мужского крестьянского населения числилось 14,8% умеющих читать и писать, среди женского - 2,8%, в то время как в Англии и Голландии были грамотны более 90% населения (данные из кн.: Пантин И.К., Плимак Е.Г.; Хорос В.Г. Революционная традиция в России. М.,1986. С.47).

вращаясь в крестьян. Старые содержатели - земство, помещики, купечество исчезли или утратили социальное влияние. Крестьяне же часто считали школы ненужными, а еще чаще закрывали их за недостатком средств.

Вместе со школами закрывались и церкви. Распад церкви, трещины в христианстве были порождены не только давлением "ураганных идеологий". Во-первых, на содержание храмов не стало средств. Во-вторых экзистенциальная ситуация "заброшенности" порождала чувство оставленности Богом. Многие поняли, что "и так можно жить" (т.е. без Бога). В-третьих, великую путаницу в умы вносило и существование двух православий - Тихоновского и Введенского¹⁸. В-четвертых, народы, относительно недавно принявшие православие (коми-зыряне, вепсы, чухари и т.д.) бросали иконы, возвращаясь к старым языческим богам. Православное христианство на глазах утрачивало свои качества "укротителя" архаики. Все эти процессы содействовали и тому, что силу набирало богоборчество, которое могло принимать и большевистскую окраску.

Духовные процессы, имевшие место в послереволюционной деревне, свидетельствуют и о наличии значимой языческой компоненты сознания. Недаром, как отмечает наблюдатель-этнограф, слово "Бог" в единственном числе употреблялось мало: "Редко кто скажет "бог", но всегда "боги" - Микола - бог, Илья - бог, грозная Казанская богородица - бог"¹⁹. Этнографические наблюдения, относящиеся к послереволюционному времени, свидетельствуют о феноменальном распространении колдовства, чертовщины. Складывалось впечатление, что вся страна населена бабушками-ворожейками, поделена на колдовские приходы. Как воскликнул деревенский активист: "бога нет, как дважды два четыре, а вот насчет черта - не знаю" (!). Учителей, фельдшеров, даже священников не хватало, - а колдуны пожалуйте. Под знаком советской власти колдовство из запрещенной веры превратилось в открытую. Недаром колдуны и ворожейки так и шли в руки к этнографу²⁰.

---

18 "Старики празднуют по-новому стилю, ... старухи по-старому, а молодые никак. Сельский сход потерял терпение, собрался и постановил: Во избежании ссоры закрыть совсем церковь и не беспокоить бога, пока не выяснится, чей верх возьмет" (Революция в деревне. М.:Л.,1924. С.9).

19 Обновленная деревня. С.31 (Наблюдение относится к Старо-Русскому уезду).

20 Любопытно, что колдуны старались продемонстрировать "прогрессивные" черты своей профессии: "Заговоры и заклинания записываются чинно, на бумажки и даже складываются вместе порядливо в книжку. Колдун ворожит перед зеркалом с ухватками гипнотизера, вызывает всевозможных духов, "и

Разноверие охватило деревню. А наряду с верами старыми возникало нововерие, или вернее неверие, которое сочеталось с пламенной верой в природу, человеческую силу, во всемогущую возможность всяких преобразований, которая часто совпадала с партийным коммунизмом.

Результатом названных тенденций был весьма специфический результат: революция - и в деревне, и в городе - больше разорвала, обнажила, переместила и перепутала, нежели создала что-то новое. Она же порождала острое желание изменить ситуацию к лучшему, вернуться из XVII века в XX-й. Люди страстно желали выйти из традиционного общества, в котором поневоле оказались все - и те кто из него не вполне вышел, и те, кого социальные катаклизмы водворили туда насильно. Возник сильный импульс модернизации, который отчасти совпадал с описанным выше революционно-авангардистским, отчасти в него не вписывался, выходил за его рамки. Формировался веер образов модернизационных изменений. Каковы они были, откуда шли?

Как показано выше, в деревню вернулось множество горожан, которые несли в себе неизбежную тоску о городской жизни. Стремление уйти от растительного существования, изнурительной повседневной борьбы с природой за выживание охватывала всех. Одни, к примеру, становились ворами - главным образом те, кто прошел искушение городом: "в деревне только труд, труд, а обувь-одеть нечего". Другие стремились на рабфак. Но городская жизнь в разной степени влекла и тех, и других. В деревню вернулись люди, побывавшие в Европе (хотя бы и в плену). Они мечтали у себя на родине "хозяйничать как германец, как австриец". Полуграмотный рассказывал неграмотному "об Америке". Те, кто стремился по-новому хозяйничать, уходили на хутора, хотя деревня отпускала их неохотно. В их числе были и деревенские коммунисты. Нельзя не отметить, что в комплексе чувств, стимулирующих импульсы модернизации, присутствовало и стремление к полноте жизни. Пути достижения таковой виделись разные. Одни искали ее в городе. Но нельзя забывать, что многие мечтали не уехать (или уехать на время), а улучшить жизнь на месте, в своем уголке. Первые послереволюционные годы отмечены и возрождением обществ изучения родного края, и созданием театров, и попытками возродить или вновь организовать библиотеки и краеведческие музеи - в общем, стремлением сохранить культурную традицию.

рогатых и крылатых" и называет ..х деликатно "мои товарищи" (Революция в деревне. М.:Л.,1924. С.110).

Каким же образом это многоголосие оказалось утраченным, а из множества голосов остался один "самый слышный" - авангардистское антибуржуазное настроение, описанное вначале? Ответ на этот вопрос невозможен без анализа главной движущей силы послереволюционной модернизации - молодежи.

2. Молодежь: восставшие рабы родительских предрассудков

Если попытаться назвать одного, "самого главного" персонажа послереволюционных двадцатых - то это будет молодежь, действительно центральная фигура тогдашней жизни. Молодые люди заполнили, казалось, всю поверхность исторической жизни: везде "мальчишки" - в поле, на заводе, в клубе, в Советах, в партии и, естественно, в комсомоле. "Страна-подросток" - не только метафора. После Первой мировой и гражданской войн существенно изменилась демографическая структура общества. Значительная часть населения погибла в войнах, а ее место заняло поколение новое. Старой России оно уже не помнило²¹. Понятия "комсомол", "паргьячейка", "кооператив", "сельсовет" и "линия партии" были для них естественны. Царь, урядник, фабрикант - далекими, чуть ли не мифическими персонажами. Молодость поколения и молодость страны совпадали.

Молодежи как социальной группе, как поколению свойствен инновационный пафос. Она как бы олицетворяет силу обновления общества. В силу возраста, отсутствия социального и исторического опыта, равно как исторической памяти (если таковая не культивируется специально!) она легко расстается с прошлым. Она воспринимает мир, в который пришла, как данность. Она склонна к облегченным решениям жизненных проблем. Она легко подвергается воздействию идеологии и легко принимает идеальную реальность за "настоящую", схему - за жизнь. До определенного момента сознание молодежи определяется не столько жизненным опытом (собственным), сколько тем, что вкладывается ей в голову системой общественного воспитания и образования. В процессе социализации, стремясь к самоутверждению, молодые люди, как правило, проходят через стадию отрицания ценностей предшествующего поколения. Общество, находящееся в состоянии стабильного эволюционного развития, адаптирует

---

²¹ Удивительные данные приводит издатель Смоленского архива С.Максудов: В 1929 г. половине жителей села не было 20 лет. См.: Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. Кн.1.1929. Кулаки и партейцы. Анн Арбор,1987. С.20.

эти черты молодого поколения - что-то принимается, что-то отвергается, отбрасывается как непригодное. В традиционных доиндустриальных обществах молодежь как бы обособлена в своем собственном времени и пространстве, где ей предоставлена возможность вызреть, избывая половую и социальную неопределенность. По прошествии времени она входит во взрослый коллектив, полностью подчиняясь от века установленным правилам социального общежития, определяемых освященными традицией представлениями о месте и назначении человека в неизменном социуме и космосе. В обществах индустриальных молодой человек проверяет собственной жизнью, практикой ведущие идеологемы общества. Сталкиваясь с несовпадением идей, которые вкладываются в его голову, и реальности, он "выстрадывает" представление о сложности мира и положении человека в нем. Значительная часть отцов послереволюционной молодежи еще пребывала в традиционном мире или только что вышла из него. Более того, сама страна - Российская цивилизация! - была молодой и полной "социально свежих" людей. Спецификой состояния послереволюционной модернизации было то, что инновационный пафос молодежи находил широкое поле социального признания.

Проблема "свежих" людей на дорогах истории крайне интересна и важна. Любое социально-экономическое и историческое движение, а в особенности революционное, массами выносит их на поверхность исторической жизни. "Свежий человек" лишен, как правило, "исторической усталости", свойственной старым слоям и классам. Он одержим пафосом перемен и не обременен исторической памятью. "Свежие люди" - это часто маргиналы, которые в старом обществе не находили жизненного пространства. В обществе новом они становятся активным преобразующим началом. "Свежими" были и русский буржуа и русский пролетарий, и интеллигент. Россия была полна людей, у которых не было "лип, под которыми прошло детство". Лишь о крестьянине невозможно говорить в категориях "свежести" - это самый древний слой любого общества. В масштабах многомиллионной России был крайне распространен тип "совсем свежего" человека, как бы вышедшего из углов и закоулков, мимо которых веками пронеслась история. Это мог быть безобидный зоценковский персонаж, который жил как трава, а думать мог только о чем-нибудь конкретном, например, о фруктах или ливерной колбасе. Он мог быть платоновским усомнившимся Макаром, с его "порожней емкой головой" и умными руками, одержимым энтузиазмом перемен, да не знающим путей к счастью. Советская

молодежь часто сочетала в себе качества социальной и поколенческой "свежести"²².

Итак, инновационный пафос молодежи находил поле широкого социального применения. Пословица "яйца курицу не учат" выходила из употребления. Молодежь, не укорененная в "старом порядке", стала главной движущей силой инновационного движения. "Отречемся от старого мира!" - на этот лозунг со страстью откликалась молодежь, которая этого мира не помнила. Разрыв традиции и одновременно - насильственное заталкивание в XVII в. - обуславливали рост популярности большевизма, который обещал исход к светлому будущему, именно в молодежной среде.

Старое ассоциировалось с родительским. Родительское отвергалось. Порывание с родителями социально одобрялось. Если взрослым свойственны пережитки "буржуазного прошлого", то отречемся от взрослых, ибо они представляют негодный материал для строительства нового общества и "персонифицируют" старое. "В наших рабфаках, детских домах и фабриках сейчас уже много рабочих и крестьянских юношей, ушедших от своих родных"²³. На место отца и матери встают красноармейцы, "получившие в Красной армии отшлифованное классовое мировоззрение"²⁴. Это настроение носило всеобщий характер и многократно усиливалось идеологией. Как писал Е.Преображенский: "Здесь главное слово за нашей молодежью... Она должна помнить, что многие из взрослого поколения уже безнадежны, их переучивать и перевоспитывать уже поздно. Драгоценные реликвии из эксплуататорского строя, от которого они не в силах отказаться, они понесут с собой в могилу"²⁵. Тогда же родилось дожившее до нашего времени выражение "бывшие люди", которое теперь вызывает скорее дрожь. С одной стороны они люди, они живы и хотят жить, а с другой, они бывшие, а значит как бы и не жильцы на этом свете.

Молодежь учила родителей жизни и в деревне, и в городе, восприняв как свои господствующие идеологемы - готовые истины в последней инстанции²⁶. И это при том, что молодежи

---

22 См. интересную постановку проблемы России как "подростковой цивилизации" см.: *Седов Л.С. И жрец, и жнец. К вопросу о корнях культа вождя // Осмыслить культ Сталина. М., 1989.*

23 *Григорев Г., Шкотов С. Старый и новый быт. М.;Л., 1927. С.20.*

24 Там же. С.91.

25 *Преображенский Е. Классовые нормы пролетариата после завоевания власти // Каким должен быть коммунист. Старая и новая мораль. М., 1926. С.66.*

26 Характерную реакцию "родителей" приводит М.Пришвин: "Скажи, Данило, о чем ты сейчас думаешь? - О мальчишках, - ответил он, что вот я остарел

было действительно оказано сверхдоверие, и она с жаром откликнулась на него, отдав тело и душу "строительству". Если не мы, то кто? Ведь пролетариат составляет меньшинство населения, основная его часть - многомиллионное крестьянство, а страна в целом представляет собою "пестрый переплет" различных систем хозяйства - от пастушеского родового быта до зачатков подлинного социалистического строительства в городах и немногочисленных сельскохозяйственных коммунах. Ускорить движение к заветной цели, подтолкнуть историю!

Делать жизнь с кого? - этот вопрос задает себе каждое новое поколение. Дети революции тоже искали себе идеал для подражания. Для них идеалом были люди, которые революцию сделали, профессиональные революционеры (которые, кстати, как известно, тоже не были стариками!). Но ведь профессиональный революционер - это не только воплощение индивидуального героизма и самоотречения во имя преданности отечеству, это - и порывание с семьей, с привычками обычной, "обывательской" жизни. Профессиональный революционер - не массовая профессия. Это точка зрения, кажущаяся сейчас самоочевидной, отнюдь не принималась в то время, о котором идет речь. Тогда, как писал Л.Авербах, предполагалось, что "молодое поколение советской страны, как один вырастет на фабрике и в совхозе, в школе фабзавуча и в университете, в армии и на практической работе - в ленинского профессионального революционера"²⁷.

Все казалось простым и легко осуществимым, тем более что наивное сознание детей рабочих и крестьян и пропаганда создавали простой и четкий образ врага - будь то индивидуальная семья и нравственность, нэпман, с которым скоро будет покончено, или затаившийся кулак. Недаром именно комсомольская

на своем хозяйстве и землю постиг, а теперь приходит чужой мальчишка, лошадь не умеет напречь, а учит тебя...". И еще - в другом месте дневников: "Среди самых серых мужиков приходилось слышать рассуждения о поколениях нашем и будущем: "Почему те такие счастливые люди, что для них все, а для нас ничего" (Пришвин М.М. Мирская чаша// Роман-газета для юношества. М.,1990. №2. С.122-124).

- 27 Авербах Л. Вопросы юношеского движения и Ленин. М.,1924. С.61. Описание Л.Авербахом определяющих черт этого массового профессионального революционера вызывает, мягко говоря, смешанные чувства: "непримиримость, твердокаменность, глубочайшая марксистская ортодоксальность, исчерпывающая ориентировка в процессах, происходящих в толще пролетарских масс, наряду с величайшей тактической гибкостью, вытекающей из всегда правильной оценки обстановки - разве не таковы основные черты, всегда характеризовавшие ленинскую партию" (Там же. С.55-56).

молодежь устраивала шествия перед лавками пэпманов! Крестьянство, как известно, трактовалось в русском марксизме как класс мелких буржуа, класс по определению индивидуалистический, а значит подозрительный. Молодые люди - выходцы из крестьян, самого многочисленного социального слоя, всеми силами старались выломаться из этого класса любыми способами, под любым предлогом²⁸.

"Расчистить место под новое общество", "произвести подгон человеческого материала под более высокую систему хозяйства" посредством культивирования "чистого наследственного пролетариата" - вот ключевые знаки как раз молодежного сознания. То, что молодежь делала, она делала с пафосом, а жалости действительно не знала, как в силу возраста, так и вследствие полного неумения проследить житейские следствия идеологических установок. Для гуманизма не было питательной среды - социальной, культурной, лично-индивидуальной - в результате же возобладали "установки молодого зверя". Что несла молодежь обществу, не считая ценностью старые культурные и поведенческие нормы?

Задумываясь над источниками этого неистовства, этой страсти в расчистке места под новое общество, проникаешься чувством, что механизмы подключения "молодежных масс" к этой деятельности имеют традиционное, даже архаическое происхождение. Уж больно часто происходящее напоминало игру, хотя и зловещую, неумное желание сделать что угодно, лишь бы наборот. Как пели в одной из частушек 20-х годов:

Думала, подумала...
А потом решила,
Не послушала отца,
В комсомол вступила²⁹.

Согласно народным представлениям, молодежи свойственны некие природно-полудикие свойства, а также тесная связь с нечистой силой. Недаром молодежные посиделки происходили в местах, которые считались обиталищем сверхъестественных существ - в банях, у реки, на опушке леса. Зажиточные крестьяне даже отказывались пускать к себе посиделки в дом! Как свидетельствуют этнографы, апогеем разгула нечисти, которую оли-

²⁸ "Зачем они идут в комсомол? ..."Идут для собственного интереса". - "А в чем интерес?" - "А в том, чтобы ехать учиться, комсомольцу учение доступнее" (Революция в деревне. М.;Л.,1924. С.13).

²⁹ Цит. по: *Мурин В.А.* Быт и нравы деревенской молодежи. М.,1926.

цветворяла молодежь, было время святок, когда допускались самые крайние формы поведения - воровство, хулиганство, драки со взрослыми, пусть даже с родным отцом. В праздники включались механизмы ритуальной апокалиптики, что позволяло в массовом масштабе осуществлять действия, на которые в повседневности налагалось табу. В традиционной культуре эти проявления антимира были ограничены праздничным пространством и временем³⁰. Складывается впечатление, что в послереволюционную эпоху таким праздничным пространством стала вся страна³¹.

Проявления иконоборчества как антимира прослеживались на каждом шагу. Деревенский нововер - коммунист и комсомолец - всегда богоборец. Кто шел в комсомол в деревне? "С одной стороны, молодые, наивные, чистые, а с другой стороны, наиболее прожженные, буйные, те самые, которые когда-то мазали герметом ворота неласковым девицам" - фиксировал В.Г.Тан-Богораз, обобщая материалы этнографических экспедиций. - "Первые устраивают комсомольскую пасху или рождество в закрытом помещении - лекция, диспут, спектакль... А вторые выносят комсомольское рождество на улицу, с уханьем, свистом и бродячими масками, покойника носят по домам, читают акафист, а в кадиле куриный навоз. Но в сущности оба лица комсомольского действия связаны такой внутренней связью"³². Неверие, коммуна, комсомол привлекали "озорников", тех, от кого отцы отказались давно. Но тот же комсомол придавал их существованию "идейность". В начале 20-х на дорогах истории обнаруживались удивительные фигуры. Например, комсомолец-колдун, которому очень хотелось поступить в совпартшколу, обнаруженный в Безозерском крае³³. Сколь симптоматичным представляется и такой сдвиг по сравнению с дореволюционными временами: до революции русская деревня плясала мало, после - стала плясать с остервенением. "В этих необузданных и неукротимых скаканиях таится главный элемент деревенской быт-овой революции"³⁴, - отмечает наблюдатель. Вместе с комсомольскими рождеством и пасхой эта стихия пришла и в город.

---

30 См., например: *Бернштам Т.М.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-начала XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С.246-247.

31 Недаром праздник занял такое огромное место в послереволюционной культуре. См. подробно: *Захаров А.В.* Массовые праздники в системе тоталитаризма//Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.

32 Революция в деревне. М.;Л., 1924. С.12.

33 *Морев Н.* Старое и новое (Очерк из быта чухарей)//Старый и новый быт. М. 1924.

34 Там же. С.19.

Происходила реанимация архетипического ритуала обмена верха и низа. Это во многом определяло сами масштабы посягательств на культуру и цивилизационные структуры и коды. В традиционной культуре проявления древней оргиастической стихии вводились в рамки культуры и цивилизации - в древности посредством фольклорно-мифологических или государственных мистерий, в более позднее время - религиозных ритуалов. В советских условиях возродился оргиазм необузданный, негармонизированный, не заключенный в рамки. Архетипические фантазии претворялись в жизнь, превращались в повседневную историческую реальность.

Создавая новое общество, молодые люди подходили к переделке реальности с мерками, продиктованными их собственной жизнью. Отрыв от корней культивировался, но сознание несло в себе объективные мыслительные формы, порождаемые той реальностью, из которой они сами вышли. Так, принадлежность к классу они определяли не по тому, чем люди занимались в настоящее время, а по родителям, т.е. как в доиндустриальных традиционных статусных обществах³⁵. Происхождение определяло все! Они только учились писать и произносить слова "гражданин". Свобода была для них звуком пустым... Здесь не было даже начатков демократического правового сознания. Совершивший проступок или преступление человек оказывался более или менее виновным в зависимости от "классовой" принадлежности. Любопытное наблюдение принадлежит Г.Федотову, который отмечал: "молодежь из России с недоумением смотрит на европейские правительства, которые вместо того, чтобы душить по тюрьмам своих врагов, представляют к их услугам газеты, улицу, партийные организации?.. Свобода и для врагов кажется ей бессмысленной"³⁶. Их не удивляло, что выборные должности занимали люди назначенные. Они не понимали, зачем учиться торговать... Часто они даже не умели пользоваться политическими ярлыками, сосредоточиваясь на более понятных и близких проблемах морального разложения. Марксистской терминологией пользовались главным образом студенты и партийные работники высшего и среднего ранга. Классовые категории выступали как моральные.

---

³⁵ В обществах классического индустриального капитализма буржуа был буржуа, пролетарий - пролетарий, вне зависимости от того, как они ими стали, кем были раньше - крестьянами, лавочниками, купцами или дворянами.

³⁶ Федотов Г. И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж, 1932. С.178.

Складывается, между прочим, впечатление, что само отношение общества к молодежи также базировалось на представлениях традиционного общества: ребенок, молодой человек воспринимался как равный взрослому. Откуда эти юные командиры, комиссары-ораторы? Откуда это непомерное доверие неоперившимся птенцам? Дети на равных вступали в единоборство со взрослыми: "Подожди!" - угрожал кулак мальчику. - "Скоро советская власть падет и тогда мы тебя и твоего отца запряжем в соху и заставим пахать"... "Сам обождешь! - резко возражал девятилетний мальчик: "Вы уже много лет нас в запряжке держали. Все лишние земли у вас отнимем!" И тут же он продекламировал начало известного четверостишия, которому научил его отец-коммунист:

"Все куплю!" Сказало злато,
"Все возьму!" Сказал булат..."³⁷

Эта молодежь, которая не имела ни знаний, ни жизненного опыта, была наделена правом решать сложнейшие вопросы социальной жизни, вершить судьбы людей. Основная масса комсомольцев и членов партии не клялись диктатурой пролетариата и не обсуждали перспективы построения коммунистического общества. "Эти идеи трансформировались в их среде в несколько простых лозунгов. "Пережитки" - иконы, религиозные обряды, пьянство, воровство, - с ними надо бороться. "Классовый подход" - его следует соблюдать. Бедняки, рабочие, служащие - класс хороший. Бывшие - кулаки, зажиточные - чужой вражеский класс, им следует осложнять жизнь. Если партиец усыновил ребенка пролетарского - хорошо, помещичьего - ужасно. Классовое сознание заменило главную из десяти заповедей - почитать всемогущего Бога за то, ... что он освободил из рабства египетского. Теперь поклонения требовал победивший и освободивший народ из рабства капиталистического - класс"³⁸. Новые классово-чистые руководители пригодность к занятию постов не связывали ни с успешностью выполняемой работы, ни с познаниями. Главными были выдержка классовой линии, участие в кампаниях, четкое исполнение директив.

Известно, что трудности НЭПа порождали кризисные настроения в молодежной среде, ибо НЭП уже не был праздником угнетенных. Революция шла на убыль, мировой пожар не разго-

³⁷ Революция в деревне. М.:Л.,1924. С.110-111.

³⁸ Максудов С. Введение к кн. Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. Кн.1. 1929. Кулаки и партейцы. Анн Арбор,1987. С.26.

рался, все серо, скучно, подлинное равенство не воцарялось, потребность в образовании не удовлетворялась, живы были безработица, нищета, проституция. Государство выпустило водку, чтобы справиться с хозяйственными затруднениями. Вырисовывалась какая-то пустота: с одной стороны, бедность, пьянство, хулиганство, а с другой - оскудение жизненного напряжения. Свой вклад в формирование ощущения кризиса вносила и так называемая "половая проблема". Тенденция к отрицанию всякой морали как буржуазной порождала множество сломанных жизней, брошенных детей, несчастных женщин. Проблема разочарования молодежи специально рассматривалась на VII съезде ВЛКСМ.

Этот кризис, однако, скоро разрешился, правда не так, как это могло бы произойти в условиях "нормального" эволюционного развития. Неумемная, праздничная энергия молодежи, ее беззаветная вера в светлое будущее в сочетании с уверенностью в правильности избранного пути вновь были востребованы обществом. Начались индустриализация, коллективизация, культурная революция. В первых двух процессах молодежь служила главным образом материалом и средством, а комсомол - приводным ремнем партии. Культурная революция 1928-1931 гг. во многих отношениях стала детищем молодежи, которая восприняла ее как способ реализации личного интереса. Молодежь работала на ликпунктах по ликвидации неграмотности, осуществляла задачи культурной революции в вузах, пролетаризацию науки, чистки преподавателей. Начавшийся в 1928г. гигантский "культпоход" развернулся под понятными молодежи лозунгами классовой войны. "Легкая кавалерия" начала свои атаки на "аппарат" и выступила против коррумпированных и некомпетентных бюрократов. Обвинения, правда, звучали значительно более остро, если был замешан чиновник "сомнительного" непролетарского происхождения.

Они были обычными людьми, которые хотели лучше жить, любить, танцевать, но сформировавшимися в специфической атмосфере. Они не только расчистили место под новое общество, но и действительно создали предпосылки формирования нового человека. Скоро им прикажут арестовывать, высылать. И большинство все с той же беззаветной верой, а некоторые и с удовольствием выполняют требования вождей и эпохи. Другие ступят на крестный путь и пройдут его. Ловушка истории захлопнулась, и в этом трагедия поколения. Общество, которое было создано их усилиями, оказалось совсем непохожим на то, о котором они мечтали. Попытаемся же проследить, каковы были результаты описанных процессов для общества в целом.

3. Упрощение как процесс и результат

Результатом стал процесс упрощения, который, казалось, охватил все общество, всю социальную жизнь. Работа с текстами эпохи убеждает, что "упрощение" было не только одним из ключевых слов социального словаря, но и содержательной и стилистической характеристикой советского общества, относимой ко всем областям жизнедеятельности. Стремилась упростить все - от науки до орфографии, от экономики до культуры. Рационализация быта, производства, образования и частной жизни, о которой тогда много говорили и писали в 20-е - начале 30-х, понимались как приведение жизни к общему знаменателю - упрощению и усреднению. Упростить стремились даже то, что, казалось бы подвержено таковому в наименьшей степени - культуру. "Упрощение культуры" рассматривалось как исключительно позитивный результат революции. Вот, например, точка зрения М.Левидова, известного в 20-е годы журналиста: уничтожив, подобно старой государственной машине, старую культуру, революция будет создавать новую - посредством организованного упрощения. "Это упрощение есть величайшее завоевание, подлинный прогресс, уверенный и настойчивый знак плюса"³⁹.

Казалось, за что бы ни бралось общество, оно стремилось выполнить поставленную задачу побыстрее, подешевле, словом, попроще. Так, ликвидацией культурной отсталости стремились охватить как можно большее число людей, в максимально короткие сроки и с наименьшими затратами. Вот, например, в Бауманском районе Москвы культармейцы-общественники, отчитываясь о результатах "культпохода", с гордостью отмечали, что "Бауманский отдел народного образования по бюджету тратит свыше 4 миллионов, обучая 36 000 детей, а культпоход обучает 18 000 человек примерно за 90 000 рублей, т.е. более, чем в 20 раз дешевле"⁴⁰. Представители саратовских культармейцев радостно рапортовали: "Стоимость одного учащегося - 1 руб. 20 коп."⁴¹. "Культпоход" прямо увязывал задачи ликвидации неграмотности и малограмотности с выполнением директив партии, с борьбой за пятилетку, за социалистическую переделку сельского хозяйства. Но критериями отбора людей, посылаемых на учебу, были главным образом классовые. "Спецмобилизации" в школы,

---

39 *Левидов М.* Организованное упрощение культуры // Красная новь. 1923. №1. С.306.

40 В первых рядах культпохода. Смычка бауманского и саратовского отрядов. М.:Л., 1930. С.4.

41 Там же. С.21.

институты, в ряды администрации имели целью пролетаризацию общества. Но результатом было изменение облика управления, науки и культуры в сторону упрощения. Кстати, и материальное производство лишалось опытных рабочих.

Погружаясь в самоочевидности описываемой эпохи, не перестаешь удивляться, сколь не в чести был обыкновенный профессионализм в любой области. Характерно высказывание Е.Преображенского, рассуждающего о том, каким должен быть сельский коммунист: "Если он (крестьянин - Авт.) может быть образцовым коммунистом лишь ценой превращения в худого хозяина, то нужно предпочесть этот последний исход"⁴². Или - следующий отрывок из очерка В.Перцова "Город при фабрике": "Нынешний директор был обследован в тресте со всех сторон и, наконец, спрошен, понимает ли он что-нибудь в текстильном деле. Демобилизованный воин в упор ответил "нет", и его незамедлительно назначили директором школы-фабрики со словами "Такого нам и надобно"⁴³.

Отторжение "сложного" имело место и в экономике. Так, коллективизация была не только борьбой с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, но и с теми самодеятельными объединениями крестьян, которые стояли на более высоком уровне обобществления, чем создаваемые колхозы - например, с коллективными объединениями, которые носили изначально товарный характер. Их объявляли "лжеколхозами" и подвергали уничтожению. Кредит, аренда, подрядные и субподрядные договоры, организация совместных предприятий по обработке сельскохозяйственной продукции - все это объявлялось помещичье-капиталистическими методами. Рентабельность хозяйств никого не волновала. Более важным делом представлялись собрания, заседания, праздники урожая, пропаганда среди окружающего населения, равенство любой ценой, дома-коммуны, ленинские уголки, общие столовые. Ценности распределения явно преобладали над ценностями производства⁴⁴.

Существенным фактором, стимулирующим развитие упрощительских тенденций было и количественное уменьшение, и снижение общественного влияния роли интеллигенции в обществе. В дореволюционной России, в условиях отчуждения масс от политической жизни и культуры, она выступала носителем об-

⁴² Преображенский Е. Цит. соч. С.71.

⁴³ Перцов В. Город при фабрике// Молодая гвардия. 1930. №5. С.92-93.

⁴⁴ См. например: Колхоз "Красный мелиоратор" (как кулак врастает в социализм). М.,1930.

щечеловеческих ценностей. Эти функции были незаменимы в условиях, когда в связи с начавшейся индустриализацией органическая народная культура подвергалась разрушению. Интеллигенция имела возможность самовыражения в прессе, тем самым влияя как на общественное мнение, так и на власть. Лишение этой группы общественного влияния, а затем и физическое уничтожение имело пагубные последствия для общества в целом.

Нет никакого сомнения, что в старой России народ был удобной почвой для политического режима, давящего общество. Но тот же политический деспотизм не охватывал все общество снизу доверху, он сочетался с волей и широтой жизни, с многообразием прав, а также своего рода преимуществом, которое давало отсутствие давящего нормативизма. И по своей структуре, и по многообразию жизненных стилей старое общество было каким угодно, но уж никак не простым...

Подозрительность ко всему "бывшему" как буржуазному вела к деструкции общечеловеческих ценностей. Возникло противоречие между количественным ростом культурных учреждений и невероятным ростом обскурантизма, атакой на все сложное, утонченное. УпростиТЕЛЬские тенденции проявлялись и в том, что всякое оппозирующее начало исключалось: мир должен быть цельным и непротиворечивым! Сомнение и критика приравнивались к измене. Консервативная критика нового строя подавлялась. Пророческая антиутопия "Мы" Е.Замятина была воспринята как заведомая ложь и клевета. Зато на ура принималась "Аэлита" А.Толстого! Только в таких "тепличных" условиях могло родиться и расцвести представление о социализме как обществе без противоречий. А как поразительно прост текст "Краткого курса истории ВКП(б)! И не всегда легко сейчас отделить в общественных процессах того времени злонамеренность от простоты и наивности, подобной той, с которой старушка подкладывала хворост в костер Яна Гуса...

Встает вопрос, была ли тенденция упрощения навязана, "организована", как часто полагают? Думаю, она не была таковой. Существовали объективные предпосылки ее возникновения. Таковые - продукт реального и крайне болезненного раскола старого российского общества на людей, "не знавших таблицы умножения", и людей, "которые в ней усомнились" (как это формулировал Н.Бердяев). Первые и вторые - это "они" и "мы", а между ними полоса социального отчуждения. Но ирония и трагедия истории в том и состоит, что именно "они" в расколотом обществе были носителями более совершенных форм цивилизации. Направленность и формы послереволюционной

модернизации не только превращали в маргинальные все формы элитарной культуры, формы цивилизации. Упростились сами "простые люди", выпав из традиционной культуры, которая своими способами связывала их и с Космосом, и с Историей. Эти люди превратились лишь в почву для индоктринации.

Канадский исследователь Ф.Эйдлин замечает в статье, посвященной роли языка и символических систем в утверждении и функционировании тоталитарных режимов, что "люди", на самом деле находящиеся во власти официального языка, воспринимаются всеми как простодушные и глуповатые"⁴⁵.

Это действительно были люди, для которых мир был прост. Это - мир личной связи, часто в ее самом примитивном варианте. Реальное многообразие мира сведено к двум краскам: белый - черный, хороший - плохой, друг - враг. Это люди, которые мыслят двоичными оппозициями. Общество для них - простая, понятная, легко объясняемая система, легко подвергающаяся любым желаемым изменениям. Здесь нет места осознанию индивидуальности - и собственной, и другого человека, и отношений между людьми. Иллюзия простоты рождает иллюзию всемогущества. Стоит только сильно захотеть, и отдать правильный приказ... Эти люди верили, что путь к счастью короток...

Такой человек мог, как свидетельствует история нашего общества, представлять и в страшном облики. Можно напомнить эпизод из повести Л.Чуковской "Софья Петровна" как характерный. Машинистка сделала опечатку: вместо "Красная армия": написала "Крысыная армия". Героиня повести так и объясняет: "Она написала не "Красная", а "Крысыная" просто потому, что в машинке - это все машинистки знают - буква "ы" находится неподалеку от буквы "а"... [Простая опечатка]. Но на это ей: "Документы, против документов не пойдешь... Крысыная или крысыная - это значения не имеет. Классово враждебная вылазка ... налицо"⁴⁶. Опечатка становится основанием для политического обвинения. Именно люди с "простым" сознанием оказывались способными разглядеть в складках плаща в скульптурной группе "Рабочий и колхозница" В.Мухомовой лик Троцкого и сообщить об этом "куда следует"...

Отчего же возникал этот зловещий облик? Только ли дело в неграмотности и "свежести"? Или простое сознание само по себе носитель зла? Представляется, что это не так. Люди, мыслящие двоичными оппозициями, постоянно выходят на поверхность

45 Эйдлин Ф. Крушение новойзы // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С.354.

46 Чуковская Л. Софья Петровна // Нева. 1988. №2. С.78.

истории. Их можно обнаружить в любом, и не тоталитарном обществе. Качества сознания людей, описываемых Х.Ортегой-и-Гассетом в "Восстании масс" неотличимы от тех, о которых идет речь здесь. Дело, вероятно, все же в том, что люди с сознанием-"перевертышем" попадали в ситуации, которые требовали более сложных представлений о социальной действительности и человеке, подразумевали наличие сознания, несущего в себе универсальное начало. У нас же действующим лицом в сложнейших коллизиях модернизации оказывались люди, отличающиеся "наивностью Каина до убийства Авеля" (по удачному выражению Г.Павловского). И это при том, что они люди, которые живут, хотя и имеют право на существование, не меньше, чем люди со сложной картиной мира.

Итак, дело не в качествах человека и его сознания и не только в ситуации модернизации как таковой. Свою "роковую" роль, определившую результаты, сыграл тот факт, что процесс упрощения был не просто "естественно-историческим", т.е. спонтанным результатом развития, но осуществлялся и через организованную систему идеологического производства. Происходил он под классовым углом зрения. Мощная система пропаганды работала на то, чтобы привести теорию классовой борьбы на коммунальную кухню. Распространяемая в упрощенном и препарированном виде теории классовой борьбы прекрасно "накладывалась" на структуры бинарного сознания. Свою роль сыграл и советский "маскульт", который не сублимировал архаические структуры сознания, но напротив, их консервировал, "подмораживал". Опираясь на древние механизмы сознания он упрощал и без того простое, помещая человека в вечно дрящущее статус кво⁴⁷. Принцип двоичных оппозиций сохранялся в качестве основы, но на него была наложена рамка классовой идеологии.

Прочитав вышенаписанное, оппонент может возразить. Полноте да не была ведь жизнь такой! И А.Платонов, который в начале своей писательской карьеры был, как свидетельствуют его ранние тексты, человеком "свежим" и "простым", стал гениальным писателем. И вообще люди были разные, а не только "упрощенные". И наука развивалась, и философия не была окончательно задушена. Существовала и высокая культура, и слои, ее потребляющие. Искусствовед М.Туровская вспоминает о культурной жизни 30-х годов: "Не пропустить премьеру балета, про-

---

⁴⁷ Туровская М. И.А.Пырьев и его музыкальные комедии. К проблеме жанра//Киноведческие записки. Вып.1. М.,1988.

стоять ночь за билетами "на Качалова", или Остужева... или Коноен... Было и еще много замечательных мест, куда ходили постоянно. Музей нового западного искусства ... Третьяковка, где "еще", а не "уже", висели и Борисов-Мусатов, и Сомов, и Шагал, и Малевич. Летом Троице-Сергиевская лавра (некоторое время там был антирелигиозный музей). Большой зал консерватории с концертами Софроницкого, Марии Юдиной, Гиллельса, с гастролями Курта Зандерлинга или Мравинского, с первыми исполнениями симфоний Шостаковича"⁴⁸.

Действительно общество и культура сопротивлялись упрощению. Но сложное и утонченное отчасти утрачивало почву, отчасти уходило в катакомбы, становилось маргинальной тенденцией. Люди же, которых называли маргиналами, как раз в советском обществе таковыми не являлись и заняли в нем центральное положение.

Каковы же действительные результаты этого процесса почти тотального упрощения? Они послужили действительной предпосылкой самой социальной связи как способа объединения людей в обществе. Результатом была та предельная ее централизация, которая характерна для сталинского тоталитарного режима и которая охватывает все сегменты общества, вплоть до частной жизни. Результатом была и утрата многообразия самой жизни, формирование того монологического стиля в социуме, последствия которого современное общество лишь сейчас осознало. Но главное - сохранялась, бессознательно воспроизводилась старая социальность. Модернизация действительно имела место, но при условии сохранения связей личного типа. Причем именно лишение этой связи присущей ей культурно-стилистической окраски способствовало ее консервации. Но при этом она действительно упрощалась. Так, связь личного типа, для которой характерна персонификация общественных отношений, превращалась в своего рода формально-бюрократическую рациональность - ничем, правда, не напомиравшую формальную рациональность западного типа, о которой писал М.Вебер. Недостаточное развитие у основной массы населения начал индивидуализации и социально-критического мышления создавало условия, когда функции установления всеобщей общественной связи стал выполнять представитель административно-бюрократической системы.

Новые структуры и отношения возникали при опоре на старые типы сознания. Во-первых, новая формально-бюрократическая рациональность не могла сформироваться без авторитарного

---

⁴⁸ Туровская М.И. Указ. соч.

сознания как господствующего. "Бог дал - Бог взял" часто оказывалось лишь замещенным на "Ленин дал, Ленин и взял"⁴⁹. Для этого сознания характерны и персонификация врага, и обожествление вождя. Персонифицированный характер общественной связи в полной мере проявляется в "народном сталинизме", которому предшествовало обожествление Ленина. Признаком складывания новой формально-бюрократической связи было то, что Сталин подавал себя уже не только как отца народов, но и как выразителя правильной линии партии. Это - уже свидетельство сдвига в сторону преобладания надличностных норм, связей неперсонифицированного типа. Понятие "правильной линии", выступает как момент современной программы модернизации, представленной, однако, в авторитарном облачении и понимаемой массами в неосакральных терминах. Для формально-бюрократической рациональности, сложившейся в нашей стране, характерно единство личностных и надличностных норм, принимающее вид амальгамы. Вождь рассматривается уже не только как харизматический лидер, но как фигура, которая помогает трудящимся правильно реализовать объективные общественные законы. Но новые черты возникают при опоре на старое авторитарное сознание.

Во-вторых, осмысливая результаты первой советской модернизации, нельзя не отметить, что она сопровождалась не только регенерацией связей феодального типа (неопатримониального), но и вообще децивилизацией. Происходил распад социальной связи как таковой, деструктурирование общества, "разлитие" архаики по поверхности общественно-исторической жизни. На фоне всеобщей дестабилизации на первое место вышла масса, это "слабое место социальной реальности", по определению Э.Канетти. Обуздать эту архаику, эти процессы деструктурирования оказалось возможным лишь посредством тотального насилия.

Происходила немислимой степени атомизация общества. Люди, собравшиеся в коммунальных квартирах городов, отнюдь не составляли старую соседскую общину. В едином пространстве были вынуждено объединены люди, не связанные друг с другом. Человек, прильнувший к громкоговорителю, из которого льется голос вождя - вот символ времени.

Описываемая система формально-бюрократической рациональности является органическим элементом внеэкономической системы управления обществом, которая не только не нужда-

---

⁴⁹ Платонов А. Чевенгур // Дружба народов. 1988. №4. С.149.

ется в развитой индивидуальности, но, напротив, стремится к ее устранению. Ей не нужен живой человек, богатое и разнообразное в культурном отношении общество... Индивид-атом оставался наедине с мощью государства ибо все опосредствующие, горизонтальные структуры оказались уничтоженными. При этом человек лишился и своего рода уютности существования, которой он обладал, живя в общине. Не отсюда ли вечные попятные движения, стремление "утеплить" общественную связь, придать личный характер надличностной норме. Примеров попыток такого рода множество. Это увеличение сумм калыма как реакция на давление административно-бюрократической системы. Это формы нового "фамилиализма" людей, стоящих у кормила власти (брежневщина-чурбановщина).

Наложение властных отношений на все типы общественной связи на фоне тотального упрощения стало базой, на которой возникла тоталитарная система. Общественные связи максимально "коммунализируются", огосударвляются, т.е., опять-таки упрощаются, сводясь к связи типа "центр-периферия". Любая деятельность прагматизируется и как бы проверяется на соответствие целям системы. Все, что направлено на ее укрепление, сохраняется, остальное - не просто факультативно, но подвергается подозрению и уничтожению. Отсюда - отсутствие начал плюрализма во всех областях общественной жизни. Коммуникативные системы используются как инструмент власти, их основная функция - усиление веры и преданности людей "священным целям" и программам достижения этих целей. Сложившаяся система носит пирамидальный иерархический характер.

Способы мышления и типа мировоззрения, порождаемые этим обществом, обрели характер объективных мыслительных форм. Авторитарное сознание в его формально-бюрократической разновидности является существенным, необходимым механизмом воспроизводства самой системы подобно тому, как товарно-фетишное сознание служит одной из предпосылок производства капитала. Именно поэтому от этих форм нельзя избавиться, уничтожить декретом. Эти "амальгамические" образования дожили и до наших дней. К сожалению, и перестройка их не столько преодолела, сколько выявила. До сих пор мы пребываем в мире произвола в принятии решений, в области личностных способов действия, формально-неформального характера общественных связей, когда, например, к должностному лицу предпочитают обращаться "как к человеку". Продолжает существовать плановый фетишизм. Черты персонифицированной общественной связи обнаруживаются в сознании яростных противников

административно-бюрократической системы, которым чуждо представление об объективных результатах истории, не связанных с намерениями ее творцов. Это способы "думания" и "делания" - симптоматика действующих структур и связей, от которых общество никак не может избавиться и о которых так мало знает.

Многие и многие противоречия современного общества коренятся в процессах, о которых шла речь. Возвращаясь к послереволюционному периоду истории страны, к "прелюдии сталинизма", воистину становишься свидетелем возникновения тех самоочевидностей сознания и деятельности, тех языковых клише и поведенческих стереотипов, потребность в избавлении от которых возникла столь недавно. Они воспроизводятся постольку, поскольку сохраняются соответствующие типы социальности. Без изживания их общество вряд ли сможет радикально измениться. Как свидетельствует история советского общества, они могут опять создать условия для "заклинивания" механизма социального изменения, стать препятствием к тому, чтобы на равных войти в мир общечеловеческой цивилизации.

Глава 6

КРИЗИС ЦЕННОСТЕЙ: ИДЕОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА

Произошедший распад идеологии в нашем обществе, равно как отказ от неудовлетворительных прежних научных объяснений, тесно связанных с идеологией, принес не только освобождение, но и проблемы. Причем, проблемы многочисленные. Это, прежде всего, потеря людьми объектов их социальной идентификации, распад их референтной группы в лице государства и поиски новых социальных идентификаций - национальных, региональных, возрастных, усиление конфликтов различных способов идентификации, напряженности в обществе. Другим следствием распада идеологии и утраты доверия к объективным способам описания социального мира является чрезвычайно быстрая динамика ценностей, в которой настораживает, во-первых, появление стереотипов старого мышления и старых ценностей, представленных с переменной знака (образ врага, но нового, новые ожидания светлого будущего, новые идеалы и предпочтение равенства свободе, трактовка свободы как своеволия, вера в простые и быстрые решения и пр.), а во-вторых, появление групп людей с разрушенными ценностями, которые ничем не заменены. В поведенческом плане первая группа лиц тяготеет к мнимо-радикальной деятельности, разрушению социальной стабильности и энергичному выдвиганию недостаточно проверенных идей и проектов, вторая - к асоциальному поведению, деструкции и пр. В психологическом плане первая группа отличается нередко агрессивностью, вторая - агрессивна или фрустрирована.

Угрожающий стране распад начинается с распада социальных связей и разрушения социальных субъектов, а последние - с кризиса личных ценностных ориентаций, с утраты идентичности.

В этих условиях возникают два соблазнительных и нередко идущих рука об руку проекта: "построить" качественно новую идеологию - идеологию обновления; стимулировать развитие "подлинной" науки об обществе. В этом случае полагается возможным заполнить как ценностную брешь в общественном сознании (с помощью новой идеологии), так и (с помощью науки) нехватку знаний о том, что же надлежит делать для улучшения существующего общественного состояния. Эти ожидания кажутся, на первый взгляд, вполне оправданными. Однако в них

самих содержится большой заряд старых представлений об идеологии и науке, которые соответствуют традиционной практике советского общества, а в более широком плане – тем псевдоклассическим ожиданиям простого и ясного мира, которые в наше время могут реализоваться лишь путем его насильственного упрощения.

1. Истина или ценность

К.Маркс не питал надежду на идеологию как источник ценностей. Напротив, он разоблачил ее мнимую всеобщность, связь с интересами социальных групп и тем самым принципиальную неистинность идеологии ("ложное сознание"), отсюда ее неспособность выразить интересы всего общества.

М.К.Мамардашвили убедительно показал, что марксизм явился учением, которое наследовало классические принципы (просвещение, субъект-объектное представление о мире и др.) и вместе с тем имеет неклассическую составляющую¹. Неклассический аспект марксистского учения порожден обнаруживаемым несовпадением роли истинного и неистинного в историческом процессе. Ожидаемая значимость истинных суждений не соответствовала реальности, где царили социальные превращения, ложные формы сознания, называемые К.Марксом идеологиями, и фетишистские формы. История творилась сознанием, не задумывающимся о своей истинности. Неклассическая составляющая марксизма явилась реакцией на большую реальную сложность мира, чем представление, что все разумное действительно и все действительное разумно, т.е., что существует тождество разума и бытия. Неклассический характер открытия превращенных и фетишистских форм сознания состоит в том, что здесь видимость выступала в качестве реального социального факта, который не мог быть ни упразднен, ни сведен к своей сущности. Следовательно, характерный для классики эссенциализм здесь уже подвергался косвенной критике. Не ставя здесь вопроса о трактовке превращенных и фетишистских форм², отмечу лишь, что превращенные, фетишистские формы, иллюзии и заблуждения, "ложные сознания" являются объективными фактами самой жизни, хотя они всего лишь представляют некоторые более глубокие отношения.

---

¹ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.,1990. С.317.

² См.: Козлова Н.И. Социализм и фетишистское сознание//Общественные науки. 1989. №4. С.183-198.

Легко видеть, какие современные драматические проблемы вырисовывались перед Марксом. Неклассический образ мира заявил о себе в социальном знании раньше, чем в естествознании, где "уют" классики еще не был потревожен. Но Маркс оставался в традициях классики, поэтому он устранил возникающее неудобство вполне классически - стремлением упразднить иллюзии, ложные формы сознания и его превращения. Доминанта классического мышления в марксизме состоит в том, что здесь разделяется взгляд о принципиальной прозрачности мира, утверждается возможность элиминации всех этих объективных видимостей сознания. Но важно и то, что это устранение уже не мыслится как осуществимое наукой. Наука, по К.Марксу, может лишь разоблачить "объективные мыслительные формы, в том числе и иллюзорные, но упразднены они могут быть лишь практически". Вместе с тем, эссенциалистскому объяснению принадлежит ведущая роль: наука не просто проникает в сущность социальных процессов, но и напрямую становится программой деятельности, цель которой достичь соответствия сущности. Так раскрытие сущности капиталистического накопления трактуется одновременно как раскрытие сущности и исторической миссии пролетариата. Разоблачению фетишистских форм сознания и идеологии как "ложного сознания" сопутствует уверенность в наличии истинного сознания, науки, возможности вытеснить не только ложные формы сознания (идеологии), но и превращенные его формы, а также присущие ему фетишизмы.

Классическое побеждает в марксизме неклассическое: драматизм социальных превращений упраздняется уверенностью в возможности их прояснения и снятия посредством социальной науки, добывающей истины в формах "движения самой мысли", как говорил К.Маркс. Эта наука свободна, с его точки зрения, от ценностей в связи с тем, что найден социальный субъект - пролетариат. Этот социальный субъект оказывается заинтересованным в объективном познании мира. Так неклассический ход мысли о связи идей с положением социальных групп был возвращен к классической вере в разум, науку, хотя позиции некоторых социальных слоев объявлялись неспособными обеспечить достижение истины и обреченными на идеологию - ложное сознание.

2. Неустрашимость идеологии

Итак, подвергнутая критике Марксом идеология могла осознать себя как форму выражения интересов социальных групп, которая существует наряду с объективным (научным) анализом социальных процессов. Можно было остаться на позициях идеологии, если признавать исторически значимыми любые, а не только истинные формы мышления, либо перейти на позиции науки и черпать из нее систему понятий для описания сущности процессов. Однако, это весьма устойчивое положение социального мыслителя, обеспечивающее ему выбор позиции и возможность принадлежности (в обоих случаях) к структурам власти подрывается открытиями социологии знания, которые показывают, что, во-первых, типы мышления не могут быть поняты без их социальных корней, т.е. формы мышления, в том числе и научные, вписаны в контекст коллективного действия. Социология знания обнаруживает не только универсальность превращенных и ложных форм, их неустрашимость, но и наличие их элементов в самой науке. В любом типе мышления она находит также коллективно-бессознательные мотивы, показывая, что их осознание происходит в эпоху сломов и сдвигов в обществе, социальной нестабильности, в то время, как при иных обстоятельствах они могут быть скрыты. Бэконовские идолы не могут быть аннулированы из познавательного процесса. Свободные от ценностей суждения науки в условиях обнаружения связи мышления с деятельностью групп становятся ценностно нагруженными и все менее отличимыми от идеологии. Отсюда, условием объективности социальных наук является участие ученых в социальных процессах, которое позволяет им получить результаты, адекватные деятельности представляемых учеными групп в социальном процессе.

Переход к этой новой форме объективности, связанной с достижением адекватности не объекту, а способам деятельности, является следующим неклассическим ходом после признания Марксом превращенных, фетишистских форм и ложных сознаний как факторов исторического развития, действующих, не смотря на свою "неистинность". Но классическая вера Маркса в то, что эти формы могут быть эссенциалистски преодолены посредством науки, которая дает всеобщее знание и фундаментальную основу для социальных преобразований, которые могут быть обобщены, описаны и ориентированы на целостные социальные изменения как внутри отдельного общества, так и в масштабе всемирной истории, оказалась существенно подорванной. К.Мартингейм воспринимает эту ситуацию не просто как методо-

логическую проблему, но как жизненную драму. Неразличимость идеологии и науки релятивизирует любой осуществляемый социальный выбор.

В чем же состоит радикальная постановка этих проблем? В том, что социальная роль идей в значительно большей степени определена их эффективностью, чем истинностью. Ложные формы сознания могут действовать в истории с неменьшим успехом, чем истинные. Причем истинность или ложность этих форм зачастую может быть установлена постфактум. Какое же спасение ищет Маннгейм от этого релятивизма, если марксов рецепт классической веры в разум и науку, подкрепленный верой в особую социальную позицию познающего субъекта, обеспечивающую объективность, рассыпается на глазах при прикосновении к нему методологии социологии знания? Вера Маннгейма, его точка опоры социологична. Только *направленность* действия социальных субъектов позволяет разделить системы идей на идеологию и утопию, независимо от того, истинны они или ложны, являясь превращенными формами или нет. Суть дела в том, что люди "действуют совместно друг с другом или друг против друга - в различных по своей организации группах и, совершая эти действия, мыслят друг с другом или друг против друга. Эти связанные в группы индивиды стремятся в соответствии с характером и положением группы, к которой они принадлежат, либо изменить окружающий их мир природы и общества, либо сохранить его в существующем виде"³. Следовательно, идеологии и утопии различаются не своим содержанием и не степенью истинности, а тем, что одна система идейного воздействия способна поддерживать существующие социальные и политические институты (идеология), другая же - подвергнуть их критическому пересмотру (утопия). Вполне очевидно отсюда, что в качестве идеологии и утопии может выступить все, что угодно (тезис, близкий к тому, что Фейерабенд впоследствии называет "anything goes" в отношении метода науки - "Единственным принципом, не препятствующим прогрессу, является принцип допустимо все (anything goes)"⁴. Однако, в отличие от Фейерабенда, Маннгейм ищет краеугольный камень для выбора из всего, "что угодно". Этот "камень" - интерес социальной группы, который играет для нее роль если не предельного регулятива, то эмпирической ценности. Этот интерес препятствует потере точки опоры и заставляет группы выбирать из всего возможного в сфере идей то, что

---

³ Маннгейм К. Идеология и утопия. М., 1976. С.10.

⁴ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С.153.

наиболее отвечает достижению ими своих интересов. Групповая идентификация, смыслонаполненность человеческой жизни здесь дает известную трещину, связанную с отказом от эссенциализма и фундаментализма, универсальных нарративов, но локальная стабильность групповых интересов и критерий, который определяет направленность действия групп - статус кво или жажда перемен позволяет не только осуществляться групповой идентификации, но и не терять отнесенности к социальному целому. Так Маннгейм находит выход из жизненной драмы, драмы мышления и идеологии, которую он сзм же с предельной остротой формулирует.

3. Социальная наука и массовые ценности

Осознание проблемы идеологии как "ложного сознания" у Маркса и последующее обнаружение зависимости всех форм сознания, включая науку, от ценностей субъекта и коллективно-бессознательных представлений - эти неклассические ходы философской мысли были полностью отброшены в упрощенных моделях "научной идеологии" советской философии. Для образования подобного "кентавра", впрочем, были определенные основания. Они состояли в том, что марксова наука ставилась на службу интересам определенного класса. И хотя существовала идущая от Маркса концепция о том, что интерес пролетариата, в конечном итоге, становится всеобщим, и именно поэтому данный класс заинтересован в объективном познании, логика революционаризма не учитывала этих оттенков. Она была упрощена до утверждения, что классовая позиция пролетариата обеспечивает ему объективное знание. Идеология поэтому принимала теоретическую форму, апеллировала к науке, не давая ей развиваться. Отсюда пренебрежение методами науки, функционирование идей в идеологическом значении, подчинение профессиональной научной деятельности идеологии, идеологический контроль за научной деятельностью, осуществление научной деятельности как идеологии.

Не приходится ожидать, что обновленная идеология и "подлинная" общественная наука могут находиться в каких-то таких отношениях, что в силу своей подлинности или подлинности своих отношений они могут избежать сращенности и сваливания вины друг на друга, словом всего горького опыта превращений и фетишизаций, которыми они обладают на протяжении более чем сотни лет.

Активные усилия обосновать сейчас модель развития нашего общества несут печать абсолютно старого доктринерского сращивания науки и идеологии, построения нового варианта "научной идеологии", который по своему существу повторяет опыт предшествующих десятилетий даже и в том случае, если является его отрицанием. Не спасает, как я отметила, и попытка разделить "подлинную" идеологию и "подлинную" общественную науку. Объясним, почему.

При любом подходе к обществу людям очевидно влияние власти, государства в управлении и организации духовного производства. К.Маркс считал, что в обществе господствуют мысли господствующего класса. Если поставить вопрос о том, чьи мысли господствуют в нашем обществе, то при ответе не должны вводить в заблуждение ни влияние государства, ни наличие специализированной духовной деятельности. Превращение массы в субъект социального действия именно ее мысли делает господствующими.

Понятие массы потому именно и необходимо в отличие от понятий социально определенных групп, классов, народа в целом, что позволяет, во-первых, зафиксировать массовую вовлеченность людей в социально-исторический процесс, в культурную жизнь, в овладение знаниями. Во-вторых, это понятие позволяет обратиться к анализу таких человеческих образований, которые внутренне неоднородны, гетерогенны и по одному этому выражают реальную противоречивость и многообразие проявлений общественного сознания⁵.

Гетерогенность массы, в отличие от класса, делает возможным в ней существование разных идей, характеризует ее некоторую всеядность, амбивалентность массового сознания. Быстрая смена идей именно поэтому не ставит массу в тупик.

В повести В.Тендрякова "Покушение на миражи", представляющей собой пример художественной концептуализации, укоряющей философов за уход от жгучих тем, предельно ярко и взволнованно поставлен вопрос о социальной справедливости и социальной ответственности в отношении масс. Сюжет довольно замысловат даже в той части, которую мы тут изложим: профессор-физик с группой специалистов решил смоделировать отрезок истории после смерти Христа с целью установления вероятности его исторического существования и проверки своих гипотез о роли личности в истории. В машину был введен образ апостола

---

⁵ См.: Федотова В.Г. Истина и правда повседневности//Заблуждающийся разум. М.,1990.

Павла, для того, чтобы посмотреть, как пошла бы история христианства без канонизации Христа. Эта история мыслилась, экспериментировалась как какая-то возможная иная история. Однако машина воскресила Христа.

Это фантастическое обстоятельство не интерпретируется физиками в духе фатализма, предопределенности. Напротив, ими делаются совершенно иные выводы. Они понимают, что идеи овладевают массами, если затрагивают их интересы. Но мировая религия должна была привлечь на свою сторону противоположные классы и потому должна была придать видимое единство противоположным идеям Христа и Павла.

Опыт истории показывает способность широких масс усвоить идеи тем лучше, чем они противоречивее, что необходима множественность идей, их вариантность для движения масс. Дело не в знании самом по себе, а в его адекватности социальным движениям или даже в "простой" возможности найти для этих движений смысл, цель, лозунг. История знает немало примеров социально-прогрессивных иллюзий, вдохновлявших массу. Идеологические отношения выступают "общественной формой, организующей и направляющей социально-преобразующую деятельность людей"⁶.

Революционная масса нуждается в лозунгах своего движения. Она ищет и находит их в социальных теориях, давая им реальную жизнь, практические цели, смысл и возможности уточнить себя, проверить соответствие своих содержаний реальной устремленности масс.

В период застоя не только руководство, деятели духовного производства, но и массы пребывают в неподвижности. Причины неэффективности общественных наук в 70-е годы ищут обычно либо в недостатках, присущих самим обществоведам, либо в слабом запросе управленческих инстанций к социальному знанию, в ограничениях, связанных с контролем власти. Никто не указал, что одной из причин неэффективности общественных наук была пассивность масс.

Когда масса спит, когда ее движению не нужны лозунги и цели, идеалы и перспективы, обществовед оторван от жизни. Он требуется тогда, когда он может дать ответ массам и вслед за ними управленческим организациям, как достичь те цели, которые они ставят, или как поддержать те ценности, которыми они дорожат.

---

⁶ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981.

Но когда и цели, и ценности размыты, когда социальный запрос на знание не исходит от массы, когда существует тождество государства, гражданского общества и индивида, социальная и духовная жизнь являются преимущественно репродуктивными, повторяющимися уже добытые содержания.

Против этих "отклоняющихся", не тождественных господствующей мысли тенденций было направлено "поучающее" воздействие идеологов, ученых, пропагандистов, все усилия которых были связаны с формированием сознания масс, доходивших до предположения, что у них нет своего, сформированного жизнью сознания, а есть лишь то, которое извне может быть вложено в головы людей.

Традиционные проблемы отношения деятелей духовного производства с властью и народом сейчас активно осмысливаются. Но само это осмысление связано с начавшимся социальным движением масс.

Когда масса приходит в движение, руководители и деятели духовного производства учатся у нее и стремятся дать ответ на те вопросы, которые она ставит. Масса господствует в духовном производстве, когда она пассивна, путем поглощения, ассимиляции разнообразных идей. Она господствует и тогда, когда приходит в движение и создает, выдвигает требования, с которыми нужно считаться.

Тезис о господстве массы не следует понимать буквально. Речь идет лишь о том, что социальный теоретик не может игнорировать те интересы, которые бытуют в массовом сознании и выражаются в представлениях и образах массового сознания. Поэтому идеолог, теоретик всегда является выразителем определенной социальной позиции, какие бы иллюзии о своей независимости от общества он не питал. При этом в его задачу входит не только рационализация настроения масс, но и критическая рефлексия и разоблачение видимостей обыденного сознания. "Право на существование" социальному теоретику обеспечивает то, что он не только отражает настроение масс, но и творит идеалы и мысленные образы истории, исходя из отношения к общественному прогрессу. Таким образом, социальная наука не может работать без ориентации на способность масс следовать ее выводам, переведенным на язык идеологии. И, казалось бы, это подтверждает необходимость создания адекватной идеологии и действительной науки.

При этом, однако, забывают об одном чрезвычайно важном феномене - о том, что пришедшая в движение масса не является более однородной, а дифференцируется на группы, по-разному

сознающие свои интересы. При всей неустойчивости этих групп, особенно в условиях социальной нестабильности, они часто выдвигают такие лозунги и цели, которые *не могут быть обоснованы научно и вместе с тем не могут быть отброшены*, если за ними стоят достаточно большие или достаточно влиятельные группы населения. Это не учитывается во многих прекраснотдушных ожиданиях того, что подлинная идеология явится продуктом профессиональной духовной деятельности, которая переведет научные выводы на язык обыденной жизни. Маннгейм писал: "Только общая демократизация, а не просто социальное продвижение, пусть даже и значительное, отдельных лиц может привести к тому, что возвышение низших слоев повлечет за собой общественное признание их мышления"⁷.

В этом, а не только в указанных превращениях науки и идеологии лежит основная причина невозможности искать социальной стабилизации и духовного возрождения по моделям старого клише "подлинных" науки и идеологии.

Итак, мы не можем разделить науку и идеологию той демаркационной стеной, которая не давала бы им смешиваться и запутывать нас тем, объективные ли процессы мы представляем в своих идеях или наши желания. Благодаря демократизации, даже когда она не удается вполне и даже особенно в этих условиях, власть расслаивается, переходя от правительства к группам с более узкими интересами⁸. Предположить появление новых возрожденных форм эссенциализма и фундаментализма становится все более трудно. Поэтому основные усилия философской и политологической мысли направляются не на поиск единой идеологии или на создание всеобъемлющей социальной теории, а на решение более остро стоящего перед вышедшими из изоляции странами вопроса о том, существует ли взаимозависимость всех тенденций, рядоположенность их или следует предполагать зависимость одних тенденций от других, их неравноценность, а, значит, возможность победы какой-то одной из них. Плюралистические решения открывают реальные возможности для сдвигов в ценностях, без которых немислима модернизация. Вместе с тем плюрализм ценностей, демократизация общества актуализирует в нашем обществе содержание раннебуржуазных философских размышлений об амбивалентности понимания индивидуальной свободы, о поисках ее ограничения самими людьми, обретшими право быть, думать и поступать как они хотят.

---

⁷ Маннгейм К. Идеология и утопия. С.16.

⁸ Дракер П.Ф. Новые формы плюрализма // Диалог-США. 1990. №45. С.2-7.

Глава 7

НАЦИЯ, ДЕМОКРАТИЯ, ПРАВА ЛИЧНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОД ВЕТРОМ ПЕРЕМЕН

1. Культура свободы

Демократия имеет в своей основе принцип свободы, однако его нельзя абсолютизировать. Свобода, и это хорошо известно, всегда связана с ответственностью, дисциплиной, трудом, и только при наличии этих способностей у людей она может быть установлена и сохранена. В противном случае появляется только "свобода от" в виде формальной свободы произвола, т.е. свобода в ее эмпирическом значении как отсутствие зависимости и право на своеволие без того духовного и социально-политического содержания, которое заложено в этом понятии. Сужается не только объем понятия свободы, но и его позитивное содержание, открывается простор негативным проявлениям свободы, лишенным всех цивилизационных параметров. Ситуация может быть такова, что свобода подменяется бунтом восставшего раба. Всякое представление о сотрудничестве, именуемое буржуазными революциями как братство исчезает, начинается, говоря словами Гоббса, "война всех против всех".

В этой ситуации у людей невольно возникает попытка найти референтную группу, дающую возможность для самоидентификации личности и ее ориентации в обществе, и чаще всего ее находят в своем ближайшем окружении, в этносе, в нации. Национальное образование предстает как объединение "своих", ограничивающее всеобщую войну этим кругом и продолжающее ее еще более ожесточенно по отношению к "чужим". Очень часто национальная проблема - это иная форма выражения проблем данного сообщества, которые вовсе не являются национальными, а являются экономическими, политическими и др. В 1917 году П.Сорокин, весьма сочувствуя идеалам социализма, писал: "Нет национальных проблем и национального неравенства, а есть общая проблема неравенства, выступающая в различных видах и производимая различным сочетанием общих социальных факторов, среди которых нельзя отыскать специально национального

фактора, отличного от религиозных, экономических, интеллектуальных, правовых, бытовых, сословно-профессиональных, территориальных и т.п. факторов¹. Национальный вопрос поднимает как проблему свободы, так и проблему равенства. Нации требуют свободы, чтобы быть равными другим. Но они могут требовать свободы и для того, чтобы быть выше других. В этом случае сведение национального к сумме факторов перестает работать точно так же как эмпирическое представление о свободе. Такая трактовка, будучи верной в одних конкретно-исторических ситуациях и значимой для большинства случаев, все же в других обстоятельствах теряет всякую эвристическую силу, т.к. не способна справиться с явлением духовного и душевного порядка. Е.Трубецкой указывает, что "большевики отрицали национальные различия между людьми, так как это различия духовные"². И более общенно "житейский материализм, забвение духовных ценностей, более того практическое отрицание духа, - вот наиболее характерные черты современного духовного склада"³.

При частичной справедливости трактовки национального как сводимого к целому набору черт, отказ национальному в самостоятельном существовании связан с позитивистским восприятием действительности, с пренебрежением ко всем культурным основам национальной консолидации. Учет этих основ вводит в понятие нации такие факторы, которые представителями этой нации воспринимаются как чрезвычайно значимая реальность. Эти факторы - культура, язык, психологическая общность, самоидентификация и восприятие представителей другой нации как "чужих". Чтобы этот идентифицирующий нацию фактор - культура - был осмыслен, он сам нуждается в определении. Для включения в "список" "позитивного" набора черт, характеризующих нацию, он сам должен быть осмыслен инструментально. Дж.Дьюи определял культуру как "комплекс условий, усложняющих основы, на которых общаются и сосуществуют люди"⁴. Усложнение это он представляет не как придание общественно развитых и гуманидарных форм природным задаткам, а, напротив, как "определенная, отличительная перемена первоначальной или врожденной структуры..."⁵. Это различие природного и культурного методологически значимо для понимания как культуры, так

---

1 Сорокин П. Проблема социального равенства. Пг., 1917. С.12-13.

2 Трубецкой Е.К. Звериное царство и грядущее возрождение России. Ростов н/Д., 1919. С.10.

3 Там же. С.9.

4 Дьюи Дж. Свобода и культура. Нью-Йорк, 1976. С.26.

5 Там же. С.39.

нации, так и свободы. Нигде их реализация не выступает как "естественная", хотя речь идет о естественных правах, о витальном стремлении к свободе и пр., основанием нации и свободы является все же не природа, а культура. "Проблема свободы и демократических установлений связана с вопросом - с какого рода культурой мы имеем дело", - говорит Дж.Дьюи⁶. Определяющее значение культуры обнаруживается и в проявлении национального самосознания. Вместе с тем, сама культура включает в себя отношение к свободе и национальное содержание. Отвечая на свой приведенный выше вопрос, с какой культурой нам надо иметь дело, чтобы быть свободными, Дьюи говорит: "с необходимостью свободной культуры для свободных установлений"⁷. И вместе с тем, требуется не только отличие от природного в истолковании свободы, нации, культуры, но и определенная ограниченность, естественность реализации ими своей ценности, сохранения в них свойств "второй природы". Это возможно, если базовой ценностью всех социальных установлений окажется жизнь человека. Тогда свобода, нация, культура не могут быть оторваны друг от друга и от этой основы и послужат ей.

Ж.-П.Сартр говорил: "Что справедливо относительно меня, справедливо относительно другого"⁸. Соответственно, что справедливо для другого, справедливо и для меня. Тут правильно было бы сослаться не на Ж.-П.Сартра, а на Нагорную Проповедь. Но Ж.-П.Сартр делает более современные выводы: "Пока я пытаюсь высвободиться из хватки другого, другой пытается высвободиться из моей хватки; пока я пытаюсь подчинить другого, другой пытается подчинить меня"⁹. Там, где нормы для себя отличаются от норм для другого, возникает трудноразрешимый конфликт.

Нынешняя ситуация в нашем обществе как раз и характеризуется такой моралью. Титульные этносы новых государств совершенно не симпатизируют стремлению к автономии национальных меньшинств, живущих на территории их республик. В годы перестройки многие "левые" поддержали прибалтийский тезис о праве коренного народа, но в ужасе отшатнулись от него, когда его применила "Память", не замечая связи между этими событиями. Путаница принципов обнаруживается по множеству других вопросов: наша либеральная интеллигенция в восторге от

---

⁶ Там же. С.32.

⁷ Там же. С.32.

⁸ Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм//Проблема человека в западной философии. М.,1988. С.207.

⁹ Там же.

почвенника Хайдеггера, но клеймит своих почвенников; люди требуют, чтобы производимые ими товары ценились как можно дороже, дабы повышалась зарплата, но, идя в магазин, требуют дешевых товаров и др.

Налицо уход от библейской формулы - делать по отношению к другому лишь то, что ты желаешь, чтобы другие делали по отношению к тебе. На плоскости общественной жизни это становится не только этической формулой, но и формулой демократичности, культурности и историзма, ибо нас не покидает чувство уникальности нашего опыта и ошеломленности, когда мы наблюдаем, что проблемы, над которыми мы бьемся, уже вставали и перед другими. Токвиль пишет: "Где тот человек, который от природы был бы так низок душою, что, считая нацию способной сделать хорошее употребление из своей свободы (курсив мой. - В.Ф.), предпочтет зависеть от чужого усмотрения и каприза, а не следовать законам, в установлении которых он сам бы принимал участие? Я думаю, что такого человека не существует. Сами деспоты не отрицают того, что свобода прекрасна; только они желают ее для себя одних, и уверяют, что все остальные люди совершенно недостойны ее. Следовательно, предмет разногласия заключается не в том, какого мнения надо быть о свободе, а в более или менее высокой оценке людей"¹⁰.

А.Токвиль пишет о Великой Французской революции, но вопросы ставит волнующие нас сегодня - "о более или менее высокой оценке людей" как предпосылке демократии, о "способности нации сделать хорошее употребление из своей свободы". В эту способность не верят очень многие в нашей стране, тем более, что первые шаги по пути демократизации обострили многообразные конфликты, дали простор национализмам, сам образ демократии "расщепился" на два: один, идущий от идеалов представительной демократии, другой - от митинговой или плебисцитарной.

2. Типы сознания, противостоящие демократии

Кто же в нашей стране не верит в способность народа употребить во благо свою свободу? Ответ на этот вопрос позволяет выделить в обществе несколько бытующих типов сознания, носители которых составляют достаточно широкую социальную базу для того или иного типа политической практики, культурной политики и решения национального вопроса.

---

¹⁰ Токвиль А. Старый порядок и революция. П., 1918. С.16 и 9.

Прежде всего, это *почвенники*, как русские, так и иных народов бывшего СССР, которые противопоставляют усвоению западных форм политической жизни (демократии) национально-особенное существование, основанное на некоем смысло-жизненном и естественно выросшем в народе восприятии своей истории. Народ мыслится как этнос, спаянный "осознанием" отличия своего способа жизни, говоря словами М.Хайдеггера, бытием в мифе. Его отделяет от интеллигенции естественное восприятие мира, следуя которому народ не нуждается в социальных и политических программах общественного развития, всегда с точки зрения почвенников (будь-то славянофилы, Хайдеггер или современные русские писатели-деревенщики или прибалтийские националисты), обладающих чертами искусственности и отрыва культуры от этноса. Культура, по их мнению, существует только в этносе, и задача интеллигенции состоит в поддержании народной культуры, отказе от господства меньшинства нации в культуре. В политическом плане представители этой ориентации усматривают в свободе и демократии опасность для целостности мифологического мира народной жизни, так как они ведут к разрушению целостности и обособляют индивида, превращая народ в массу. Политик, с их точки зрения, так же, как и интеллигент, не вправе выдвигать идеи, расходящиеся с представлением народа о политической жизни, ибо моральное (иначе исконно этическое) измерение политики должно возвышаться над любыми формами власти и делать в этом смысле жизнь людей независимой от политики. Они - против той политики, которая меняет традиционный уклад народной жизни и за любую, которая его сохраняет, но демократия представляется им наиболее враждебной этому. Они против революции, против цивилизации, против города, против профессиональной культурной деятельности, не совпадающей с духовной деятельностью этноса. Их позиция социально-консервативна в том смысле, что ее идеалы лежат в прошлом. И хотя основы доктрины сходны для немецких, русских и каких угодно других почвенников, самое содержание задающих смысл мифов народной жизни различно. Почвенные позиции становятся основой национализмов. Не роднящее признание почвы, а разделяющее признание различных почв становится определяющим в конечном итоге, выдвигая на одно из первых мест уже не аргументы культуры, а аргументы крови, родства по природе и т.д. Национализм предстает здесь как этноцентризм. В отличие от развитых национализмов этноцентризм реже претендует на способность защищаемой группы выразить общечеловеческие интересы лучше, чем другие народы. В нем доминируют тенденции

обособления на основе естественных свойств этноса. Этноцентризм может оформляться и в виде политических движений, отстаивающих преимущества национальных проектов развития над интернациональным. Такое движение нередко маркируется как демократическое в силу того, что оно апеллирует к действительно присущему демократии праву народа самому определять свою судьбу¹¹. В настоящее время в мире падает стремление к реализации чисто национального варианта развития, а в нашей стране нарастает. Мир пережил уже некоторые попытки реализации национальных утопий, в том числе и такие страшные как фашизм. Но и некоторые прогрессивные движения не оправдали надежд, связанных с ними, замыкаясь в национально узкой экономике. Так в ходе деколонизации экономическая перспектива развивающихся стран связывалась с их национальной независимостью. При всей важности распада мировой системы колониализма процесс обретения национальной независимости не открыл перед странами экономической перспективы. Изоляционистские программы не могут обеспечить развития. Как свидетельствует опыт многих развивающихся стран, ориентация на западный рынок удается только по небольшому профилю товаров, тогда как большинство других может идти лишь по допинговым ценам, дополненным оценкой статуса продавца как экономического беженца. Подобная "самостоятельность" создает нередко экономический урон даже торгующим на внешнем рынке государствам, лишая их необходимых им самим продуктов. Многие отечественные и

---

11 Идеолог американской демократии Т.Джефферсон, апеллируя к праву народа самому решать свою судьбу, обосновал право Америки на отделение от Англии, но народ он совершенно не понимал как этнос, а как население Америки. Он ощущал себя гражданином мира, будучи вместе с тем патриотом Америки и называя своей родиной не только Америку, но и революционную Францию. Он обосновал право Америки на отделение попранием прав индивидов со стороны Англии, а не каким-то коллективным единством американцев. Уже в свободной Америке в знаменитой декларации Кентукки он пригрозил федеральному правительству отделением двух штатов, если в них будут нарушаться права индивидов. Позже в знаменитой работе "Федералист" Гамильтон, Медисон и Галатин защищают федеративное устройство США против конфедеративного, гарантируя защиту прав индивида федерацией (*Federalist. Wash., 1937*). Все социальные движения Америки имеют в центре внимания именно этот аспект: способность того или другого государственного устройства гарантировать права индивида. Значение для нас американско-канадского опыта в решении региональных и национальных проблем недавно показал американский профессор Р.Пайпс на страницах советской печати (см.: *Пайпс Р. Против сепаратизма и попыток ограничить право голоса / За рубежом. 1989. №39. С.5*).

зарубежные исследователи отстаивают ныне идею перспективности международных, многонациональных, интегральных, а не национальных проектов развития, доводя эту мысль до жесткого, но, как нам кажется, справедливого вывода, что "любой националистический проект реакционен с точки зрения экономики"¹², справедливого особенно в том случае, если экономические надежды связываются с требованием этнической чистоты¹³.

Русские почвенники утверждают свои идеи, когда почва разрушена. Где стержень мифопоэтической жизни народа? Ни общинность, ни соборность, ни православие, если здраво смотреть на вещи, не реальны сегодня как факторы национальной консолидации. Бесспорным фактом сегодня является разрушенность традиционной крестьянской культуры, а также дворянской культуры, "пушкинского дома" (как говорит А.Битов), которая не была простым рефлексом народного сознания, но воплощала его в высшие национальные образцы, в которых возростал элемент универсального, общечеловеческого.

Появление такой социальной опоры сталинизма, как вырванная с корнем из народной жизни масса, - заставляет почвенников биться за то, чтобы вернуть ее к прежнему укладу, "ладу", органической целостности, восстановить прежний мифо-поэтический мир народа. Как показал опыт сталинизма, мифы могут разрушаться вместе с уничтожением их носителей и создаваться (мифы сталинизма) на выкорчеванной почве вследствие того же насилия. Но разрушенная мифопоэтическая целостность народной жизни, мифы сталинизма не могут быть ни восстановлены, ни разрушены в ходе словесных баталий. В этом особенность мифа - его нельзя ни разрушить, ни создать (исключая действительно уникальный случай сталинского насилия), сегодня их можно только изучать. Массы ныне стремятся к экономическим ценностям цивилизованного мира и не приемлют

---

¹² См.: Латинская Америка. 1989. №6. С.32.

¹³ Сюда примыкают и идеи регионализма в экономике, которые в условиях отсутствия общенационального рынка ведут к новой феодализации, натурализации хозяйства. Логик из ИФИП Уральского отделения РАН С.Лобовиков еще до крушения СССР предупреждал, что промоделировав на ЭВМ перспективу развития страны, основанную на доктринах регионального хозрасчета (при отсутствии рынка) и этнической однородности, оформляемой в политическое движение, он получил в результате картину ужасающего распада (причем распада самого причудливого, не совпадающего с границами республик, областей, этносов) на участки со своими валютами, таможенями, пропусками и пр., картину, напоминающую описанную Энгельсом феодальную раздробленную Германию.

романтических иллюзий на свой счет. И хотя массовое общество, помимо тех трудностей, которое оно несет, свидетельствует о подъеме уровня вовлеченности людей в социальную жизнь и само по себе - шаг по пути исторического прогресса, страх перед восставшей массой, перед охлократией порождает ныне еще новые варианты уверенности в том, что народ не в силах употребить свою свободу себе на благо. Это *тоталитаризм и авторитаризм*.

Так же, как и у почвенников, эти типы сознания фиксируют факт образования массы однозначно негативно, но их заботит не поворот массы к народным истокам, а способность власти управлять массой. Тоталитаризм предстает в нашей идейной жизни в качестве идеологии неосталинизма. Казалось бы вопреки нашей оценке, здесь идет постоянная апелляция к массе, но заметим, масса, которая хочет порядка.

Х.Ортега-и-Гассет сравнивает вовлечение масс в исторический процесс с подъемом над уровнем моря. А.Кёстлер в романе "Слепящая тьма" устами своего героя Рубашова называет приход масс в историю подъемом на более высокую ступень посредством системы шлюзов. Чем более вовлекаются массы в историческую жизнь, тем более высокий шлюз проходит общество в системе, обеспечивающей подъем. Герой романа чувствует свою вину за то, что не признал диктатора, тянущего массу в более высокий шлюз, ибо не понял, что там, где масса не создает своих экономических интересов, там неизбежна диктатура¹⁴. Сталинисты не винят себя в этом. Они как раз и не предполагают иной возможности массам подняться вверх, кроме диктатуры, и именно согласная на диктатуру масса представляется им нравственной и идейно зрелой.

Если идеология тоталитаризма характеризуется полным подчинением общества и личности государству, то авторитаризм представляет некоторые личные свободы и свободу в духовной сфере, оставляя в подчинении государства экономическую и политическую сферы общества. Страх перед охлократией при одновременном признании права народу самому решать свою судьбу обращает внимание политологов к модели плебисцитарной демократии М.Вебера, в большинстве своих черт совпадающей с авторитарным механизмом (участие населения в выборах и неограниченные полномочия харизматическому лидеру).

---

¹⁴ Кёстлер А. Слепящая тьма // Нева. 1988. №7,8.

Представительная демократия в подобной трактовке противостоит плебисцитарной¹⁵.

В нашей литературе описаны уже прямые нередуцированные формы плебисцитарной демократии, а также демократии представительной и возможности их комбинации¹⁶. Но главное состоит в том, что демократия - это не цель в себе, а механизм, который реально выработан в политической практике западных обществ и служит надежной опорой права личности и гражданского общества на выбор собственной судьбы. "Демократия - ужасная вещь, говорил Черчилль, - но нет ничего лучше демократии". Механизм этот, как и любая машина, сам по себе лишен классового содержания и может быть использован для тех же целей в другой общественной системе. Главным его назначением является отделение гражданского общества от государства, обеспечение законных прав граждан и юридического ограничения суверенитета государства, разделение властей, передача бюджета парламенту - меры, обеспечивающие, в конечном итоге, формирование свободных индивидуальностей на правовой и моральной основе, обеспечивая возможность "более или менее высокой оценки людей", т.е. признание их достоинства.

Демократическое общество, состоящее из свободных индивидуальностей, защищает личность от любых, в том числе корпоративных форм подавления. В этом обществе равных индивидов закон регулирует действия власти, масс, личностей.

Однако эксцессы корпоративности, национализма, митинговости усиливают опасность охлократии. Сложившаяся в годы сталинизма социальная база в виде массы налагает свой отпечаток и на представительные формы демократии, насаждая в них дух местничества и частных интересов, конкуренции, мини-программ, не имеющих всеобщей значимости и представительства от лица всего общества. Это тяготение плебисцитарной демократии к охлократии и представительной демократии к плебисцитарной (не в смысле М.Вебера, а в общепринятом смысле), т.е. повсюду просматриваемая тенденция к игнорированию правовых норм и господству корпоративных целей способствовала формированию авторитарной альтернативы таким формам демократии, представленной как альтернатива демократии. Не сами по себе эти формы демократического волеизъявления, а опасность того, что их деструктивная сила может дать власть диктатуре, приводит политологов к идее просвещенного авторитаризма. Ее при-

15. См. например, *Мигранян А.М.* Плебисцитарная теория Макса Вебера и современный политический процесс // *Вопр. философии.* 1989. №6.

16. См.: *Саловьев Э.Ю.* Личность и право // *Вопр. философии.* 1989. №8.

верженцы не являются носителями авторитарного сознания и предлагают его использовать в качестве механизма формирования демократии сверху.

3. О демократии в условиях узости ее социальной базы

Исключительная сложность сдвигов в массовых ценностях к модернизации объясняется узостью соответствующей социальной базы. Почвенничество, тоталитаризм и авторитаризм - три позиции, отрицающие способность нации к положительному применению свободы, и популизм, абсолютизирующий эту способность, не убеждают, однако, в том, что общество должно отказаться от демократии, ее ценностей. Действительно, социальная база демократии как политического механизма принятия решения на основе прав личности в России не слишком обширна. Опасности, заставляющие политологов поддерживать идеи просвещенного авторитаризма, реально существуют. Все мы в кровном родстве с Шариковым, и опасность бескультурья, охлократии, уравнительности вытекает и из нашего духовного с ним родства. Мы в родстве и с Рубашовым, признавшим тоталитаризм исторической неизбежностью. Очень может быть, что процессы в нашей стране приведут именно к предлагаемому - авторитарному - исходу. Может быть, это будет печальный и неизбежный исход для неокрепшей и по-разному понимаемой демократии. Но этот исход пока не неизбежен, и его следует прогнозировать, чтобы избежать.

Демократия предполагает отделение гражданского общества от государства, освобождение индивида в правовом отношении от любых сословных, корпоративных, национальных ограничений, переход к принципу: один человек - один голос: сочетание плебисцитарной и представительной демократии; разделение власти, передача бюджета в руки парламента; отказ от господства государства (как подавления, так и опеки) в частной жизни, предоставление экономической свободы гражданам. Те негативные стороны демократии, которые сейчас вызывают намерение отказаться от нее, давно осмыслены в опыте развитых демократий. Кто-то ждал, что демократия не может ошибаться. Нет, она ошибается, и очень часто - сообщает А.Токвиль, но она способна исправлять свои ошибки¹⁷. Демократия выплескивает на поверхность не всегда лучших людей. Демократия привлекает слишком энергичных и не ограничивающих свое своеволие людей. Так, от

---

¹⁷ См.: *Токвиль А. Демократия в Америке.* М., 1982. С.188.

предпринимателей и торговцев наше общество настойчиво требует, чтобы они вначале стали моральными. Это стереотипы старого "воспитательного" отношения к людям, но в истории цивилизации экономическая деятельность в рамках правового порядка формировала, в конечном итоге, нормы "буржуазной" честности.

Разумеется, проблемы морали, достоинства индивида не снимаются демократией, ибо изначально она представляет из себя социальный механизм подтверждения и поддержания высокой развитости индивида.

Обострившиеся в настоящее время национальные конфликты заставляют поставить вопрос о их связи с демократизацией общества. Существует несколько точек зрения. Согласно одной из них нынешние национальные конфликты есть прямое следствие нерешенности национальной проблемы имперскими структурами, ибо вместе с исчезновением практики национального подавления автоматически исчезает этническое миролюбие и дружба. Следовательно, виновник настоящих национальных бед - административно-командная система. В соответствии с другой точкой зрения виновником национальных конфликтов является демократизация, именно она поощрила нации и этносы на отстаивание своих прав и преимуществ, породив рознь и междоусобицу. Ни та, ни другая точка зрения не представляется верной.

Во-первых, хотя в арсенале союзного центра был "богатый" опыт национального подавления и достижения национального мира таким путем, идеология и практика решения национальных проблем к этому не сводилась. Единство управленческой структуры, экономические взаимосвязи и взаимозависимость, представление деятелям национальных культур всесоюзной "сцены", культивирование языковых и культурных советских универсалий, доктрина новой исторической общности - советского народа и провозглашение интернационализма идеологическим принципом национальной политики, выведенные на уровень обыденного сознания, в разной мере действующие на различные слои населения, все-таки осуществляли (даже при самом критическом взгляде на этот процесс) свою роль поддержания национального мира. Многими отмечен факт, что административно-командная система возникает в связи с отсутствием социальной базы назревших преобразований, неразвитостью экономики. Но кажется никто еще не сказал, что ее объективной базой была и многонациональность страны, так как система эта путем централизации и огромной власти давала способ относительно мирного национального существования.

Этноцентризм в условиях распада сложившихся социальных связей является попыткой для личности найти референтную группу, я бы сказала - группу самоидентификации, почву, зацепившись за которую корнями можно существовать. В условиях административно-командной системы государство брало на себя функцию референтной группы и в значительной мере осуществляло ее. Недостатки такой во многом силовой, во многом оглулявшей людей национальной политики налицо, тем более удивительна ее эффективность в предотвращении национальных войн. Поэтому можно сказать, что нерешенность ряда проблем в прежнее время, а также способы их решения дают себя знать и сейчас. Еще более дает себя знать отказ от прежних методов в условиях отсутствия новых (ситуация, сходная с тем, что происходит в экономике).

Однако осуществляемая у нас демократизация способствует появлению национальных конфликтов не только потому, что механизмы ее решения не налажены, но и по другой причине. Выше отмечены два образа демократии. Популистский или плебисцитарный достигается непосредственным вовлечением народа в политический процесс. Представительный осуществляется на основе привлечения лучших и компетентных представителей народа. Выражая интересы общества в целом, а не только группы своих избирателей они способны держать ответ перед избирателями, т.к. их деятельность основывается на признании прав и достоинств каждого человека. На поверхности нашей политической жизни действуют и, часто одновременно, два этих типа демократии в слегка измененном виде, выдвигая противоречащие друг другу требования. Так популистская демократия взяла курс на поддержание уравнительной тенденции, на установление уравнительной социальной справедливости и проведения через своих депутатов интересов всех трудящихся. Представительная демократия исходит из противоположного тезиса - предоставления экономической свободы, права личного обогащения на основе даваемого законом возможностей, и рассматривает депутатов как выразителей интересов, к сожалению, не общества, а выбравших их групп¹⁸. Роднит эти два течения и формируемую и даже, как

---

¹⁸ Эта особенность нашей представительной демократии проистекает и из недостатка опыта политической жизни, и из того, что масса начинает быстро и многообразно социально структурироваться, выражая разные и даже противоположные интересы. Политическая жизнь Запада более однородна, поэтому ей адекватно представительство от имени общества. У нас ему должна предшествовать хоть какая-то терпимость к самому существованию другого мнения, другого взгляда. За каждой группой

ни прискорбно, частично сформированную ими культуру демократии лишь одно - а именно неприемлемое для демократии пренебрежение к правам и достоинствам индивида. Первое направление исходит из интересов трудящихся масс (но и раньше говорили, что исходят из них). Второе - из интересов групп. Повсюду плодятся маленькие подобиya административно-командных систем. Теперь я могу критиковать власть, но могу ли ближайших начальников и диктаторов демократической моды? Если убивают турок-месхитинцев, а люди, живущие вне конфликта, обсуждают, кто прав, узбеки или турки, значит образ демократии не соответствует ни ее принципам, ни практике в мире. Если врач-азербайджанка и журналист-армянин, свидетелем чего я была, способны в гостях убеждать людей в правоте своих народов, а прочие присутствующие поддерживают спорящих тем, что выбирают себе стороны, значит завтра еще где-то будет литься кровь.

Национализмы и этноцентризмы, утверждающиеся под флагом демократии, показывают тем самым, что не все в порядке с демократией, они не защищают право каждого человека, если этот человек иной национальности или даже, если это человек своей национальности, но не разделяющий националистических или "национально-патриотических", "национально-освободительных" позиций. В этноцентристском и даже националистическом (притязающем на выражение общечеловеческого на основе культуры своей нации) мышлении формируется на деле особая национальная мораль, отличающаяся от общечеловеческой. Не напоминает ли это об иллюзиях особой революционной, либо классовой, либо религиозной морали, которые доказали не раз в истории, что ее особость на деле состоит в оправдании насилия по отношению к инакомыслящим, людям другого класса, другой веры. Такое насилие никогда не заканчивается ничьей победой, ибо победившие морально деградируют, а нередко в истории и падают жертвой той самой машины насилия, которую они создали (достаточно примеров этому дает опыт любых революций).

Главным виновником нынешних национальных конфликтов я считаю неверно выбранный образ демократии, наш собственный доморощенный образ, который утверждает права масс или групп, не считаясь с правами индивида. Отсутствие подлинно независимой судебной власти усугубляет эту практику. *Nabias corpus act* английской демократии начинал защищать право на

претендентов на лидерство стоят определенные силы, и главное - не допустить их столкновения. Демократия должна формироваться у нас, прежде всего, как культура компромисса, как способность к сосуществованию.

жизнь и свободу каждого человека, независимо от его социального положения и национальности, а не с восхваления англосаксонских племен. Там, где признаны права индивида, где культура демократии формируется вокруг права индивида и строительства гражданского общества, нет места выбору стороны. И гражданин, например, еврейской национальности, который вчера, желая быть демократом, поддерживал право коренных народов Прибалтики, завтра рискует стать жертвой этого права в той же республике, и в России особенно. Следует, таким образом, использовать достижения демократии, а не ее недостатки.

Выступая в ИФ РАН с лекцией известный французский философ Ж.Деррида привел пример провозглашения декларации независимости США. Ее сторонники объявили себя представителями "хорошего народа, но такого народа еще не существовало"¹⁹. Однако, как мы видим, изменение политических структур привело к его появлению. Я попыталась доказать, что демократия не только желательна, но и возможна. Но весь ее позитивный опыт должен быть изучен и применен. Нигде в мире нет демократии без признания прав и достоинства каждого индивида, без гражданского общества, выросшего на почве культивирования прав и достоинств. Национальные конфликты в нашей стране - тест, указывающий на неверный путь формирования культуры и практики демократии.

И, наконец, какие же перспективы национального развития открывает по-настоящему понятая демократия? В виду плебисцитарного предпочтения и господства масс в культуре в нашем обществе посчитали, что она открывает перспективу национализмов, точнее этноцентризмов, ибо национализмы строятся на культурном основании и, как правило, утверждают преимущества одних народов перед другими в осуществлении общечеловеческого начала. Однако право индивида, утверждаемое развитой демократией, предоставляет ему свободу и в национальном волеизъявлении. Я знаю поляка, живущего в США, который считает себя американцем. И другого поляка, живущего в США, который считает себя поляком. Он мне рассказал о третьем поляке, который, живя там же, объявил себя корейцем, живет в корейском квартале, исповедует буддизм, говорит по-корейски. Это становится делом культурного выбора, делом каждого, и, заметим, для этого есть возможности. В развитой демократии невозможна графа о национальности в паспорте, в гостиничной анкете и пр. Кто я по крови и культуре - это уже дело природы и мое дело, а

---

¹⁹ Деррида Ж. Лекция, прочитанная в ИФ РАН, 2 марта 1990 г.

не дело государства. Если государство не предоставляет мне свободы в осуществлении культурных потребностей, значит оно недемократическое. Но в коей мере я сам стремлюсь к национальному самовыражению, в демократическом государстве зависит от меня, а не от него.

Октябрьскую революцию часто упрекают в том, что она совершилась с большим участием нерусских людей ("еврейские комиссары, латышские стрелки, польские чекисты"). В определенной мере наднациональный характер большевизма у нас является фактом, хотя встречаются трактовки (Н.Бердяев, В.Гроссман) об архитипическом господстве национального через веками выработывавшиеся структуры сознания. Если последний элемент имеется, то на поверхности идейной жизни он не формулировался, тогда как интернациональный характер революции формулировался явно. Посмотрим, как национальные проблемы вставали перед Великой Французской революцией, утверждавшей демократию тоже насильственным путем: "Все революции, - как гражданские, так и политические, - имели свое отечество и замыкались в нем. У Французской революции не было определенной территории... Она сближала и объединяла людей наперекор законам, преданиям, характеру и языку, иногда поселяя вражду между гражданами одного государства, а разноплеменников делая братьями; или, вернее, над всеми отдельными национальностями она создала общее интеллектуальное отечество, гражданами которого могла сделать людей всех наций".

Октябрь 1917 г. в России лишь продолжил начатый Великой французской революцией опыт переделки мира на основе доктрин и философских теорий. За последние годы в адрес нашей революции было высказано множество упреков. Среди них: разрушение обычаев, традиций, морали, пренебрежение национальными интересами русского народа, следование доктринальным основаниям, которые воспринимались как приоритетные по отношению к естественно-сложившимся формам жизни. Все эти стороны революции подаются ныне как злонамеренность, как недобрая воля "инородцев", как сатанинская деятельность и пр. Почитаем, однако, А.Токвиля: "...Революция, уничтожив политические учреждения, принимается за разрушение гражданского порядка, вслед за законами переделывает нравы, обычаи и даже язык; когда, спустя короткое время, та же революция разливается за пределы Франции, неся с собой свои никогда не виданные приемы, новую тактику, человекоубийственные принципы, свои ... "вооруженные" мнения, с неслыханной силой разбивая заставы империй, сокрушая короны, попирая народы и, - странное дело! -

в то же время располагая их в свою пользу..."²⁰. Доктрины выступали как причины и одновременно содержание революции. Среди них "естественное равенство людей", отмена всех привилегий, каст, классов, а следовательно и профессий, верховенство народа, всемогущество общественной власти, единообразиие законов"²¹. Далее: "Французская революция в отношении к этому миру поступала совершенно так, как религиозные революции в виду иного мира: гражданина она рассматривала отвлеченно, вне всякого определенного общества, так же как религии рассматривают человека вообще, независимо от страны и от времени. Она отыскивала не столько то, что составляло, в частности, право французского гражданина, но так же общие права и обязанности людей в области политики..."²²

Юбилей Великой французской революции не стал праздником. Он стал скорее символом начала того насилия, которое стимулировало прогресс общества на основе навязывания ему определенных доктринальных, а затем (в нашей революции) теоретических моделей жизни. Ныне произошел кризис революционизма. Пожалуй, только Американская революция предстает ныне как незапятнанная насилием и требующая освоения своего опыта в мире. Все, что считалось в революциях ценным, ныне вменяется им в вину. Этот аксиологический переворот, прошедший по сознанию еще живых носителей другого мировоззрения, по сознанию теоретиков, воспевавших революцию, вызвал общественную фрустрацию, моральный кризис общества. Чтобы в какой-то мере справиться с ним психологически, следует поставить вопрос, какие хотя бы намерения революций мы признаем на сегодня общественно-ценными. Я формулирую ответ следующим образом: ценность революций (Великой французской и Октябрьской) в том, что они указали на возможность универсальной формы человеческого бытия, но несвоевременно поставленные и кровавыми методами достигаемые подобные ценности не реализовались, так как они утверждались в попрании прав индивида. Там, где процесс не был кровавым (Американская революция)²³, сохраняется эта ценность революции в качестве ведущей. Значение такого опыта возрастает на фоне тех сепаратистских и эго-

---

20 *Токвиль А.* Старый порядок и революция. С.13.

21 Там же. С.14.

22 Там же. С.19.

23 Т.Джефферсон говорил, что в Европе пролили много крови, мы же должны пролить море чернил (для подготовки демократических законов). См.: *Севастьянов Г.Н., Уткин А.И.* Томас Джефферсон. М.,1970.

истических устремлений, которые укореняются в нас под видом демократии.

Хотя и дорогой ценой, развитая демократия Европы, равно как США, ценой меньшей, утвердили возможность универсального существования культуры и культурно-универсального существования наций. Встречается мнение, что чем более зрелая нация, тем меньше национализма, и наиболее острые националистические эксцессы происходят между этносами. Дело представляется обстоящим несколько иначе. Этническому существованию культуры традиционных обществ и национальному существованию культуры модернизируемых обществ развитая демократия противопоставляет универсальное существование культуры. При этом - ввиду прав индивида - не налагается запрет ни на мифопоэтический мир народной жизни, если он есть, и этническую культурную общность, ни на национальное чувство, ни на культурное существование наций.

Изучение опыта развитых демократий дает ключ к осмыслению экономических, культурных, национальных проблем, их разрешению в условиях мощных сдвигов в системе массовых ценностей. Они будут решаться в российском обществе отличным от западных обществ образом, но, изучив этот опыт, можно знать, чего мы хотим, что дает людям, обществу гарантии против тоталитаризма, авторитаризма, охлократии. Разрушенные национальные культуры не вернуться к своей этнической форме, но получат новый импульс развития в демократическом обществе.

Часть третья

НА ПУТИ К МОДЕРНИЗИРОВАННОЙ КУЛЬТУРЕ: ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Глава 8

ВОЗМОЖЕН ЛИ В РОССИИ СИНТЕЗ КОНСЕРВАТИВНЫХ И ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ?

Модернизация в отсталой стране всегда страдает от недостатка внутренних импульсов, массового стремления перейти на рельсы более сложных технологий, форм труда, соответствующих отношений. В этой связи в России потребность в модернизации перерастает в конечном итоге в потребность реформ, которые могут выступать в разных формах, касаться разных сфер жизни, в частности, хозяйства. Поэтому реформы внешне обычно предстают как социально-экономические. Тем не менее любая попытка изменить важные параметры той или иной сферы жизни, в частности, в хозяйстве, если она затрагивает значительные массы людей, неизбежно является прежде всего политической проблемой. Возникает насущная задача определить способность общества выдвинуть и поддержать такую власть, такое правительство, которое сумело бы сплотить вокруг себя все силы, стремящиеся стать на путь значимых изменений. Возникает необходимость в такой власти, которая действовала бы одновременно с согласия и при поддержке народа и одновременно организовала бы общество на путь изменений, преодоление консерватизма, сумела бы обосновать неизбежность расставания с определенными элементами исторически сложившегося образа жизни, привычных ценностей. Эта задача может быть неразрешимой. Во всяком случае опыт истории России показывает, что объединить народ и власть на путях перемен слишком часто не удавалось. В связи с этим проблема массовых ценностей и проблема масштабной модернизации является одновременно проблемой поиска путей единства власти и народа, возможно в критической ситуации сдвигов в ценностях. Без решения этой проблемы модернизация

почти невозможна, также как и крайне затрудняется реальное совершенствование общества, достижение более высокого уровня разрешения им своих проблем.

В принципе соединить народ и власть на основе прогресса ценностей, социальных отношений может в конечном счете лишь либеральная власть. Это - не просто декларация. Модернизация в современном мире есть движение к утверждению в обществе культуры, социальных отношений, типа воспроизводства либерального общества. Это естественно требует либерального правительства, осознающего смысл и цели, средства движения общества по пути либерализма.

При этом политический аспект проблемы сдвигов в ценностях на путях модернизации неизбежно переходит в обсуждение вопроса о возможности в России реальной либеральной власти, о ее перспективах, методах и т.д.

1. Либерал-радикальный проект в консервативной среде

Сложность этой проблемы заключается в том, что в России не может быть образцового, классического либерализма, ибо наше общество нелиберально. Однако в силу крайней сложности, противоречивости исторического пути России, тем не менее дважды либералы приходили к власти. Каково же содержание этого правящего либерализма в нелиберальной, долиберальной стране? Картина, которую можно наблюдать, носит запутанный эклектический характер. А действия российских либералов часто ситуативны: они думают одно, говорят другое, а делают третье, причем сделанное постоянно переделывают. Тем не менее принципиальный эклектизм этих течений, постоянные включения в либерализм отнюдь не либеральных тенденций и идей в целом не препятствует выявлению доминирующих убеждений и установок той или иной группы либеральных политиков. В августе 1991 г., например, власть установилась как *либерал-радикальная*. Главную задачу она видела в том, чтобы возможно скорее оторваться самим и оторвать общество от тех культурных, политических, правовых, экономических реалий, которые действовали в обществе прежде. Радикализм начинает доминировать в моменты крутых ломок. Основная причина его активизации - в реакции модернизаторского меньшинства на естественную инерционность общества, консерватизм его значимых слоев. Побыстрее проскочить опасную переходную зону, одним прыжком взять рыночный "барьер" - вот цель, которую ставили либералы-радикалы, начиная движение к либеральной цивилизации. Упреки же в жестко-

сти по отношению к населению, недооценке трудностей, взятых на себя задач парировались ими ссылками на неквалифицированность работников, неконкурентоспособность товаров, нефункциональность многих социальных институтов, недостаточную напряженность труда и слабую инициативность, привычку к социальному иждивенчеству, широко распространенные в обществе.

Либерализм в России предстает как ценностное векторное понятие, то, чего нет, но к чему стремятся. Иными словами, либерализм ищут и конструируют, в каждый момент времени сверяясь с мировым опытом. Этой ценностью стремятся овладеть скорейшим образом, причем в результате за либерализм часто принимают нечто другое, редуцированное, возможно являющееся только частью, элементом, аспектом подлинного либерализма. Либерализм в консервативной среде как бы всегда в оппозиции, даже тогда, когда он у власти. Он пытается приспособиться к среде, к массовому утилитаризму, редуцируясь подчас до идеи рыночной экономики. При этом игнорируется, что *либерализм - это прежде всего нравственность и философия, требующие добровольного творческого усилия человека на пути созидательной активности, самореализации, добровольного ограничения собственных прав признанием прав других людей, главенства закона, воплощенного во всеобщности права.* В результате усвоения лишь части из общего спектра либеральных идей может оказаться, что как и прежде, в случае с освоением западной науки и технических знаний, российское общество заимствует лишь результат, некое средство, рискуя оказаться затем в положении ученика Чародея. Иными словами, продолжает практику чисто утилитарного, инструментального, усеченного освоения мирового опыта. За современными либералами, так же как и за всеми иными идейными и политическими течениями, стоит историческая память, и это травмированная память.

Патовая ситуация модернизирующего общества, в которую Россия попала в начале века, тяжесть многоукладной "мозаичности" социальной структуры, желание либералов выйти из тех "анклавов", в которых они существовали, на более широкие просторы открытого либерального общества, заставили их поддержать радикальную идею рывка в новое качество. Новое общество большинством из них (не случайно "Вехи" были встречены такой яростной критикой), мыслилось, конечно, обладающим всеми необходимыми либеральными достоинствами. В такой промежуточной ситуации, имея за собой вершущечный элитарный либерализм и мощнейшие архаичные консервативнейшие

почвенные пласты, жившие своей таинственной жизнью, общество решилось на радикальный прорыв в Революцию, обернувшийся катастрофой (о которой, естественно, не мечтали ни либералы, ни другие, отнюдь не либеральные социальные группы). Сложился особый третий путь небуржуазной индустриализации, прямого замыкания крестьянской общины на государство, подключения социальной энергии коллективистско-социалистической деревенской почвы к локомотиву городской цивилизации. Сама же практика утилитарного использования мирового опыта в советский период развития России еще больше утвердилась, коснувшись, кстати и того, что осталось от либералов. Поскольку никаких анклавов либерализма, вроде тех, что существовали до 1917 года (либеральные свободы, почти свободные наука и искусство, суд присяжных, путь либеральных реформ, которым следовала власть), естественно, не осталось, либерализм распылился. Однако оказалось, что можно утилизировать и лагерную пыль. Тюремные шарашки, устроенные Л.П.Берия, - пример подобной тенденции использования отечественного либерального потенциала как резервуара мирового опыта. Горький урок для либерализма в России состоит в том, что радикализм (в любой из своих ипостасей) не конструктивен как средство преодоления массового консерватизма. Постепенно приходит понимание того, что радикализация либерализма ставит цели либеральной модернизации под угрозу срыва; либерализм может быть легко опрокинут напором массового консерватизма.

2. Типы консерватизма в современной России

Ответом на либерализм в обществе часто является консерватизм. Так же как яд в больших дозах смертелен, но в небольших способен исцелить, консерватизм не всегда представляет для либерализма грозную оппонирующую силу. Он может, например, удерживать либерализм от крайностей. Все дело, однако, в конкретном содержании консервативных тенденций. Для судьбы либерализма в России - это вопрос-вопросов, ибо соотношение, взаимоотношения, диалог либерализма с консерватизмом зависит от того, какой из многочисленных консерватизмов приобретет большее влияние, предстанет как ведущий в палитре общественных настроений, будет доминировать в социально и политически значимых решениях.

Консерватизм может выступать в разных формах. Можно утверждать, что в 1917 году победил *радикал-консерватизм*. Несмотря на то, что ему удалось в конечном итоге осуществить

движение общества в сторону модернизации, сам тип последней можно назвать традиционализирующим, ибо высшие ценности, утверждаемые идеологией, оставались консервативными, поддерживалась общинно-социалистическая нравственность, инновации были предназначены для утверждения традиционных социальных отношений. Поскольку радикал-консерватизм был антисловным, это маскировало его консервативную сущность, хотя, фактически, антисловность может быть признаком обращения вовсе не к буржуазно-демократическим, но напротив - архаическим земледельческим ценностям, сложившимся в глубине веков. Будучи государственным, этот тип консерватизма сумел тем не менее использовать для осуществления движения в сторону модернизации нравственные земледельческие идеалы крестьян о вольной жизни без государства и помещиков. О содержании этого радикального консерватизма ясно говорят его идеи, утвердившиеся в обществе: представление об обществе как крестьянском дворе, где все связаны друг с другом родственными отношениями, и одновременно как фабрике, работающей по единому директивному плану (подобно жестким приказам большака членам своей семьи). Конечно, идея эта сегодня потеряла всякий кредит. Вторая - идея советов - также в кризисе, хотя судьба ее в современной России отнюдь не решена. Общинно-уравнительный консерватизм советского типа в целом, однако, отступил.

Вперед выдвигаются другие формы и версии консерватизма, в частности, тот, что связан с обычным представлением о консерватизме как феодальной оппозиции буржуазному либерализму. Такой нелиберальный консерватизм предлагает идеи сильного нелиберального государства, традиционные ценности семьи, небольших производственных коллективов традиционного типа (например, артелей). Словом, возрождается, и достаточно активно, тот тип консерватизма, который всегда считался феодальной оппозицией буржуазному либерализму. Консервативные почвенные силы, те круги зарождающегося национального предпринимательства, которые себя с ним связывают, видят в подлых консервативно-почвенных идеалах альтернативу прошлым социальным и национальным катастрофам. Этот консерватизм имеет, несомненно, значительные шансы на успех и вовсе не всегда сохраняет стиль ретро. В плане государственного строительства здесь иногда возникают идеи, в которых по сравнению с реализованной в советское время общинно-авторитарной версией есть несомненный прогресс. Последний состоит в том, что эти идеи базируются уже не на энтропийном принципе всеобщей уравнительности, но на признании в обществе необходимой

иерархии как ценности, о закономерности различных интересов, задаче их гармонизации со стороны государства, его институтов. Этот долиберальный консерватизм неоднороден и нуждается в специальном изучении. Важно, что в любых своих возможных формах - и общинных, и вечевых, и авторитарных, и тоталитарных - от относительно смягченных до жестко радикальных долиберальный консерватизм противостоит коренным ценностям либерализма, имеет другую нравственно-ценностную основу.

Однако существует возможность иного - либерального - консерватизма, т.е. консерватизма, не противостоящего основным либеральным ценностям, но находящегося с ним в конструктивном диалоге. Либеральный консерватизм отличается от консервативного либерализма. Либеральный консерватизм есть прежде всего консерватизм, т.е. консерватизм почвенный, соответствующий нелиберальности, консерватизму широких слоев, но ослабленный, смягченный либеральными элементами. По сути, учитывая, что общество в современной России в целом нелиберально, только такой тип либерального консерватизма и может сейчас утвердиться в качестве массового. *Консервативный либерализм* - прежде всего форма самого либерализма. Его значение резко возрастает в условиях победившего либерализма, т.е. тогда, когда абстрактные ценности, идеалы либерализма должны бесконечно конкретизироваться, превращаться в программу повседневной деятельности далеких от либерализма людей. Иначе говоря, речь идет о возможности почвенного либерализма, нашедшего или по крайней мере активно ищущего свою социальную базу, реально или потенциально способного решать проблему, столь упорно мучающую отечественных либералов.

Существование консервативного либерализма в долиберальном обществе - некоторый парадокс. Однако он есть и начинает постепенно завоевывать позиции в общественном сознании. По определению для консервативного либерализма требуется либеральная почва. В долиберальном обществе таковая может найтись только *внутри самого либерализма*, т.е. ограниченной группы либерально настроенных людей. Это определяет незначительный до сих пор удельный вес консервативного либерализма как оппозиционного течения внутри либерализма, имеющего в своем спектре и либеральный марксизм, и социал-либерализм, и другие формы и виды либеральных течений и идеологий.

Существуют серьезные причины, которые стимулируют развитие консервативного либерализма. Во-первых, инверсионная динамика, которой до сих пор следовало российское общество, требует полярных поворотов. Строго говоря, разочарование в до-

минировании либерал-радикализма обращает людей к более умеренным стратегиям, т.е. к консервативному либерализму (при условии, естественно, ориентации именно на либеральную позицию и при удержании либеральной власти на федеральном уровне). Во-вторых, коллективистское мышление присуще людям в нашем обществе, отменить это обстоятельство невозможно. Если большинство ранее принадлежало коммунистам, теперь неожиданно быстро все стали ощущать себя либералами (по крайней мере многие люди стали соглашаться с тем, что они считают либеральными позициями), то это означает, что общество в целом нуждается в неких объединяющих его идеях, воспринимая их как возможность установления коммуникации, как язык, на котором люди могут разговаривать, договариваться друг с другом. Возможен, следовательно, и общий поворот к консервативно-либеральным ценностям (как это не вероятно). Если элита будет заинтересована в утверждении более умеренной политики (а она начинает интересоваться ею как только перестает бояться утратить власть), если различные элиты нашего общества сумеют договориться между собой, при том, что средства массовой информации будут транслировать консервативно-либеральные взгляды в достаточном объеме, - открывается путь распространения и утверждения консервативно-либеральной идеологии. Общество, собственно говоря, упорно ищет подобную идеологию, ибо - и это в-третьих, - российское общество долго было и еще очень долго будет консервативным. Все дело лишь в одном, чтобы оно стало не просто консервативным, но консервативно-либеральным, иными словами, сохранило реформистский потенциал, стремление продвигаться по пути к либеральным ценностям и либеральному обществу (не "свалившись" при этом в один из бесчисленных вариантов радикализма). Возможно, это могло бы стать общим желанием.

3. Консервативный либерализм: содержание и функции

Анализ литературы и различного рода документов, имеющих отношение к современному либеральному движению в России, позволяет сделать вывод о том, что в стране формируется консервативно-либеральное движение, опирающееся на множество разрозненных тенденций, ориентированных в этом направлении. Их можно видеть как в деятельности различных либеральных групп, так и в публицистике и научной литературе. Консервативно-либеральную тенденцию можно реконструировать по различным источникам, и в результате может быть представлена

достаточно последовательная, хотя и во многих пунктах недоработанная, недодуманная система представлений консервативного либерализма.

Консервативный либерализм - оппонент и противник радикального либерализма, но в рамках самого либерального движения, в рамках основных либеральных идей и представлений. Оба эти направления объединяет прежде всего желание вывести Россию из промежуточного состояния между традиционной и либеральной цивилизациями, способствовать формированию, созданию в стране общества либерального типа. Оба они для решения этой задачи пытаются сделать ставку на народную инициативу, стремление людей к предпринимательству, на возрастание значения личности. Оба направления нацелены на осуществление модернизации, создание в конечном итоге правового государства и гражданского общества, оба ориентированы на идеалы свободы и демократии.

Существует ряд важных расхождений между радикальным и консервативным либерализмом. Прежде всего они касаются отношения к народной почве, к массовому сознанию и деятельности людей. Если радикальный либерализм характеризуется стремлением преодолеть массовый почвенный консерватизм организацией широкого диапазона средств, от материального и морального стимулирования до прямого административного воздействия на людей, то для консервативного либерализма характерен прежде всего страх перед почвенными силами, нежелание прибегать к административным мерам воздействия на значительную часть населения, признание неспособности, как показывает опыт истории страны, решить сложнейшие вопросы современности административными методами. Если либеральный радикализм обращается к людям главным образом на языке рационализма, доказывает неизбежность, необходимость тех или иных мероприятий, жертв, терпения, то консервативный либерализм, не отрицая полностью этих методов, считает, что прежде всего необходимо сохранить большинству народа определенное психологически комфортное состояние. Последнее можно достичь совсем не рациональными средствами, но скорее созданием некоторой спокойной атмосферы: в стране, преодолением факторов, раздражающих массы людей и способных при ухудшении ситуации вызвать опасные массовые действия.

Важное отличие лежит в сфере отношения к государству. Радикал-либералы склонны преуменьшать роль государства, возлагать надежды на спонтанные процессы в обществе, которые вполне могут заменить бюрократию. Консерваторы-либералы

склонны полагать, что в России, где все значимые проблемы решались через государство, посредством государства быстрый отказ от его функций неизбежно приведет в соответствующей сфере деятельности к катастрофическим результатам. Они считают необходимым обеспечивать государственное регулирование, хотя и с четко определенным перечнем направлений, в которые оно может вмешиваться. Государство для них выступает также гарантом стабильности в межнациональных отношениях внутри страны, что контрастирует с радикал-либеральной абсолютизацией идеи суверенизации, вплоть до местных органов власти.

Особенно сейчас остра проблема роли и места государства в экономической деятельности. Радикал-либералы считают, что общество в этой сфере уже созрело для рынка, демократии, для создания правового государства, для превращения общества в постиндустриальное и т.д. и т.п. Если до сих пор это не было реализовано, то потому, что в обществе эти возможности были задавлены политическими средствами. Нужна лишь честная либеральная власть, которая уничтожит все остатки тоталитаризма, нелиберального авторитаризма, административной системы и в сравнительно быстрые сроки все (или по крайней мере некоторые) благородные идеалы будут воплощены. Средства же для реализации подобных планов могут быть различными, и не в последнюю очередь принуждение. Например, министр юстиции считает, что правительство может проводить реформы в обществе, которое "по всей видимости их отвергает"¹. Консервативно-либеральный взгляд оценивает подобные воззрения как очередную утопию. Для него достижение правового государства, рынка и т.д. - это более далекая цель, тогда как непосредственной задачей является формирование ее предпосылок. Консервативно-либеральный подход - в том, чтобы *искать средства и пути, выявлять соответствующие силы, которые помогут создать механизмы реализации либеральных целей.*

Радикал-либералы отрицают всякую возможность замены демократической системы авторитарной, хотя практически достаточно часто прибегают к авторитарным методам. В противоположность им либералы-консерваторы считают, что нарастание неудач реформаторов делает приход к власти авторитарных лидеров в высокой степени вероятным, и поэтому необходимо всеми силами готовиться к этой возможности. Подготовка эта должна заключаться в том, чтобы пытаться избежать авторитаризма на антилиберальной основе, допуская авторитаризм, отстаивающий

---

¹ Федоров Н. Остаюсь бороться // Рос. вести. 1991. нояб. С.2.

либеральные ценности, т.е. в максимальной степени превратить авторитаризм в оружие и средство углубления либерализма, в частности, развития рыночных отношений, борьбы с монополизмом в экономике, во всех сферах общественной жизни.

Существенное отличие складывается в сфере отношения к экономическим реформам. Радикальный либерализм склоняется к макрореформам. Быстрые и глубокие, они должны одновременно охватить максимально возможное число аспектов. Консерваторы-либералы тяготеют к осторожным медленным реформам, включающим прощупывание реакции общества на каждый шаг, склонность к активизации прежде всего мелкого бизнеса, массовых низовых форм хозяйственной деятельности и т.д. Различие также состоит в том, что радикальный либерализм пытается опереться на развитые формы хозяйства, на уже существующие формы либерального общества (которые однако в действительности могут быть псевдолиберальными, псевдоэкономическими), тогда как консервативный либерализм согласен иметь дело с предпосылками либерализма, возможно отдаленными, от развития которых можно ожидать возникновения очагов, благоприятных для развития либерализма. При переходе к рынку консервативно-либеральная позиция состоит в том, чтобы максимально ориентироваться на сложившиеся хозяйственные объекты, не допускать разрушения эффективных, или необходимых производств. Приоритетность органического развития проявляется и в предложении реформ, развиваемых согласно задаче имитации исторической логики складывания рынка, в частности, формирования его, начиная с торговли, с укрепления мелкого и среднего предпринимательства, с подъема сельского хозяйства, отраслей, хранящих и перерабатывающих продовольственные товары, с производства стройматериалов и т.д.

Обращает на себя внимание точка зрения, развиваемая В.А.Найшулем, который противопоставляет свою позицию как "истинно либеральную" "либералам мнимым". Первые "защищают интересы своих ведомств на основе норм обычного права", тогда как вторые "чтят только то, что написано на бумаге и не обращают внимание на неписанные законы"². В.Найшуль считает, что в хозяйстве страны, начиная с брежневских времен, произошли значительные сдвиги, в результате которых административная торговля вместе с бартером стала составлять основы межпроизводственных отношений. Псевдогосударственная соб-

---

² Найшуль В.А. Либерализм и экономические реформы//МЭМО.1992. №2. С.78.

ственность "ведомственного типа" стала переоформляться в "региональную". В. Найшуль исходит из существования исторически сложившегося обычного права, из которого путем ненасильственного дерегулирования должно иметь место дальнейшее развитие рыночных отношений. Препятствием является нежелание считаться с обычным правом, о котором реформаторы, общество ничего не знают.

Здесь нет возможности анализировать эту точку зрения по существу. Но обращает на себя внимание прежде всего исключительно напряженное внимание к реальности, что так нехарактерно для российских реформаторов вообще, с их ориентацией на нормативный идеал. Именно в этом внимании к реальности, сочетающимся с поиском ненасильственного выхода из кризиса заключается важнейший исходный элемент консервативного либерализма. Тем не менее в этом подходе есть и настаораживающий момент. Обычное право, выросшее из феодальных, а возможно и дофеодальных рентных отношений, содержит в себе определенный рыночный потенциал, который следует стимулировать. Но одновременно оно содержит мощное стремление к монополизации во всех точках общества. И что особенно важно, это стремление разных типов монополистов находится в непримиримом противоречии друг с другом. Противоречия различных монополистов угрожают ситуацией растрачивания их энергии больше на борьбу друг с другом, чем на реальное развитие рынка. Борьба между ними - это постоянные переходы от господства центральной власти к ведомственной, от ведомственной - к региональной, от региональной к колхозной и заводской и т.д. Тем самым игнорируется абсолютно необходимая для либерализма функция защиты общества в целом от безразличной к его судьбе борьбы монополистов между собой, ибо каждая из форм этой борьбы способна нести в себе заряд консерватизма, возможно весьма далекого от либерального.

Из этих различий возникает разное отношение ко времени, к скорости проводимых реформ. Если либеральные радикалы требуют моментальной реформы, быстрого прохода опасной переходной зоны, то либералы консервативного толка считают, что быстрые изменения, во-первых, приведут к разрушению существующего порядка, который при всех его недостатках все-таки позволял избежать хаоса, прежде всего распределять ограниченные ресурсы в соответствии с массовыми представлениями о справедливости, и следовательно, сохранить порядок даже при значительном истощении ресурсов. Кроме того они считают, что быстрая попытка построить рыночную экономику в наших усло-

виях обречена на неудачу, возможно катастрофическую по своим последствиям, так как результатом попыток создания рынка может быть контрреформа, способная отбросить общество опять на какое-нибудь историческое бездорожье.

Существенным отличием между двумя формами либерализма является отношение к проблеме самобытности России. Эта проблема близка традиционному консерватизму, тяготеющему к консервации отсталости, имперскому шовинизму и изоляционизму, а теперь еще и к фашистоидным вариантам. При всей приверженности этой проблеме традиционный консерватизм осмысляет ее за рамками рационального знания, трактуя как божественный промысел, судьбу, рок, тайну, вневременную универсальную сущность России, мистику общей судьбы. Либерал-радикалы избегают этой темы, не признавая, что таковая в принципе существует или заслуживает особого внимания. Консервативные либералы признают ее наличие и предлагают решать ее как научную проблему специфики общества, вполне познаваемую, рациональную, более того - могущую быть доведенной до операционального уровня, что требует многосторонних усилий представителей разных наук, прежде всего историков, социологов, этнографов и экономистов. При этом они исходят из предпосылки, что сама консервативная традиция иррационального взгляда на самобытность России, как и вытекающая из нее концепция особого пути общественного развития страны - не более, чем свидетельства недостатка научных знаний о специфике общества и соответственно низкого профессионального уровня принимаемых решений, вынужденных опираться на метод проб и ошибок, хаотический поиск наугад. Неподкрепленность практического опыта теорией, их оторванность друг от друга в целом обуславливают относительно низкий уровень самосознания общества.

Консервативные либералы постоянно работают над изучением и осмыслением почвенных традиций, они внимательно анализируют массовые процессы, историю развития крупных социальных, социокультурных групп, прежде всего крестьянства до 1917 года, сельских мигрантов первой половины XX века, основных социальных групп современного российского общества, их ценностей и интересов.

С этим тесно связано отношение к зарубежному опыту. Консервативно-либеральная позиция состоит в избирательном отношении к опыту западных обществ, использованию лишь того, что отвечает органически сложившимся потребностям страны. Например, возможно в наших условиях мог бы оказаться поле-

зен опыт программ общинного развития, апробированного в странах третьего мира, хотя он не требует больших вложений капиталов и не амбициозен. В то же время бездумное перенесение самых прогрессивных образцов мирового опыта, если нет условий, чтобы их освоить, оценивается негативно. То же самое относится к теории либерализма. Даже наиболее прогрессивные ее достижения (например, принцип равенства всех традиций в доступе к центрам власти - П.Фейерабенд), признаются для условий нелиберальной среды утопичными. Показывается, что движения, даже с благородными и позитивными целями, могут в определенных условиях изменять свое реальное содержание, направленность, приобретая традиционалистские смыслы и ориентацию (например, некоторая часть экологических движений в отечественных условиях).

Ценность радикального либерализма заключается в том, что он пытается соединить опыт нашей страны с опытом мировой культуры, опыт наиболее развитых стран с проблемами России. Ценность консервативного либерализма - в другом: он пытается проработать либеральную парадигму, ее основные идеи и принципы на почвенном материале, с учетом конкретных нравственных идеалов, исторически сложившегося регионального и профессионального опыта.

Если попытаться более четко сформулировать специфику либерально-консервативного крыла, то следует признать, что она заключается в стремлении воплотить либеральные идеи через обращение к массовым ценностям, опираясь на те или иные тенденции, которые существуют, или только назревают, или их возможно стимулировать среди различных социальных групп. Оба крыла либерализма находятся перед серьезными проблемами, хотя и имеющими противоположную направленность.

Консервативный либерализм стоит перед опасностью растворения в почве, следовательно, потери своего либерального потенциала. Радикальный либерализм стоит перед опасностью полного отрыва от почвы, превращения в чисто доктринерское движение группы интеллектуалов, и тем самым потери возможности реального влияния на ход событий в обществе. *Только диалог, постоянное взаимное стимулирование этих двух направлений либерализма позволит им сохранить либерализм как реальную силу, с одной стороны, избежать капитуляции перед антилиберальными консервативными силами, а с другой - перед опасностью отрыва от массовой социальной базы. Четкое оформление этих двух направлений и прежде всего консервативного крыла либерального движения, установления между ними постоянного диалога даст*

надежду на углубление понимания отечественных проблем и выработку реалистической либеральной программы, имеющей разумные шансы на реализацию в России.

4. Основное противоречие либерализма в России

Победа либералов в России как реакция на господство антилиберального режима, как попытка общества найти новый нравственный идеал, новую нравственную основу для объединения общества, имеет свою слабую сторону. Либерализм победил на уровне ценностей, языка, но он не был проработан на всех уровнях общества, на уровне массового сознания. Либерализм не стал основой повседневного содержания культуры, образа жизни, социальных отношений, всей воспроизводственной деятельности общества, включая хозяйственную.

Практически это означает, что победа либеральных ценностей создала лишь определенную исходную предпосылку для перехода к либеральной цивилизации, для деятельности общества, каждого человека. Этот высший ценностный уровень может повиснуть в воздухе, оказаться абстрактным с точки зрения нашедших проблем.

Общество находится под постоянной угрозой, что решение сложных проблем на хозяйственном, политическом, культурном уровнях в масштабе регионов, ведомств, партий, различного рода групп и т.д., несмотря на определенную либеральную эйфорию, будет постоянно страдать из-за недостаточной проработанности либеральных идей и ценностей в практической деятельности и культуре. В результате, решая сложные проблемы, оно неизбежно склоняется к иным ценностям, культурным образцам нелиберального типа. Это практически означает, что либерализм как господствующая нравственная система находится под постоянным критическим нажимом, исходящим буквально из каждой точки общества, что под покровом либерализма в действительности скрыты иные, возможно нелиберальные и даже антилиберальные пласты культуры. Либеральный язык может оказаться прикрытием для антилиберальных решений, что в конечном итоге угрожает самому существованию либерализма.

Фактически, в стране сложилась весьма странная ситуация, когда может казаться, что существует полное единодушие на либеральной основе. Однако под этим согласием таятся несущие конфликт различия, которые затушеваны общей приверженностью лозунгам либерализма. Например, в рабочем движении, "с одной стороны, сторонникам радикальных реформ было как-то

непривычно до конца формулировать свои взгляды, а с другой - ратуящим за возврат государственного социализма еще как-то неловко было открыто об этом заявлять"³. Постепенно в результате накопления проблем эта "непривычность" проходила, поддаваясь ранее сложившимся стереотипам решения проблем. Господствующая в обществе форма либерализма стала поддаваться эрозии, проникновению антилиберальных идей и ценностей. Важность этого процесса заключается в том, что общество неожиданно для себя может оказаться во власти идей, далеких от либерализма. Это не противоречит тому, что практически сегодня все течения в той или иной форме или степени прикрываются либеральными лозунгами и либеральной лексикой, как это впрочем было и во время власти либералов в период между февралем и октябрём 1917 года.

Здесь следует выделить два процесса. Во-первых, выдвигаются идеи в рамках либерализма, но отходящие от радикального либерализма. Во-вторых, возникает возможность троянского коня, проникающего внутрь либерализма и превращающего его в свою противоположность, в антилиберальный консерватизм. Эти по сути различные и даже противоположные возможности могут эклектически сочетаться в одних и тех же документах, у одних и тех же людей. Например, первый вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, один из лидеров "Гражданского союза" А.П.Владиславлев противопоставил радикальному либерализму точку зрения, что экономическую реформу следует проводить, опираясь на сохранившиеся национальные, психологические и культурные черты народа⁴. По сути дела, подобная позиция может рассматриваться как отход от радикального либерализма к консервативному с его стремлением формулировать свои идеи на основе постоянного анализа массовых ценностей, настроений, чтобы иметь постоянную опору в реальных почвенных силах. В программе "Гражданского союза" предусматривается возможность государственного стимулирования предпринимательства и производства, органическое сочетание макроэкономического преобразования с микроуровнем, дифференциация подхода к развитию государственного и негосударственного секторов экономики. Предполагается поддерживать государственно-регулируемую экономическую систему, сочетая это с плавным переходом к рынку, разделение финансовой си-

---

³ Гордон Л.А. Кризис рабочего движения будет углубляться//Общественные науки и современность. 1992. №5. С.8.

⁴ Владиславлев А.П. Контуры гражданского согласия//Независимая газ. 1992. 25 сент. С.2.

стемы государства и финансов предприятий и т.д.⁵ Эти и другие элементы программы резко противостоят крайностям радикального либерализма с его стремлениями ввести рынок лишь простым разрешением торговать, проповедями беспредельного разгосударствления и т.д. Однако на этом основании было бы преждевременно рассматривать "Гражданский союз" как воплощение консервативного либерализма. Само обращение к государству как главному спасительному средству несет в себе различные, в известном смысле противоположные возможности. Одна из них характеризуется рассмотрением и использованием государства как орудия и средства укрепления и стимулирования демократии, рынка, поддержки очагов прогресса, распространения их влияния на все общество. Однако ориентация на государство как на главную опору может привести к сохранению долиберальной системы хозяйства, основанной на принудительном распределении и перераспределении ресурсов. Она может в той или иной ограниченной степени упорядочить распределение ресурсов, но, как показывает опыт, не в состоянии сделать производство более эффективным, повысить качество, увеличить количество производимых ресурсов, преодолеть самопожирание, саморазрушение хозяйства.

Все проблемы заключаются в том, что перенос центра тяжести на административные меры несет в себе опасность антилиберализма, является попыткой сохранить и возможно усилить организационную базу авторитаризма. Это в свою очередь создает основу для возврата к господству авторитаризма, который мог бы быть средством, орудием формирования рынка, демократии. В принципе такой путь для России - это движение на острие бритвы, ибо постоянно возникает опасность свалиться либо к радикальному либерализму, либо к антилиберальному консерватизму. Различия между радикальным и консервативным либерализмом могут на определенном этапе носить скрытый, потенциальный, трудно различимый характер. Однако в процессе решения конкретных проблем это движение неизбежно конкретизируется. Эта борьба, возможно скрытая, нерелефированная между двумя формами либерализма несет в себе опасность превращения в борьбу либерализма и самых крайних форм антилиберального консерватизма, появления каких-то новых его модификаций. Не следует забывать, что Россия имеет мощные традиции борьбы с либерализмом. Гражданская война, в основе которой лежала борьба сил уравнительности против сил, воспринимав-

---

⁵ Тринадцать пунктов программы Вольского // Известия. 1992. 30 сент. С.2.

шихся как угроза его основам, велась прежде всего против либерализма. Сегодня эту антилиберальную силу можно видеть не только в программах антилиберальных партий, от коммунистических до профашистских, но и в борьбе крестьян против фермеров, во всех попытках сохранить, укрепить порядок, парализующий частную инициативу, развитие экономики.

* * *

Вершина конуса, прочерченного мной, чтобы выделить из общего числа консерваторов ту их часть, которая соединяет реалистичность в видении сегодняшних проблем с либеральными ценностями, еще недавно казалась совсем маленькой точкой среди тех многообразных и более заметных направлений, которые властно и часто агрессивно заявляют о себе в общественной жизни. Постепенно влияние консервативно-либеральной тенденции усиливается, хотя нет пока партии, которая последовательно выражала бы консервативно-либеральную позицию. Нет научной, политической, правовой теории, проекта или практического руководства, на которое можно было бы опереться в выработку консервативно-либеральной платформы, чтобы проводить ее в жизнь. Не появилось пока произведения искусства, воплотившего существо этой позиции в художественной или публицистической форме, чтобы привлечь к нему всеобщее внимание. Нет, наконец, авторитетного, признанного обществом лидера, который мог бы повести бывший советский народ этим избранным путем.

И тем не менее - консервативно-либеральная позиция - не фантом, и не идеальный аналитический конструкт, рожденный в голове теоретика.

Это - реальная, набирающая силу социокультурная тенденция, имеющая и культурные, и социальные корни. Как тенденция, опонирующая, конкурирующая с либеральным радикализмом, она имеет шансы на успех (хотя в российских условиях является наиболее трудной позицией, ибо труден путь срединной культуры и срединных стратегий в радикальной стране). Сейчас консервативно-либеральная тенденция находится в диффузном состоянии. Это значит, что ее отдельные элементы - идеи, убеждения, ценности и идеалы, образцы решения тех или иных проблем, разработка возможностей и путей реализации фрагментов консервативно-либеральных стратегий, возникают в различных областях повседневности, в производственной деятельности, поли-

тической жизни, проходя испытание на прочность в реальных жизненных ситуациях нашего посттоталитарного общества.

В России вообще отсутствует четкое программное размежевание партий. Традиционное деление на левых и правых фактически скрывает от глаз членение на либеральных и антилиберальных консерваторов. Поэтому изучение консервативного либерализма должно идти не столько по пути выделения непосредственно такого рода партий, но по пути выделения соответствующих аспектов во многих партиях, движениях, документах, публицистике и даже научных исследованиях. Критерием консервативного либерализма является стремление к поиску почвенного либерализма или его предпосылок, реальных сил, которые могли бы формировать непосредственно, или опираясь на поддержку государства очаги экономической инициативы, конструктивной хозяйственной деятельности, стимулировать активизацию демократических ценностей, ответственности людей за решение сложных проблем и т.д.

О консервативном либерализме можно говорить лишь там, где речь идет не о попытках подчинить общество некоторой умозрительной идее, но прежде всего о выработке способности общества совершенствовать формы диалога личности и общества, содержанием которого является реальное формирование элементов либерального общества, его предпосылок.

Обе рассматриваемые формы либерализма *опираются на единое культурное основание*. Это означает, что между ними нет непроходимой стены, они сходятся в целых и разнятся в средствах и оценке условий социокультурной модернизации, реформирования общества, его продвижения к либеральной цивилизации. Абстрактный радикальный либерализм для того, чтобы превратиться в реальное культурное основание массовой деятельности людей должен постоянно конкретизироваться, прорабатываться на всех формах деятельности в обществе – от хозяйственной, до искусства и политики. Эта конкретизация в условиях господства массовых долиберальных ценностей неизбежно переходит в консервативный либерализм. По сути дела, *это единственный выход для либерализма в России, если его носители хотят его сохранить и одновременно реализовать либеральные ценности в значимых масштабах*.

Организационная неформальность консервативного либерализма способствует тому, что сегодня элементы консерватизма подобного типа существуют разрозненно в разных сферах жизни общества. Их можно видеть прежде всего в науке, политике, в де-

тельности партий и профсоюзов. Те или иные элементы консервативного либерализма присутствуют в широком спектре партий и движений, особенно у ДПР, НПСР, РПР, в других либеральных и даже социалистических партиях, а также у демопатриотов и демокоммунистов. Очевидно, было бы крайне важно выявить эти элементы в каждой из указанных областей, в партиях и движениях, и проследить их внутренние связи. Это несомненно помогло бы консервативному либерализму осознать себя как особую тенденцию, имеющую определенные функции в либеральном движении.

Как естественный и органичный, почти неизбежный оппонент либерал-радикализма, консервативно-либеральная тенденция сегодня развивается и будет укрепляться, питаемая естественным желанием нормальной спокойной жизни. Однако этой тенденцией будут постоянно противостоять, с одной стороны, доктринерство тех или иных концепций, последовательное проведение которых в России утопично, и с другой стороны, массовое стремление к крайностям в решении сложных проблем, стремление во всех бедах видеть персоналистское содержание, козни врагов, подлежащих истреблению.

В качестве обнадеживающего момента можно рассматривать наблюдаемый до сих пор отказ народа в тяжелой ситуации следовать лозунгам безответственного экстремизма, групп, провоцирующих беспорядки, и в конечном итоге решать проблемы разрушительными радикальными методами.

Потенциал консервативного либерализма следует искать также в среде интеллектуалов, для которых критическая позиция, как и либеральные ценности, почти единственно нравственно оправданная. Эту позицию, - и это самое главное, - будут отстаивать профессионалы в разных сферах деятельности. Ученые, которым надоел вечный романтизм и утопизм верхоглядного революционаризма. Руководители предприятий, для которых открывшиеся возможности предпринимательской деятельности не есть отказ от нравственных принципов и означают не только хорошие деньги, но и дело, возможность созидания, производства того труда и самореализации. Серьезные мужчины и женщины, нравственные и деловые качества которых не позволяют смешивать работу с жульничеством, пиратством и воровством. Наконец, консервативно-либеральная позиция может найти поддержку и выражение в крупных социальных группах, ибо порядок, закон, нравственность, стабильность и развитие - это ценности, которые поддержит любое сообщество.

Конечно, консервативный либерализм в достаточно широких масштабах возможен лишь в условиях развития соответствующего социального субъекта, все того же среднего класса, массового слоя собственников, предпринимателей и т.д. Дело это долгое. Быстрее создаются теории. Но и появление консервативно-либеральных экономических, политологических, философских и прочих теорий могло бы способствовать упрочению идейного влияния консервативного либерализма в обществе, в конечном итоге созданию не реакционного, общинно-феодалного, но нормального либерального почвенничества (хотя бы для начала на уровне теории). Тогда бы наверное легче было бы появиться нормальной консервативной политической партии, массовому движению, которые сдерживали бы радикальные тенденции от срыва в никуда и придавали устойчивость долгому и трудному продвижению общества по пути реформ.

Глава 9

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ЦЕННОСТИ В МАРГИНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Без изменения отношения в обществе к ценностям предпринимательства разговор о социокультурной модернизации превращается в сугубо теоретический. Учитывая широко распространенную в обществе враждебность к капитализму, буржуазии и буржуазным ценностям, частной предпринимательской инициативе, сами по себе законы, разрешающие, легализующие предпринимательство - лишь условие его развития, но не гарантия утверждения в обществе как массовой формы деятельности, как культурной нормы, нравственно оправданной в глазах большинства.

Конечно, предпринимательские ценности, возможно, и будут утверждаться стихийно, по мере самоизменения общества. Однако этому будет противостоять огромная культурная инерция, и если в этой инерции прибавится государственная культурная политика, противостоящая этим ценностям, то исход противостояния ценностей в обществе трудно предсказать. Продуманная и систематически реализуемая программа распространения в общественном сознании ценностей предпринимательской деятельности, где самостоятельные усилия, прилагаемые частным капиталом, были бы поддержаны государством, - фактор, значение которого в стратегическом плане трудно переоценить. Сейчас в этом направлении кое-что явно делается предпринимателями. Видно, что расходуются средства и ощутим результат, но усилиям на этом направлении не хватает целостности, внутренней связанности и соорганизованности, охвата всех аспектов социального бытия. Государство же блюдет нейтралитет, пассивно наблюдая за стихией общественных страстей.

Прежде всего следует осознать, что *идеология предпринимательства как элемент экономического либерализма - органическая часть культуры как целого*. Предпринимательство как ценность можно "внедрить" в общество лишь вместе с другими ценностями. Оно способно нормально существовать только в широком культурном контексте. Иными словами, дело не в том, чтобы пропагандировать некоторую рода деятельность, но в том, чтобы изменилась жизненная философия и мировосприятие если не всего общества, то его значимых социальных слоев. Предприни-

матерьяская деятельность и все, связанное с ней, должна из сомнительной или постыдной стать сначала приемлемой, а потом и достойной, высоко ценимой в культуре.

1. Социокультурные группы

Как известно, общество неоднородно в культурном отношении и распадается на значимые социокультурные группы, различающиеся возрастом, национальностью, профессиональным статусом и др. Каждая из таких групп требует выработки специальной, адресованной ей стратегии, учитывающей ее особенности, значение в обществе и перспективы.

Старшая возрастная группа (рубеж 55-60 лет) с точки зрения восприятия ценностей свободного предпринимательства и воздействия на общую ситуацию в обществе как целое мало перспективна. В основном ее представители закончили трудовой цикл. В общественном мнении, особенно среди молодежи, на них лежит клеймо "тоталитарности". Люди эти в массе своей дезориентированы, растеряны. Значение их в формировании настроений деятельной части общества минимально. По отношению к этой группе разговор может идти о примирении с реальностью. На другом полюсе культурных ориентаций находится *молодежь* (после школы и до тридцати лет) - часть общества, наиболее культурно и психологически готовая к восприятию нового образа жизни и его ценностей. Отдельно должны быть рассмотрены *дети* (дошкольного и школьного возраста). Наконец, последняя возрастная группа - *среднее поколение* (30-35 лет) - основная, деятельная часть общества, костяк экономики.

Психологическая готовность к предпринимательству зависит не только от возраста. Вообще говоря, эта готовность пропорциональна мере распада традиционного сознания. В целом города и южные районы России более готовы к новым реалиям, в сельской местности и северных регионах готовность к предпринимательству меньше. Самый бесперспективный в этом отношении регион - Нечерноземье (за исключением крупных городов).

Отношение к либеральной экономике зависит также и от профессиональных ориентаций.

Техническая интеллигенция. Здесь психологическая ситуация достаточно сложная. Внутри этой группы идет расслоение, которое сегодня особенно зависит от социальных перспектив конкретного человека, его ближнего окружения в новой экономической реальности. В целом техническая интеллигенция демонстри-

рует существенно большую готовность к жизни по-новому, чем это казалось еще вчера.

Гораздо сложнее положение с *гуманитарной интеллигенцией*. Это связано и с тем, что гуманитарная интеллигенция - носитель традиционных антибуржуазных интеллигентских рефлексов, православных по своей природе, а также с тем, что социальные перспективы у значительной части гуманитарной интеллигенции сегодня минимальные. Эти люди смогут выжить только кардинально изменяя образ жизни, профессию, общие ориентации. Сейчас наблюдается интересный процесс размежевания 30-летних интеллектуалов, публицистов, литераторов с шестидесятниками. Это явление выражает собой трудно оценимый в своих последствиях процесс - слом антибуржуазной традиции российской интеллигенции и победу в молодом поколении индивидуалистического сознания и либеральных ориентаций.

Сельские жители традиционно консервативнее горожан. Однако и здесь, особенно на Юге России, включенность в рынок и психологическая готовность к предпринимательству заметно выше, чем в социально деградировавшем и морально надломленном Нечерноземье.

Среди *рабочих* идет процесс расслоения, во многом аналогичный тому, что происходит в среде технической интеллигенции (сегодня приблизительно в отношении 50/50). Особенно легко новые реалии принимают рабочие, которые по характеру своих производств связаны с "живыми" деньгами - например, в строительстве. Сложнее всего эти процессы пойдут в привилегированных отраслях советской экономики - в сфере ВПК, - где идеология и система льгот накрепко связывала работника со вчерашним государством.

Управленцы ("аппаратчики"). Эта категория общества глубоко неоднородна. Часть ее, давно связанная с теневой экономикой, прекрасно вписывается в новые реалии. Часть сможет вписаться, используя накопленные личные связи и опыт. С другой стороны, значительная паразитарная часть аппарата по своим личным данным, образованию, подготовке обречена на маргинализацию. Эта среда будет неизбежно враждебна новым реалиям.

Если же рассмотреть "аппарат" обобщенно, то можно заметить, что люди в возрасте до 45 в целом хорошо встраиваются в рыночную структуру. Их поведение определяется, как правило, внешним контекстом всего общества, а также контекстом организаций, в которые они включены (т.е. тем, относятся ли они к рыночным или нет).

2. Степень готовности социокультурных групп к восприятию предпринимательских ценностей

Просмотрев различные страты общества, выделим несколько групп, представляющих специальный интерес с точки зрения распространения предпринимательских ценностей.

Молодежь - самая большая, наиболее готовая к восприятию и, в конечном счете, самая значимая для судеб предпринимательства в России группа общества. Масса признаков говорит о том, что молодежь готова сделать жизненный выбор в пользу предпринимательства, что этот выбор индивидуализирован и делается в пользу свободы от государства.

В этом убеждает многое¹. И ничтожный процент молодежи в рядах движений, противостоящих новому. И крайне слабая, граничащая с сознательной аполитичностью, политизированность молодежи, ей чужды вечные интеллигентские страдания о России; молодые люди ориентированы на личные проблемы, прагматичны. В последние десятилетия советской эпохи получило сильный размах, вышло на улицы явление, обозначаемое как неформалы образа жизни - хиппи, панки и др. группы, избирающие маргинализацию, сознательно асоциальную позицию. Сегодня эти движения явно схлынули и сходят на нет. Асоциальность порождалась отсутствием социальных перспектив в поздней советской империи. С новыми реалиями молодежь качнулась от хиптусовок и кришнаитских радений к ларькам договорной торговли, в коммерческие структуры.

В том, что выбор для молодежи уже произошел, убеждает и еще одно обстоятельство. Лидеры молодежной среды, а также все кумиры и идолы молодежи - ведущие "Взгляда", представители роккультуры - давно и прочно вошли в бизнес. Нормы, образцы и модели самоидентификации молодежи лежат в сфере либеральной экономики.

Во все времена молодежь самоидентифицируется, осознает себя, отталкиваясь от предшествующего поколения. Сейчас это тем более легко, поскольку молодежь лишена корещащего опыта "совковой" жизни. Остается предложить ей образцы, нормы и ценности. Вокруг этого и должна сосредоточиться стратегия работы с молодежной аудиторией.

Для молодежи важны два типа образцов:

---

¹ .В том числе и данные социологов. См., например, материалы "Россияне о предпринимательстве и предпринимателях" и "социальный портрет предпринимателя" в СОЦИС. 1992. №10.

Дело в том, что дети осознали себя уже "после коммунизма", все, что памятно и актуально для нас, - для них история. Они оказались в обществе, переживающем глубокий вакуум позитивных моделей, мифов, архетипов, определяющих собой базовое отношение к миру. И сейчас дети черпают эти необходимые каждому человеку вещи из американских мультфильмов, видео и роккультуры.

Культурологи и социальные психологи отмечают, что базовые ценности общества формулируются в сказках, детских стихах, историях для детей. Здесь в свернутом виде присутствуют мифы, нормы и ценности, жизненные ориентиры, т.е. все то, что позднее разворачивается в сознании взрослого человека. Со всем этим в нашей стране - катастрофа. Все то, что есть - глубоко вчерашнее и противостоит ценностям либерализма², а если же соответствует, то это переводное. Между тем, как отмечает социальный психолог Ю.А.Морозов, в англоязычной культуре поколения детей впитывали протестантскую трудовую этику, слушая "Божественные песни для детей", написанные в 1715 г. И.Уоттсом.

Русская народная сказка глубоко противостоит ценностям либерализма, и вообще цивилизации. Она несет идею догосударственной, крестьянской утопии, глубоко антипрагматична. Не лучше и авторская литература для детей. Американские психологи, услышав переводы детских стихов советских поэтов типа "Зайку бросила хозяйка", "Идет бычок качается, вздыхает на ходу", заявили: "Теперь мы понимаем, почему у вас такие проблемы".

Сегодня стоит неотложная задача создать целый пласт отечественной литературы для самых маленьких и для детей, ориентированные на модели, сложившиеся в либеральной цивилизации. Это тем более необходимо, что сами дети отбросили предлагаемое им традиционное детское чтение. В 70е г. в нашей культуре произошел интересный процесс - переводные Карлсоны, Мумми-Тролли, Мэри Поппинс и др. персонажи напрочь вытеснили отечественных Иванушек-дураков. На самом деле произошло следующее - сменился базовый идеал культуры, формируемый и закрепляемый на уровне детских сказок. Догосударственный, противостоящий активно-деятельностному отношению к миру Иванушка, воплощавший идеал юрودивности, асоциальности как ценности, проиграл совсем иным персонажам.

---

² Уникальные исключения, такие как "Стрекоза и муравей" теряются в общем потоке.

Сегодня дети ищут пищу для души в видеопотоке. Между тем массовая видеокультура содержит не только позитивные, но и негативные тенденции. Боевики, каратэ, гангстерские фильмы, снабжаемые дежурной моралью, несут в себе агрессивный стержень культа силы, миф о белом человеке, побеждающем инородца-монголоида (негроида) за счет особых волевых и душевных ресурсов. В этой связи можно пожалеть о том, что в 60-е годы иссякла великая традиция американского вестерна. Вестерн нес миру миф о личности, т.е. об отдельном человеке, который восставал против конкретного социального зла (банды), покупившегося на его собственность, достоинство и личность. "Настоящий мужчина" из вестерна не ждал помощи от государства, а взяв в руки кольт, отстаивал свое имущество, своих близких, свою землю. И, конечно же, побеждал. Вестерн - один из величайших мифов XX века, воплотивший ценности индивидуализма и либерализма. Вестерны стоило бы показывать по утрам каждое воскресенье на TV и распространять в видеопрокате.

На следующем, более конкретном уровне необходима огромная работа - создание массива популярной литературы для детей и подростков, вводящей их в мир либеральной экономики, литературы, раскрывающей историю человечества как историю становления и развития рынка. Книги, сплавляющие воедино образы рынка и цивилизации и противопоставляющие этому образы хаоса, варварства, всеобщей нищеты и большевизма. Такой литературы, адресованной не только нашим детям, но и молодежи, нет. Нужны конкурсы, престижные премии авторам, ученые звания для них, последовательная издательская политика.

Дети, и не только дети, нуждаются в настольных, напольных, компьютерных бизнес-играх. В программу средней школы следует ввести мощный курс правовых знаний. Надо создавать школы менеджеров для школьников, различные региональные и общегосударственные конкурсы, учреждать премии, т.е. многомерное культурное и мотивационное пространство, в котором будет формироваться молодое поколение.

Военнослужащие (офицеры) - огромная и взрывоопасная масса, проникнутая государственной идеологией, т.е. ориентированная на принятие того курса, а значит и его ценностей, который проводится от лица Власти. Если бы не радикальное сокращение армии, никаких особых проблем с военнослужащими не было бы. Однако сейчас, в ситуации экономического краха государство сокращает значительную часть военнослужащих, и вокруг этой массы уже сейчас группируются все силы, воплощающие идеологию социалистического выбора. Необходима специальная, ши-

роко разрекламированная политика по отношению к военнотрудовым. Она может обрести формы программы. Например, предприниматели трудоустраивают отставных офицеров в деловых структурах. Для этого проводится общероссийский конкурс. Далее, скажем, в Подмоскowie на участках в 10-15 соток строится 100-200 типовых домов и победители конкурса подписывают контракт на 20 лет работы, в течение которых они выкупают стоимость строений.

Казачи - значительная группа общества, сосредоточенная на Юге России и окраинных территориях. Сегодня казачество оказалось полем борьбы противостоящих тенденций - правые, партократы, фундаменталистские круги РПЦ пытаются использовать казачество, задавая ему имперские и традиционалистские ориентиры; противопоставив национальностям России, городам, педагогуя принципы общественного землепользования и т.д. С другой стороны, казачество несет в себе определенный демократический потенциал и высокую хозяйственную активность, сотрудничает с предпринимательскими структурами.

Патриархальная установка, культ старших, принципы общественного землепользования и хозяйствования несут в себе моменты, противостоящие либеральной экономике. С другой стороны, казачество издавна включено в рыночное хозяйство, живет на прекрасной земле и умеет работать, знает толк в сытой жизни. Представляется целесообразным разрабатывать программы сотрудничества, ориентирующие казачество на кооперативные и индивидуальные формы экономической активности. При всех обстоятельствах, нельзя оставить казачество на откуп правым³.

Церковь. Проблема взаимоотношений бизнеса и Русской православной церкви - наиболее сложная для восприятия. Суть ее состоит в том, что РПЦ и культурная традиция, которую она олицетворяет, по своей природе онтологически противостоят ценностям предпринимательства, и всякая попытка связать распространение рыночной идеологии с РПЦ - дело совершенно безнадежное.

Активная коммерческая деятельность некоторых структур РПЦ (например, общества "Радонеж") свидетельствует лишь о внешней адаптации, не затрагивающей культурного ядра, традиционно враждебного предпринимательству. Конфликт фундаменталистского православия с бизнесом и миром, из него рождающимся, неизбежен, поскольку православная община не при-

---

³ См., в частности, результаты социологического исследования, проведенного И.А.Яковенко (Господин народ. 1992. №10).

емлет главного субъекта предпринимательской деятельности - автономную, независимую личность.

Свободный от пристрастий анализ показывает, что вокруг церкви группируются маргиналы, люди, не вписывающиеся в сегодняшние реалии, не принимающие их в принципе.

Наше отношение к церкви задано и мощной культурной инерцией, и угнетенным положением церкви в СССР, и врожденной человеку потребностью в вере; однако это не снимает того обстоятельства, что Русская православная церковь (и порождаемая ею культура) как конкретная версия христианства противостоит буржуазным ценностям⁴.

Культурная политика, направленная на формирование предпринимательских ценностей, должна учитывать и те процессы, которые происходят в сфере конфессиональных отношений. Идеологический вакуум задал крайне благоприятную ситуацию для деятельности конфессиональных структур. Возвращение к религиозному сознанию поддерживается как большей частью общества, так и подавляющим большинством политических деятелей России. Сейчас разворачивается незаметная для многих, но важная в политическом и культурном отношении борьба между различными конфессиями за социальные и политические позиции. Самые сильные позиции и безусловную поддержку в правительственных кругах, армии, деловом мире, в кругах интеллигенции имеет традиционная для России Русская православная церковь. Вместе с тем, параллельно с вполне ожидаемым ростом РПЦ происходит интенсивное разворачивание различных протестантских церквей - адвентистской, баптистской, лютеранской. Протестантские конфессии обнаруживают динамичное развитие, способность к сочетанию религиозной пропаганды с современным стилем, легко охватывают молодежную аудиторию, особенно студенческую и в крупных городах. Есть основание полагать, что в атеистических семьях, не имеющих глубоких православных традиций, а также в среде вестернизированной, ориентированной на западные ценности, протестантская пропаганда будет иметь значительный успех. Исходя из этого, можно ожидать в ближайшие 2-4 года разворачивание резкого противостояния РПЦ и протестантских церквей, а также католицизма⁵. Легко осознать, что эта

---

⁴ Что и предопределило события 1917 года.

⁵ Как показывают социологические исследования, проведенные в России, за 1990-1991 гг. произошло резкое ослабление интереса к православию. Удельный вес всех православных, включая приверженцев РПЦ и "свободной церкви" понизился в выборке в целом более чем вдвое - с 46% до 19%. Конкуренцию православию начинает оказывать католицизм,

идеологическая борьба станет одной из форм выражения противостояния двух фундаментальных тенденций: изоляционизма и "западничества", стремления вписаться в общеевропейскую цивилизацию, ориентации на западные модели.

В результате всего этого в самой РПЦ выплеснется наружу еле сдерживаемый сегодня конфликт между модернистским, неоправославным и фундаменталистским крылом. Дестабилизация церкви, выделение в ней течений и групп, тендирующих к протестантизму, представляется неизбежным.

Суммируя, можно утверждать, что взаимодействовать с православием можно лишь на "тактических" направлениях (например, выделяя пожертвования на нужды церкви, участвуя в совместных хозяйственных проектах). Однако и здесь целесообразен сбалансированный подход - не создавать РПЦ заведомого режима "наибольшего благоприятствования", ориентироваться на "нейтральные" критерии, например, удельный вес различных конфессий в населении данного региона.

3. Как возможно "внедрение" в общество ценностей предпринимательства

Светская культура, утверждающая ценности индивидуального бытия, противостоящая аскетизму и внеположенным для отдельной личности целям (типа счастья будущих поколений), прямо коррелирует с либеральной идеологией и ценностями предпринимательства. Она служит дополнительным каналом распространения предпринимательских ценностей. По мере секуляризации общества значение светской культуры будет возрастать (примерно для 40% общества религия сохранится в качестве важнейшего культурного ориентира).

Рассматривая секуляризацию как неизбежный и положительный в целом процесс, следует помнить также об опасностях

восточные религии и баптизм, хотя в целом роль всех этих религий незначительна (католиков - около 1%, приверженцев восточной религиозности - 2%, баптистов - 1%). Основную конкуренцию православию составляют "христиане вообще" (их удельный вес повысился в целом по стране с 22 до 47%) и те, кто "верит в сверхъестественные силы", т.е. НЛЮ, полтергейст и т.д. Среди последних много молодежи. Как свидетельствует то же исследование, православные верующие при всем отрицании ими коммунистической идеологии "разительно более авторитарны", чем население страны в целом. См. выступление Дм.Е.Фурмана на "круглом столе" "Религия и политика в посткоммунистической России"//Вопр. философии. 1992. №7. С.7-15.

"либерализации нравов", связанной с повышенным акцентом на гедонизме, чувственных удовольствиях при полном безразличии к "этике труда". На этом пути формируется люмпен. Речь идет о "маргинальной субкультуре" со свойственным ей приоритетом потребления, отвращением к труду, культом уголовного и политического насилия. Такая "третьемировская" перспектива культурной эволюции - реальная опасность, стоящая перед нашим обществом, о которой следует помнить, разворачивая "ярмарку тщеславия". Реклама престижных потребительских товаров, эротика, конкурсы красоты должны накладываться на постоянное утверждение ценностей упорного труда, самоограничения, жертвы сегодня во имя того, чтобы пожать втрое и вчетверо завтра. Весь этот блок, связанный с ценностями труда и самоограничения ради себя и своих близких, не обоснован в России высшими ценностями. Между тем, здесь - ядро буржуазной культуры. Пропаганда ценностей рыночной экономики должна утверждать положительный идеал социальной ответственности, предполагающий труд в поте лица на себя и близких, самоограничение, строгую деловую этику, инициативу, предприимчивость, верность поставленной цели и т.д. Все это прекрасно разработано в западной культуре, но напрочь отсутствует в нашей. Конкретное художественное и идеологическое воплощение положительного идеала - одна из важнейших задач в деле утверждения предпринимательства.

В силу коллективистского духа русской традиционной культуры и крайне слабого развития индивидуализма сознание широких масс проникнуто мощнейшим конформизмом. Массовый субъект остро чувствителен к различению доминирующей и маргинальной точек зрения. С того момента, как идеология предпринимательства становится *государственной*, т.е. звучит от имени Власти, изменяется на доосознанном уровне отношение к ней самых широких масс. Теперь маргиналом, отщепенцем становится защитник социалистического выбора или антибуржуазной самобытности.

Следует широко использовать эту особенность массового сознания. Идеология предпринимательства должна быть продублирована на всех возможных уровнях и в самой различной семантике - от лубка и плаката до утонченно-философской с привлечением Лютера, Хайдеггера и Хайека.

В известном смысле и либеральная, и тоталитарная пропаганда используют, хотя по-разному, одни и те же психологические механизмы. Если тоталитарная пропаганда, сознательно рассчитанная на гомогенизацию и унификацию общества, со-

стоит в многократном заклинательном повторении одних и тех же примитивных формулировок-лозунгов, то пропаганда в свободном обществе представляет собой многообразное варьирование в самой различной семантике различающихся и даже как бы противостоящих внешне позиций, за которыми стоит одна и та же сущность. Пропаганда должна четко осознавать, что можно оставить как сферу свободного выбора индивида, а где выбора нет и не может быть. Например, идеологическое пространство формируется таким образом, что индивид может в соответствии со своими склонностями выбирать между тем, чтобы покупать удобные и престижные вещи или ограничивать себя, сколачивая капитал и формируя основу будущего процветания. Однако интенсивнейшим образом работать, чтобы делать деньги для реализации и первого и второго, он должен в любом случае, здесь выбора не должно быть.

К пропаганде тоталитарной сознание нашего общества давно адаптировалось и не воспринимает ее, с пропагандой либерального типа оно не знакомо. Тем эффективнее будет воздействие этой пропаганды.

Лучшая пропаганда - это отсутствие всякой пропаганды. Подлинный эффект глубинного усвоения внедряемых в сознание ценностей достигается за счет переструктурирования информационного и культурного пространства.

Одна из фундаментальных особенностей любой культуры состоит в следующем: мера разработки и детализации той или иной сферы однозначно задается мерой значимости последней в культуре. Чем подробнее разворачивается нечто, чем больше об этом пишут и говорят, чем чаще всякий человек встречается с данной темой, тем более высокой значимостью наделяет ее сознание. И, соответственно, чем меньше - тем профаннее. В предельном случае лежит табуирование некоторой сферы, для которой в культуре возникает запрет на ее обсуждение.

Известно, что общекультурный смысл рекламы состоит не в том, чтобы продать тот или иной конкретный товар, но в том, чтобы наделить безусловной значимостью потребление вообще, сделать его самоочевидной доминантой человеческой деятельности. Ценности предпринимательства утвердятся как воздух культуры, как нечто самоочевидное и непреложное, если каждый человек будет пребывать в поле обсуждений либеральной экономики, ее механизмов, проблем и ценностей буржуазного права, аналитических обзоров, романов и детективов.

Соответственно, идеология, противостоящая бизнесу, должна быть обозначена в два-три штриха броскими лозунгами и карик-

катурными образами. Пройдет совсем немного времени, и вся эта сфера будет восприниматься как не заслуживающая сколько-нибудь серьезного внимания, а те, кто будут утверждать ее и пропагандировать, - чудаками⁶.

Становление предпринимательства логически неизбежно потребует утверждения как высшей социальной и нравственной ценности права частной собственности. Сегодня адекватной формой оформления и осознания этого права могут стать:

- 1) идеология неотъемлемых прав человека;
- 2) идеологема "частная собственность порождает цивилизацию".

Идеология неотъемлемых прав человека призвана рассматривать право частной собственности наряду с правом свободы выбора религиозных и политических убеждений как ядро прав и свобод человека.

Идеологема "Частная собственность порождает цивилизацию" - это такая картина мира и истории человечества, в которой цивилизация вырастает из рынка, развития и утверждения рыночных отношений, утверждения частной собственности и экономической свободы. Цивилизации, базирующейся на священном принципе частной собственности, противостоят два демонических персонажа: варвар и раб. Варвар, отрицающий частную собственность, а значит - цивилизацию, несет с собой хаос и одичание. Раб выступает в лице восточных империй и деспотий, базирующихся на отрицании частной собственности и порабощении всех и каждого государством.

Утверждение права частной собственности позволяет цивилизации побеждать в исторической борьбе. Отказ от этого права отрывает общество на нищету и маргинальность.

Эти идеологические конструкции должны многократно варьироваться и дублироваться. Речь идет о большой и важной работе, требующей специальных усилий, привлечения талантливых и уважаемых ученых, идеологов, публицистов.

Становление в России предпринимательства с необходимостью потребует формирования правосознания общества и утверждения права как непрелюбого и всеобщего регулятора обще-

---

⁶ Читая лекции в массовой аудитории, я всегда задаю два вопроса: сначала - когда возникла "партия нового типа" и какова ленинская формулировка членства в РСДРП? В ответ на этот вопрос поднимается лес рук. Далее я говорю: "А теперь скажите мне, чем отличается бартер от клиринга? Что такое тройская унция? Чему она равняется? Как соотносятся цены на золото и серебро и сколько сегодня стоит унция золота?" - аудитория молчит. Эту культурную ситуацию необходимо перевернуть.

ственных отношений. Между тем в стране нет ни знания, ни уважения к Праву. Традиционной русской культуре присущ так называемый морализм, противостоящий юрицизму, хорошо выраженный в знаменитой сентенции: "Суди меня не по закону, а по совести".

Внедрение права в жизнь общества, формирование правосознания, всеобщее обучение праву, наделение его статусом высшей социальной и нравственной ценности, противопоставление права беспределу и варварству - еще одно специальное направление культурной и идеологической работы, без которой немыслимо утверждение предпринимательства в России.

Суммируя элементы, структурирующие социокультурное целое, можно сказать, что культура, допускающая становление и развитие рыночной экономики, предпринимательских ценностей, не может не включать в себя следующие моменты:

- десакрализация социальных отношений, власти, культуры;
- утверждение ценностей отдельной личности;
- акцент на ценностях бытия;
- трудовая этика, буржуазная мораль;
- правосознание и юридическая культура;
- идеология неотъемлемых прав человека;
- идеологема "Частная собственность порождает цивилизацию";
- экономическая культура, экономические знания.

Без утверждения этих идей, знаний, навыков и ценностей предпринимательская деятельность в России не имеет каких-либо исторических перспектив.

В теории модернизации давно сформулировано положение о тактике внедрения нового в традиционное сознание. Она состоит в том, что нововведения надо обязательно "насаживать" на какие-то, действительные или мнимые, элементы культурной традиции. В нашем случае идеологию предпринимательства следует срращивать в массовом сознании с традицией дореволюционного купечества, представляя бизнес исконным делом русского народа, истребленным злокозненными большевиками. В серии ЖЗЛ, пользующейся массовой популярностью, можно начать много-томное издание жизнеописаний выдающихся русских предпринимателей. Выстраивая их образы, можно будет сформировать идеальный образ предпринимателя со всеми его добродетелями: купеческой этикой, самоограничением, преданностью делу и т.д. Особенно стоит педалировать такие моменты, как благотворительность и патриотизм. Это позволит сформировать связь ценностей предпринимательства с глубоко закрепленными в массо-

вом сознании ценностями "национальной идеи", "государственности", "русской славы".

Необходимы многообразные работы, освещающие место предпринимательства в мировой истории (в рамках идеологемы "Частная собственность порождает цивилизацию"). Эти работы будут призваны установить устойчивую связь - поначалу ассоциативную, а затем и смысловую - "предпринимательства" с идеями "развития", "прогресса", "цивилизации". Соответственно станет возможным формирование антитезы предпринимательству, приравняемому к цивилизации, т.е. "варварства".

По экспертным оценкам, до 50 млн. чел. (в возрасте от 30 до 55 лет) придерживаются традиционалистских ориентаций. Необходимо задействовать все традиционные ценности и стереотипы сознания для легитимации предпринимательства, надо сделать принятие новых реалий психологически комфортным, безболезненным для традиционалиста. Основное направление этой работы - "сшивать" образ предпринимателя (либеральной экономики) с безусловными ценностями традиционного сознания - честностью, патриотизмом, добротой, справедливостью, идеалом всеобщего достатка и т.д.

Следует последовательно и целенаправленно внедрять имидж, ценности устойчивой, удобной и комфортабельной буржуазной жизни, подчеркивая фундаментальное отличие создаваемого на века и базирующегося на честном труде буржуазного быта от воровской малины или скоротечной мафиозной роскоши, в основе которых лежит награбленное.

Сумма позитивных ценностей культуры должна получить завершенное художественное воплощение. Надо лепить образ "настоящего мужчины" - главы семьи, опоры жене и близким, утверждающего честным трудом, предприимчивостью и инициативой счастье своей семьи. "Настоящему мужчине" противостоит ряд антиподов - завистливый люмпен - сторонник социалистического выбора, бандит, мафиози, которые хотят разрушить мир "настоящего мужчины", отнять у него плоды его рук, увести жену, растлить детей, пустить его по миру. "Настоящий мужчина" вступает в жестокую и драматичную борьбу с антиподами и неизбежно побеждает их в последних кадрах.

Эту модель надо тиражировать и тиражировать в жанрах масскульта до тех пор, пока она не превратится в новый национальный миф.

В культуру следует внедрять образ "налогоплательщика" - гражданина, который трудится, платит налоги и своим трудом содержит государство. Налогоплательщик - настоящий полно-

ценный гражданин. Ему противостоит злостный безработный, люмпен, хиппи, уклоняющиеся от общественно-полезной деятельности и социальной ответственности.

В перспективе предстоит создать продуманный ряд "звезд", конкретизирующих и персонифицирующих ценности предпринимательства. Ряд этот должен будет охватывать все крупные возрастные, половые и социальные категории - "молодой парень", "зрелый мужчина", "деловая женщина", "отставник-бизнесмен" и т.д. Жизнь потребует создать такой набор образов - культурных образцов. Он складывается уже стихийно, надо будет только отточить его, передав в разработку специалистам по имиджу.

Наконец, надо будет выстроить и галерею образов отрицательной идентификации, антиподов, антиобразцов - люмпен, преступник, террорист, наркоман и т.д.

В ближайшее время представляется продуктивным использовать идеологему "Возвращение в Европейский дом". В этой идеологической модели советская эпоха трактуется как насильственный отрыв России от процесса уверенного вхождения ее в культурное и экономическое пространство Европы. Теперь, с крахом большевизма, прерванный процесс можно продолжить.

В заключении стоит остановиться на одном из возможных вариантов легитимизации предпринимательства, а именно, использовании авторитета "верховой власти" (государства) для укоренения бизнеса в современном российском обществе (по типу "бизнес - это большое государственное дело". Этот вариант представляется малопродуктивным и не только в силу массовой десакрализации власти за последние годы. Основная причина, делающая указанный способ вживления предпринимательства нецелесообразным и даже опасным, состоит в том, что он отводит предпринимательству заведомо служебную, подчиненную роль. В культурном отношении такая стратегия легитимизирует государственное, а не частное предпринимательство. Она откроет скорее дорогу слабой, зависимой буржуазии "третьемирского" типа, чем появлению полноценного субъекта свободного рынка - класса независимых предпринимателей.

Глава 10

МАССОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА РЕФОРМ

1. Реформа как инновация

Стремление к модернизации общества может принять форму не только медленной эволюции. Существование мощных препятствий этому процессу может вызвать потребность в реформе, которая проектируется высшей властью совместно с определенной частью представителей науки, духовной элиты. Реформу можно рассматривать как качественный перелом, как форму воспроизводственного процесса. Опыт истории России и СССР говорит о том, что хозяйственные реформы обычно заканчивались неудачей, превращались в контрреформы, что возвращало общество к состоянию возможно значительно худшему, чем было до реформы. Из этого опыта общество еще не научилось делать достаточно обоснованные выводы. Систематические неудачи реформ, если говорить о периоде, начиная с модернизации в России, объясняются существованием каких-то скрытых параметров, которые не учитывались реформаторами ни при составлении проектов, ни в процессе их реализации. С учетом этого обстоятельства необходим анализ границ возможностей реформ, реформаторской деятельности в специфических условиях России, анализ того, каким образом реформа создает волны дезорганизации, превышающие возможности общества их выдержать. Раскол резко ухудшает ситуацию, так как означает, что различные системы ценностей находятся в состоянии самоотталкивания, т.е. при возбуждении, активизации одной системы, возбуждается противоположная, что усиливает конфликт между соответствующими группами вплоть до катастрофической дезинтеграции общества.

При исследовании любой конкретной реформы можно строить гипотезу, что реформу срывают некоторые корыстные группы, темные силы, которые пострадали от реформы, или могут от нее пострадать, или можно подумать, что они могут пострадать. Следовательно, именно они всеми силами тайно или явно превращают реформу в ее противоположность. Нечто подобное не исключено, но подобные факты не объясняют всей сложности контрреформ.

Возможность реформы - это возможность укоренения соответствующих ценностей, возникновения и распространения определенных инноваций, их устойчивого закрепления. Между тем любое новшество не только в обществе, но и в природе встречает сопротивление. Из физики известно, что действие порождает противодействие, которое равно ему по силе и противоположно направлено, т.е. выступает как некоторая контринновация. Это распространяется на все формы существования материи. Однако уже на биологическом уровне это противодействие может существенно превышать энергетический потенциал действия. Последнее в этом случае приобретает лишь значение пускового импульса.

Реформа, по сути дела, является определенной формой инновации, охватывающей значимые параметры общества и стимулируемой правящей элитой. Реформа, система ее ценностей имеет в конечном итоге своей задачей повышение социальной эффективности воспроизводственной деятельности общества, что требует массового распространения системы ценностей, ориентированных на прогресс.

Отсюда необходимость в качестве этого скрытого параметра, оказывающего определяющее влияние на судьбу реформы, рассматривать каждую существенную инновацию реформы, всю реформу не только в ее хозяйственных, технических и прочих параметрах, но прежде всего как ценность в каждой из значимых групп, втянутых в воплощение реформы, как ценность для субъекта реформы, т.е. всех ее значимых исполнителей. Здесь можно установить самое главное для судьбы реформы, т.е. приемлемость ее элементов для людей, возможность рассматривать ее в полярной оппозиции: "комфортное - дискомфортное", т.е. как желаемое, а возможно как негативное, пугающее, опасное. Без анализа этой проблемы никакой проект реформы не может считаться обоснованным.

Инновации, которые не санкционированы в культуре, не воспринимаются в ней как "свои", как нечто привычное, комфортное, могут вызвать в обществе мощное массовое дискомфортное состояние. Это, в свою очередь, вызывает резкое повышение агрессивности у соответствующей части населения, увеличивает попытки уничтожить, смести с лица земли неприятные инновации, вернуться к санкционированным всем прошлым опытом порядкам. Именно так в самом общем виде устроен древний эмоциональный механизм ликвидации любым субъектом собственными усилиями всех дезорганизующих новшеств: богатство культуры включает в себя основу для массового воз-

мушения против новшеств. Это является мощным фактором, парализующим инновации, реформы, но лишь в том случае, если они реально наносят ущерб картине комфортного мира, превращая его в дискомфортный. Например, внедрение рыночных отношений может у определенной части людей, поддерживающих архаичные ценности, включающие рассмотрение торговли как безнравственного типа деятельности, вызвать возмущение, сметающее реформу и реформаторов. Следовательно, в рамках воспроизводственной деятельности и, в частности, реформы существует глубоко укоренившийся мощный механизм, противодействующий изменениям. Существование такого механизма, предполагающего поляризацию ценностей и даже их систем в обществе, делает необходимым выдвигание проблемы ценностного обоснования реформы на первый план.

Отсюда возникает сложнейшая теоретическая проблема, имеющая громадное практическое значение, т.е. выявление возможности в обществе таких позитивных инноваций, которые носили бы для значимых групп характер позитивных ценностей, не вызывали бы обратную консервативную реакцию. Эта проблема мало исследована, что делает наши попытки реформ теоретически недостаточно обоснованными. Они не опираются на знание ценностных механизмов противодействия, сводя их подчас к проискам врагов.

Необходимо отказаться от представлений о реформе как о проецировании, экстраполировании наших потребностей и сложившихся ценностей в будущее, так как, кроме потребностей, есть еще мера возможностей общества, разных групп, человека. И до тех пор, пока не будет научной методики нахождения этой меры, реформы будут нести опасность самоотрицания. Позитивный опыт реформаторской деятельности других стран ничего не доказывает, так как там другие меры и ценности, другие потребности и иное их соотношение с возможностями. Здесь нужны тонкие весы, а не абстрактные поверхностные аналогии. Необходимо также отказаться от популярной, но весьма поверхностной точки зрения, что неудачи прежних реформ объясняются их недостаточной радикальностью. Во-первых, это не соответствует фактам. Например, Великие реформы, начатые в 1861 году, по своей радикальности превосходили все, что знала история в тот период. Тем не менее они, пройдя ряд этапов, включая столыпинскую реформу, завершились катастрофическим восстановлением крепостничества в неслыханных масштабах. Во-вторых, чем сильнее поток инноваций связан с реформой, чем острее ее радикальность, тем больше импульс для ее противодействия, для

контрреформы. Следует констатировать, что попытка чисто экономического решения проблем в конечном счете неизбежно приводит к многоаспектному нарушению социокультурного закона, к росту разнообразных социокультурных противоречий, к нарастанию раскола, к дальнейшему росту конфликтов ценностей. Неизбежен рост противоречий между ценностями экономического и доэкономического хозяйства, между соответствующими социальными отношениями, между разными аспектами воспроизводственной деятельности одного и того же субъекта, который действует одновременно в доэкономическом мире и в мире, требующем учета "экономических рычагов", и т.д.

Мощным источником социокультурного противоречия является рассогласование, раскол между потребностью в благах и одновременно сильнейшим отставанием потребности в творческой продуктивной деятельности создающей эти блага. Они нацелены на получение благ различными взаимоисключающими путями. Один из этих вариантов в конечном итоге требует гражданского общества и свободного предпринимательства, другой - патерналистскую систему власти, которая дарит "милость", "проявляет заботу" о своем народе. Стремление к экономическому изобилию на существующей хозяйственной основе, т.е. при господстве сообществ, в субкультуре которых преобладают ценности укрепления монополии на дефицит, является постоянным источником социокультурных противоречий. Социокультурное противоречие неизбежно проявляется во всех трех формах; т.е. внутри культуры, внутри социальных отношений и внутри воспроизводственной деятельности субъекта как противоречие между культурой и социальными отношениями. Отсюда необходимость совершенно иных критериев при проведении реформы, т.е. ее направленность на минимизацию социокультурных противоречий, соблюдение социокультурного закона. Это общее требование конкретизируется через целое, через сложную систему конкретных аспектов.

2. Требования к реформе

1. Первое и центральное требование к реформе, исходя из необходимости соблюдения социокультурного закона, заключается в *необходимости превращения раскола, конфликта ценностных систем в главную проблему реформы.* В противном случае вообще никакие значимые реформы невозможны, так как невозможно согласие по ее поводу. Решение этой задачи требует оценки любого акта реформы с точки зрения его воздействия на

сдвиги в соотношении комфортного и дискомфортного состояний у расколотых частей общества. Задача заключается в том, чтобы предвидеть возможность массового катастрофического сдвига к дискомфортному состоянию. Реформа должна быть составлена таким образом, чтобы общество могло пройти между Сциллой консервативного традиционализма, грозящего застоём, неспособного удовлетворить растущие потребности и тем вызывающего дискомфортное состояние, и Харибдой утопического абстрактного либерализма, который несёт возможность того же состояния, но совершенно по иной причине, т.е. в результате попыток изменить ситуацию, придать ей динамичный характер, резко порвать с массовыми ценностями. Противоречие между этими задачами делает реформу исключительно трудным делом.

2. Реформа должна быть направлена на преодоление особой формы раскола, особого социокультурного противоречия между, с одной стороны, содержанием массового сознания, которое может нести значительный элемент локализма, стремления замкнуть жизнь в локальных сообществах, общинах, ведомствах, группах, с другой стороны, необходимостью постоянного укрепления государства, предотвращения конфликта каждого против всех, предотвращения "ливанизации" общества, организационного распада в условиях господства локальных архаичных субкультур, атомизации всех сообществ.

3. Общество подчиняется сложным циклам изменений, например, этап господства авторитаризма может смениться этапом господства своеобразной профанной формы соборного идеала (коллективного руководства) и наоборот. Поэтому замысел реформы должен формироваться в зависимости от характера этапа, в котором предполагается реформа. Реформа обычно мыслится реформаторами как элемент прогресса общества, как его предпосылка и условие. Однако господство в обществе резких изменений, переходящих от одной крайности в другую, приводит к тому, что реформа засасывается массовым процессом, становится его формой, реальным элементом. Например, реформа, направленная на рост экономической эффективности, может в условиях роста локализма привести к укреплению системы монополии на дефицит¹. Проект реформы должен учесть господствующие в данный период времени массовые настроения, часто направленные на резкий переход от одного крайнего варианта к

---

¹ О монополии на дефицит как категории социокультурного анализа хозяйственной системы российского общества см.: Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т.3. Социокультурный словарь. С.75-79.

противоположному, так как выступать против них в лоб, пока они сами себя не истощили, бессмысленно. Но одновременно последовательное проведение реформ в соответствии с инерцией истории - а инверсионные повороты и есть такая инерция - практически означало бы, что реформа не решает задачи преодоления этой инерции, что она следует слепым силам истории, ведущим общество по пути постоянных разрушительных поворотов-колебаний от одной крайности к другой, по пути нарастающего хозяйственного упадка. В этой связи разные этапы развития общества отличаются друг от друга по степени благоприятности для реформы. В идеале реформа должна выиграть для себя время, так же как, например, запуск ракеты на Луну не может происходить в любой момент времени.

4. Реформа должна мыслиться как продолжение некоторой логики истории, что, разумеется, требует глубокой концепции мировой истории. Но одновременно реформа должна быть определенным сдвигом в этой логике, что требует, чтобы эта концепция ценностей включала в себя самокритику, самоизменение. Эта задача на порядок сложнее, чем следование логике некоторых ранее сложившихся потребностей, (например, решать проблемы избиением начальства). Постоянное следование за реформой в России контрреформы - свидетельство, что в самой реформе скрыта какая-то бомба замедленного действия. Она сегодня, как и в прошлом, заключается в том, что силы, борющиеся за демократию, фактически, независимо от субъективных устремлений сторонников демократии, выступают некоторым прикрытием для древних вечевых сил, для архаичных форм самоуправления, направленных к автаркии, неизменности, характеризующихся слабым интересом к прогрессу и т.д.² Это - докапиталистические силы, враждебные не только частной инициативе, но даже часто государственности вообще. Эти силы заимствовали свои лозунги, лексику из либерально-демократического движения, до поры до времени не выявляли обществу своей специфики, отличной от специфики либерализма. Точнее, общество, упоенное лозунгами демократии, свободы и т.д., закрывало глаза на принципиальное отличие этих сил, на их специфические ценности. Однако в определенный момент эти различия выявляются в полной мере. Сегодня, вне всякого сомнения, за лозунгами демократии, кроме реальных демократических сил, сосредоточивается

---

² Ахиезер А.С. Культурные предпосылки самоуправления рабочих // Производственно-экономические предпосылки становления рабочего самоуправления в условиях социализма. М., 1988.

реальная сила архаичных ценностей, по сути, представляющих традиционную противоположность либерализму.

Это обстоятельство крайне важно. Оно, в частности, показывает, что в обществе *раскол происходит не только между открытыми, явными реакционерами и демократами, но и внутри тех, кто собирается под лозунгом демократии*. Этот раскол рано или поздно, как это однажды произошло между февралем и октябрём 1917 г., выявит существование пропасти между ценностями либерализма и традиционализма. Это может превратиться в мощный выброс ценностей авторитаризма, ибо древние формы самоуправления органически требуют подчинения авторитету.

6. Скорость реформы не должна задаваться директивой, а постоянно устанавливаться на основе анализа каждого предшествующего шага. Попытка ускорить проведение реформы без учета присущей соответствующей культуре возможности воспринять инновацию с определенной скоростью может иметь катастрофические последствия. История мстит людям за попытки пренебречь ею, за внеисторические усилия перескочить какие-то звенья органического развития, возвращая общество к доисторическим временам. Она заставляет общество вновь пройти эти этапы, а не ограничиваться их критическим созерцанием у других стран и народов. Причем эта попытка начать с начала может иметь место в значительно ухудшающихся условиях. В то же время попытка двигаться медленно и осторожно несет в себе опасность того, что ухудшение ситуации будет иметь место быстрее, чем решение проблем. Искусство реформаторов как раз и заключается в постоянном поиске наименее взрывоопасного маршрута, но не в том, чтобы подменить один вариант катастрофы другим, например, рост массовых дискомфортных состояний в результате застоя ростом дискомфортных состояний в результате быстрого отказа реформаторов от массовых ценностей.

7. Реформа должна носить рефлексивный характер, т.е. быть направлена и на самое себя, на проблему повышения эффективности самой реформы; она должна постоянно реформировать себя на основе накопленного опыта. В конечном итоге творческий уровень реформируемого общества проявляется в способности проектировать, формировать эффективную реформу, повышать ее эффективность. Важнейшим условием повышения эффективности принимаемых решений должен быть принцип "не повреди", когда каждое решение должно стремиться, с одной стороны, значимо не повышать массовое дискомфортное состояние, и, с другой стороны, ограничить возможности перерастания раскола в битву частей расколотого общества. Решение должно пре-

одолеть инфантильность, т.е. господство примитивной культурной основы, отставшей от сложности разрешаемых проблем. Решения должны преодолевать собственную пульсацию, т.е. стремление переходить от одной крайности к другой. Они должны постоянно избегать опасности попасть в заколдованный круг, когда само решение превращается в фактор роста дискомфорта состояния. Требуется, чтобы решения в возрастающих масштабах рассматривали любые планы, проекты, прогнозы, решения как возможно утопичные, что делает необходимым для их авторов, сторонников приводить доказательства того, что их проекты не являются таковыми. Возможность утопии заложена прежде всего в примитивных инверсионных схемах, которые экстраполируют старые ценности на новые неадекватные условия. Решения в процессе формирования реформы должны постоянно преодолевать опасность "инверсионной ловушки", т.е. ошибочного предположения, что борьба со злом, избивание врага, рывок от негативной крайности автоматически ведет к добру, победе над врагом и т.д., тогда как они могут вести к противоположной разрушительной крайности, к еще более худшему злу, к катастрофе. Любое значимое решение должно быть шагом вперед к логике, нацеленной на формирование качественно нового пласта культуры, на поддержку ценностей, адекватных сложности решаемых проблем. В условиях раскола реформа не может рассчитывать на успех, оставаясь в рамках обыденного сознания, сложившегося уровня мышления, но требует постоянного его преодоления, углубления в сущностное знание.

8. В конечном итоге успех реформы зависит от возможности общества углубить массовый менталитет, лежащий в основе системы ценностей, преодолеть массовое преобладание ценностей статичного воспроизводства, уравнительности над ценностями интенсивного воспроизводства, над ориентацией на достижимость. Она должна аккумулировать массовое стремление к саморазвитию, самосовершенствованию в единстве социальных отношений и культуры. Это означает, что *реформа должна опираться на опережающее развитие культуры*. Именно это открывает культурные предпосылки преодоления раскола, преодоления социокультурного противоречия, следования социокультурному закону.

9. В методологическом аспекте - основная проблема реформы - выявление ее реального субъекта, иерархии субъектов, способных воспроизводить в своей повседневной деятельности идеи реформы. Это требует осмысления мотивов, ценностей, соответствующих субкультур, соответствующих субъектов, соответ-

ствующего анализа воспроизводственной деятельности, ее условий, средств и целей на всех уровнях. В этой связи можно использовать исторически сложившиеся понятие *почвы*, под которой следует понимать основную, решающую часть населения, дающую основу для массового, определяющего в обществе нравственного идеала, системы ценностей. Реальный субъект должен в процессе реформы рассматриваться с точки зрения специфики нравственных процессов, которые у него преобладают и на которые реформаторы могут ориентироваться. Превращение почвы из преимущественно деревенской в городскую играет при этом важную роль. В частности, это изменение связано с ростом значимости утилитаризма. Следовательно, важнейшим элементом проекта реформы должна быть достаточно четкая структура субъектов реформы, специфики их субкультур, места каждого из них в преодолении раскола, конфликта ценностей, в формировании всеобщей культурной основы воспроизводства общества.

10. Успех реформы определяется учетом специфики этнокультур, республик, регионов, соответствующих (суб)культур. В первую очередь следует учитывать гигантский разброс этнических культур на территории России, включающих различные культурные пласты - от либерального до архаичного. Важнейшее значение имеет существование или отсутствие раскола в каждой из этих культур, возможная ступень его развития, что может изменить сам характер и цели реформы. Фундаментальное значение имеет степень развития демократии, отношение к торговле, к частной инициативе и частной собственности. В принципе в масштабе каждой общности следует найти меру, адекватную исторически сложившимся условиям, средствам и целям деятельности, установить возможность соединения этой меры с теми, что выработаны в других сообществах. Сдерживающим фактором здесь является опасность возникновения конфликтов, которые чреватy в свою очередь стремлением ответить на сложность ситуации либо максимально централизацией (вплоть до возвращения авторитаризма и даже тоталитаризма в России), либо максимальной децентрализацией, отрывающей от России целые области, республики, регионы, толкающей к автаркическим решениям, к натурализации хозяйства.

11. Проект реформ должен включать в себя критику всех значимых нравственных идеалов, систем ценностей, каждая из которых несет в себе некоторый проект идеального общества. Необходима критика каждого из этих проектов, массовых нравственных идеалов, лежащих в их основе с точки зрения их соотношения с задачами реформы. При этом важнейшее значение

имеет критическое преодоление мифов массового сознания, стойких, исторически сложившихся заблуждений, различных форм фетишизации и т.д. Однако реформа не может игнорировать существование массовых заблуждений, которые могут стать основой массового поведения независимо от того, что, возможно, они - чистая утопия, неизбежно несущая в себе глубочайшее социокультурное противоречие.

Следовательно, проект реформы должен в идеале содержать прогноз изменения значимых для реформы идеалов и ценностей, например, возможного проекта изменения традиционного сознания в результате развития различных форм экономической деятельности.

12. Реформаторы не могут не учитывать, что негативно оцениваемая ими система хозяйства основана на гипертрофированном развитии и господстве доэкономических отношений, на патологической диспропорции хозяйственных отраслей, на принудительной, силами государства перекачке всех видов ресурсов, включая рабочую силу. Эта система может быть названа *псевдо-экономической*, так как основана на попытке имитировать формы экономической жизни силами архаичных административных институтов, управляющих хозяйством как натуральным. Она не может быть административно отменена, так как к ней приспособилась основная часть членов общества, у которых преобладает стремление адаптироваться к исторически сложившимся условиям над стремлением к их совершенствованию. Исторически сложившийся порядок, если даже он угрожает обществу катастрофой, обладает мощной силой сопротивления изменениям, и тем самым представляет опасность для реформы, реформаторов и в конечном итоге для общества.

Задача реформы - не в одной ломке, так как на развалинах, кроме крыс, не может ничего возрасти, но стимулирование возникновения новых жизненных форм, новых ценностей. *Реформаторы не могут их изобрести, но лишь найти в самом обществе.*

13. Развитие начинается в конкретных формах в определенных анклавах, прежде всего в наиболее культурных цивилизованных центрах. Отсюда, кстати, опасность уравнивательных ценностей, которые как раз и нацелены на ликвидацию точек роста, парализуя тем самым всякое развитие. Именно поэтому уравнивательность и попытки прогрессивных реформ выступают как несовместимые, взаимоисключающие явления. Отсюда - необходимость решения реформаторами двух задач, находящихся в противоречии между собой. С одной стороны, они должны опираться на очаги прогресса в обществе, точки роста, где, соб-

ственно, и находятся конструктивные силы прогресса и способствовать их развитию. С другой стороны, сама эта политика может усилить раскол в обществе и, следовательно, опасность роста массового дискомфорта со всеми вытекающими, возможно катастрофическими последствиями. Следовательно, перед реформаторами встает тонкая, сложная задача: необходимо, с одной стороны, культивировать очаги прогресса, новых ценностей, без чего реформа невозможна, а крах неизбежен. С другой стороны, необходимо избежать массового страха, вызываемого этими центрами (достаточно вспомнить извечное поношение больших городов) как нарушителями нравственности и прежде всего уравнительности. Это также может вызвать массовое дискомфортное состояние.

14. Наиболее трудным пунктом реформы является необходимость отказа от различных форм фетишизма, т.е. от стремления свести сложный путь реформы к какому-то возможно важному, но не единственному ее аспекту, например, к экономическому. В принципе авторы реформы должны отказаться от своеобразной фетишизации конструктивных решений, т.е. от веры, что технократы, власть могут придумать и внедрить некоторый идеальный вариант реформы. В идеале реформа не может навязываться обществу, но лишь стимулировать уже имеющиеся место процессы, в крайнем случае возродить те, которые ранее имели место. Они должны сочетаться с формированием на почвенной основе более сложных и развитых форм деятельности.

Реформам в России всегда недоставало значимых знаний об обществе. Это характерно, например, для реформ, начавшихся в 1861 году. Реформы всегда основывались на сочетании двух взаимоисключающих заблуждений. Речь идет прежде всего об *основном заблуждении массового сознания*, т.е. убеждении народа, что начальство все может, если, конечно, захочет, и не позволит себя одолеть порокам, корысти, злым силам и т.д. Следовательно, начальство якобы может посредством реформы достичь обещанных целей. Второе заблуждение - это *основное заблуждение интеллигенции*, которое заключается в том, что народ якобы может все, если его освободить от давящей угнетающей силы власти, бюрократии, начальства, эксплуататоров и т.д. Обе точки зрения идут от тотемизма, от веры в могущество тотема, который синкретически сливается с родом, племенем и одновременно с вождем, главой рода и т.д. Поэтому все реформы в России опираются на два противоположных, отрицающих друг друга принципа, т.е. на стремление освободить народ, который тем самым все решит как надо и еще научит интеллигенцию, и одновременно подчи-

нить народ той программе освобождения, которую выработает вождь, группа просветителей, высшая власть и т.д. Ни одно из этих представлений не может быть воплощено до логического конца, что всегда дает основание сторонникам обеих точек зрения сказать, что реформа проводилась неправильно, непоследовательно. При этом, однако, не принимается во внимание не только то, что в расколотом обществе ни один из этих иллюзорных принципов невозможно довести до логического конца, но и то, что доведение до логического конца иллюзорного принципа может привести лишь к катастрофе. И сегодня эти две иллюзии продолжают господствовать. Они представляют лишь две стороны веры в некоторый высший принцип, в спасительность некоторой внешней силы для социального действия. Последняя лишь различно называется в зависимости от прошлых разочарований. Народ и власть - это два божества. Они интерпретируются то как вера в Сталина, партию, науку, принцип свободы от начальства, то как вера в свободу, что слишком часто отождествляется с архаичной верой в практически безответственную волю, которая сама в себе самоценна.

15. Развитие культуры не сводится к просвещению, к созерцанию результатов высшей культуры, хотя оно без этого невозможно. Формирование культуры, рост новых ценностей в динамичном обществе имеет место в процессе качественного развития воспроизводственной деятельности, вовлечения людей в демократический процесс, формирования ответственной деятельности общественного субъекта. *Демократия - система общения, способная изменять границы между дискомфортным и комфортным состояниями*, например, при определенных условиях сделать приемлемым для традиционалистского сознания ценности большого общества. Этот процесс оказывает мощное воздействие на содержание личностной культуры. Развитие демократии, гражданское общество требуют определенных предпосылок, что и должно быть учтено реформаторами. Их отсутствие будет лишь означать, что демократические формы превратятся в мощный канал выброса в общество ранее скрытых архаичных представлений. Важнейшей предпосылкой демократии является развитие товарно-денежных отношений, определенный уровень частной инициативы, развитие слоя ответственных собственников, среднего класса, способного выступать не только как поддерживающая стабильность общества основа демократии, но и как продвинутый субъект творчества во всех его формах, включая экономическую. Важнейшая задача реформаторов - искать оптимальное соотношение различных форм творчества, предупреждая

общество о чреватых катастрофическими последствиями переко-
сах.

Отправным пунктом реформы является изменение методоло-
гии и организационных форм принятия основополагающих
решений, которые были бы нацелены на последовательный по-
вседневный поиск путей преодоления раскола, на преодоление
системы, когда все значимые решения в обществе обладают уни-
кальным характером, т.е. представляют собой цепь решений, где
последующее решение отменяет предшествующее, где все реаль-
ные процессы разрешаются в порядке исключения, где все за-
преты нарушаются, где все разрешения отменяются, где одно-
временно надо "искоренять" и "укреплять". Сама эта система сво-
еобразных хромающих решений, система штурмовщины, компа-
нейщины, авралов и т.д. является не случайностью, но игнориру-
емым нашей наукой результатом приспособления общества сво-
ими ценностями и институтами к глубоко зашедшему расколу.
Реформа лишь тогда не повернет к своей противоположности,
когда реформаторы "нащупают" те методологические, культур-
ные, организационные формы, которые позволят обществу
встать на путь преодоления расколотых решений.

Все перечисленные выше пункты - не конкретный план ре-
формы, но лишь некоторые элементы методологического и те-
оретического ее обоснования.

Реформа в обществе, в отличие, например, от починки авто-
мобиля, требует не только изменения каких-то параметров обще-
ства, которые "пришли в негодность" или недостаточно эффек-
тивны. Эффективная реформа требует ответа на вопрос, воз-
можно ли в принципе воплощение данного проекта не "запрещен"
ли он, как, например, запрещены в биологии (но не в искусстве,
не в человеческой фантазии, в мысли) крылатые лошади.

В качестве примера таких запретов, имеющих общее значе-
ние для реформаторов, можно указать на невозможность суще-
ствования общества, стремящегося к росту и развитию на основе
дориночного хозяйства; на несовместимость системы
"хромающих" решений и механизмов прогрессивного развития
общества; на недопустимость отмены организационных интеграторов
общества при отсутствии осязтимого компенсационного
развития культурных интеграторов и т.д. В обществе, во всех
сложных случаях должна определяться мера возможности нару-
шения соответствующих параметров³.

---

³ Это дает возможность сформулировать идею о существовании скрытых
"критических порогов" в обществе, его отдельных элементах и подсистемах.

Важным элементом деятельности реформаторов должно быть исследование, - не приведут те или иные изменения в обществе в результате реформы к массовому протесту, не "запустит" ли она в ход движущие силы контрреформы. Это требует постоянного поддержания комфортного социально-психологического состояния в критической массе общества. Реальная реформа есть прежде всего политическая проблема в том смысле, что правящая элита, *реформаторы могут добиться своей цели лишь тогда, когда за ними пойдет некоторая критическая масса людей, значимых как субъекты реформы.* Решение этой задачи требует внести в центр реформы выявление и стимулирование ее субъекта, что предполагает отказ от административных методов внедрения реформы, которые могут быть разрушительными для этого субъекта, вызвать к реформе массовое негативное отношение. Реальный проект реформы может быть составлен лишь для конкретной системы власти, с учетом господствующей системы ценностей. Реформы при господстве авторитаризма или либерализма - практически и теоретически разные реформы.

Реформа не может превратить страну в гигантскую армию, которая от моря и до моря сможет наступать по всему фронту. Реформа может двигаться лишь по тонкой, еле видимой, возможно исчезающей тропке. Она должна постоянно корректировать свое движение способностью формировать меру преодоления дуальной оппозиции: "активизация реального субъекта реформы - административное внедрение реформы". Смещение меры ко второму полюсу превращает реформу в контрреформу, в негативную ценность в представлениях субъекта. Например, реформаторы не могут не учитывать, что система псевдоэкономики основана на гипертрофированном развитии и господстве доэкономических отношений, на патологической деятельности, пытающейся превратить развитые формы производства в элементы натурального хозяйства. Однако в попытке ее быстрой административной "отмены", если это было бы возможно, есть опасность. К существующему порядку адаптирована основная часть населения и его слом вызвал бы разрушение всей системы распределения дефицита, что в свою очередь может вызвать превращение реформы в негативную ценность. Исторически сложившийся порядок, который даже, как это очевидно специалистам, угрожает существованию общества, тем не менее может иметь мощную опору в массовых ценностях.

См., в частности, *Ахизер А.С., Гальц Г.А.* Критические пороги социальных систем // *Общественные науки и современность.* 1992. №1.

Элементы реформы должны быть найдены в самом обществе. Это прежде всего требует стимулирования массовых или групповых исторически сложившихся почвенных традиций, например, различных промыслов, ремесел, торговли и т.д. Их следует стимулировать, насаждать на них финансовые, банковские институты, систему их обслуживания, сбыта и т.д.

Перевод промышленности, в которой господствуют доэкономические отношения, на рельсы экономики возможен прежде всего в результате мощного давления с разных сторон: снизу, т.е. со стороны торговли и сельского хозяйства, где уже в силу ранее проведенных реформ экономические отношения получили преобладающее влияние; сбоку, т.е. со стороны анклавов экономической деятельности в самой промышленности; сверху, т.е. со стороны государственного аппарата, законодательства, которые обеспечивали бы соответствующую защиту от сил уравнительности и унификации, от монополии на дефицит. Аналогичная ситуация в сельском хозяйстве, перевод которого на экономические рельсы возможен лишь при мощном нажиме со стороны посреднической торговли, ориентированной на рынок, со стороны различных прогрессивных форм производства, включая и частные хозяйства.

Развитие рынка должно идти в соответствии с определенной последовательностью исторического развития отраслей. Начинать, очевидно, следует с тех из них, которые максимально близки к естественным ресурсам, т.е. могут пускать их в оборот при минимуме зависимости от сопряженных хозяйственных связей. Таковы, например, торговля, добыча природного сырья, сельское хозяйство, строительство. Вероятность катастрофического эффекта попытки провести экономическую реформу повышается в зависимости от возможности защитной цепной реакции сложной хозяйственной системы. Например, разрыв хозяйственных связей в результате роста автаркии как реакции на попытку внедрить рынок может охватить, как смерчь, все хозяйство. Поэтому реформаторы должны предусмотреть определенные ограничения таких возможностей, подготовив механизмы амортизации при возникновении подобной опасности, опираясь на административную связь, на накопленные государством ресурсы и т.д.

Над каждым значимым, реальным шагом реформы постоянно будет висеть угроза катастрофических изменений. Например, попытка развить рынок может превратиться фактически в усиление монополистов-держателей дефицита, что в свою очередь сократит производство, уменьшит номенклатуру произво-

димой продукции, разорвет невыгодные с точки зрения обмена дефицита на другой дефицит связи и т.д. Отсюда необходимость подготовки к подобным явлениям, опоры на административные системы, на накопленные запасы и т.д. Нужно создавать предварительно в тылу новые "линии обороны" с тем, чтобы в момент возможного краха реформы жизнеспособные силы общества не были сметены и обращены в беспорядочное бегство, оставляя страну на разграбление массовому хаосу.

Реформа может быть реализована лишь при опоре на значимые движущие силы, на носителей значительных источников социальной энергии, явных или потенциальных ценностей. Между тем силы торможения инноваций, реформы в целом неизбежно остаются до тех пор, пока существует присущее традиционализму разнообразие форм превращения любой инновации в фактор накопления энергетических ресурсов, направленных против этих инноваций. Эта преграда кардинально снимается лишь за рамками традиционной цивилизации, в более сложном обществе, где создаются социокультурные механизмы, способные превратить инновации в возрастающую ценность, в энергию развития, совершенствования. Это общество носит значительно более сложный характер, предъявляя к человеку более сложные требования, превращает развитие культуры, социальных отношений в ценность человеческой деятельности, формируя более сложный менталитет, более сложный образ жизни.

По сути дела, реформаторы пытаются быстро создать лишь отдельные элементы этого общества, необходимые, как кажется, для того, чтобы обеспечить экономическое развитие. Однако попытка заставить миллионы людей в краткий срок воспроизводить существенно более сложное общество, чем то, в котором жили они или их предки, не может быть успешной. Неудачи имевших место до сих пор проектов реформ связаны не с тем, что какие-то злодеи сумели вопреки желаниям большинства ее сорвать, но с тем, что реформаторы хотели невозможного в ограниченные сроки. К более сложному обществу, которое превращает энергию внешних воздействий, инновации в фактор развития, совершенствования, лежит длинный и сложный путь.

**ИЗЖИВЕТ ЛИ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС?
(ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОГНОЗА)**

Социокультурные сдвиги на микроуровнях общественной жизни создают предпосылки для более масштабных социокультурных изменений. В конце концов история, историческая динамика общества вырастает из множества микродвигов - миллионов поступков и решений, личных выборов, делаемых людьми. Можно ли прогнозировать путь динамики общества в целом? Возможен ли социокультурный метод прогнозирования? В чем он состоит для России?

Прогнозирование есть особая форма подбора и обработки некоторой совокупности показателей прогнозируемого процесса, на основе чего строится гипотеза его дальнейшего протекания. При этом движущая сила прогнозирования остается за кадром. О ней можно судить опосредованно, как о болезни по симптомам, как об огне по дыму и т.д. В идеале - предметом прогнозирования должны быть непосредственно сами движущие силы динамики общества, некоторый социальный субъект, его мотивы и соответствующая продуктивная воспроизводственная деятельность. Непосредственная возможность прогнозирования движущих сил интересующих нас процессов в обществе позволила бы получить новые результаты. Для этого необходима теория, которая выделила бы подлежащий прогнозированию процесс и его реального субъекта.

1. Категориальный аппарат прогнозирования

Социокультурный подход к прогнозу основан на теории, которая может быть представлена особым, специально для решения этой задачи сформированным категориальным аппаратом. Он должен быть одновременно приспособлен для обоснования принципиальных основ механизма функционирования прогнозируемого объекта. Движение в этом направлении начинается с качественных оценок, а затем переходит к количественным. Возникает необходимость в формировании некоторой последовательности уровней шагов прогнозирования, определения их иерархии.

При этом прогнозирование выступает как определенным образом организованное движение мысли от одного уровня абстракции к другому, от абстрактного к конкретному. В этом движении прогноз должен шаг за шагом приобретать конкретное содержание. Если конечный пункт прогноза должен быть максимально конкретным, то исходный пункт не может не быть абстрактным. Эффект прогнозирования определяется в итоге способностью последовательно доводить прогноз до максимальной конкретности.

Исходной категорией социокультурного прогнозирования является *объект*, т.е. некоторая особая, обладающая определенной структурной и функциональной спецификой область реальности, которая может быть логически и эмпирически выделена исследователем, опирающимся при этом на свои концептуальные представления о мире (философские, социально-философские и т.д.), на накопленный социокультурный опыт. Построение прогноза включает представление о способности этого объекта к спонтанной жизнедеятельности, функционированию, т.е. он одновременно рассматривается как субъект - источник и носитель функции. Налицо субъект-объект, т.е., способный к рефлексии, к превращению самого себя в объект своего познания и деятельности. Выделение этого субъекта-объекта есть первый исходный шаг прогнозирования.

В центре внимания должен находиться прогноз способности субъекта воспроизводить самого себя, эффективность этого процесса. Тем самым рассуждения о прогнозе приобретают векторный характер, иными словами, он должен быть ориентирован на изменение воспроизводственной эффективности, на возможность повышения эффективности, поддержание его в допустимых границах. В человеческой истории эффективность возрастает в процессе цивилизационного развития. Цивилизация - типологическая единица человеческой истории и существует в единстве культуры и социальных отношений. Соответственно первый категориальный уровень прогноза должен быть конкретизирован в понятиях социальных наук.

Как было показано в главе 2, центральным различием между цивилизациями является различие в типах воспроизводства, в характере эффективности, массового воспроизводства. Любой объект прогнозирования должен быть *цивилизационно* определен, т.е. с максимальной точностью должно быть обозначено его место в системе цивилизаций. Это позволит определить ожидаемый уровень, характер воспроизводства и его эффективности. Таким

образом, следующий второй шаг конкретизации - определение цивилизационной принадлежности прогнозируемого объекта.

Выше было показано, что российское общество уже давно совершает попытки встать на путь модернизации, в нем неуклонно развивается утилитаризм, усиливается влияние либерализма, но из-за социокультурного раскола оно "застряло" между двумя цивилизациями. По сути дела, признание расколотости на цивилизационном уровне является следующим третьим шагом движения к достаточно конкретному прогнозу, так как существование социокультурного раскола, во многом определяющее мотивы и поступки людей в обществе имеет важнейшее значение для прогнозирования. Как уже говорилось, из-за раскола в обществе складываются очаги, постоянно порождающие дезорганизацию, что парализует возможность прогрессивных изменений, модернизации.

2. Модифицированные циклы динамики

Проблемы прогноза динамики России требуют изучения общества как целостности. Специфика социокультурного подхода на этом этапе рассмотрения нацелена на анализ способности соответствующего сообщества-субъекта обеспечить достаточно эффективное воспроизводство, сохранить себя вопреки внешним и внутренним опасностям, вопреки вызову истории. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения циклических колебаний, своеобразных ритмов не только как внешней силы, навязанной субъекту обстоятельствами, но как внутренней логики самого субъекта. В этом заключается переход к четвертому шагу прогноза. Проблема формирования прогноза конкретизируется, т.е. она включает прежде всего способность проследить исторически сложившиеся ритмы, которые, если они апробированы на значительном отрезке истории общества, оправдали себя (во всяком случае такая гипотеза правомерна) как достаточно эффективный путь воспроизводства соответствующего сообщества. Эта логика должна быть в центре внимания всякого прогнозирования, которое строит прогноз человеческой деятельности в любой ее форме. Она непосредственно проявляется в процессе включения в систему исторически сложившихся феноменов, которые либо вообще не существовали как некоторые единицы смысла, либо существовали, но требуют конкретизации, отказа от элементов иллюзий и т.д.

Вся структура накопленной культуры, культурного богатства организована как система дуальных оппозиций. Культура высту-

пает не как хаос накопленного опыта, хотя элементы хаоса, дезорганизации существуют в любой культуре, но как поляризованное целое. Культура всегда поляризована на добро и зло, на верх и вниз, на наше и чужое, на "Мы" и "Они" и т.д. и т.п. По сути, вся культура представляет собой все усложняющуюся систему таких поляриностей. Эта система образует необходимую основу осмысления явлений. Например, любое новое явление, или старое, но подлежащее переосмыслению, осмысляется прежде всего посредством соотнесения с тем или иным полюсом оппозиции. Сосед, другой народ и т.д. могут быть по этой системе осмыслены как воплощение некоторого "Мы", т.е. как носитель оппозиции добра, или как "Они", как носитель зла, как злодей, готовый истребить "Нас" до последнего человека. Главное, однако, в том, что это соотнесение осмысляемого явления с одним из полюсов (оно может быть названо партиципацией или приобщением, сопричастностью) означает одновременное отпадение от другого полюса. По логике инверсии эти два явления имеют место одновременно, т.е. представляют собой две стороны одного и того же процесса. Инверсия есть оперирование исторически сложившейся культурой, накопленным, готовым, сложившимся знанием. Инверсия не означает безальтернативности, но альтернатива по логике инверсии всегда означает повторение уже ранее имевших место альтернатив, результатов накопленного опыта. Инверсия выступает как некоторая форма консервации исторически сложившейся культуры и отношений, ритмов, как средство адаптации к этим ритмам. Именно инверсия необходима для воспроизводства исторических циклов как логическая форма вечного возвращения, вечного цикла. Логика инверсии возможно позволяет поддерживать исторически сложившийся уровень эффективности, использовать исторически сложившиеся методы достижения эффективности воспроизводства.

Ограниченность инверсии преодолевается медиацией. Инверсия и медиация - полюса дуальной оппозиции логики осмысления. Медиация в отличие от инверсии воплощает стремление человека постоянно выходить за рамки исторически сложившихся смыслов. Суть медиации в том, что, следуя ее логике, человек осмысляет явления не только посредством перехода от отпадения к приобщению, но постоянно конструирует некоторое среднее решение, не совпадающее ни с одним из ранее достигнутых результатов. Медиация - стремление выйти за рамки ограниченности каждого из полюсов и достигнуть новых результатов, которые втянут в себя новый, ранее неизвестный эмпирический и теоретический материал. Тем самым преодолевается ограни-

ченность прошлого смысла и формируется качественно новый смысл. Новый смысл всегда есть некоторая мера преодоления полярностей ранее сложившейся дуальной оппозиции. Этот результат всегда есть нечто новое. Его можно назвать в соответствии с философской традицией срединной культурой, т.е. принципиально новым результатом, не совпадающим с полюсами ранее сложившейся оппозиции.

Анализ логики осмысления позволяет перейти к следующему, пятому шагу формирования прогноза, т.е. перейти от категориального уровня рассмотрения к уровню анализа социокультурных процессов, социокультурной динамики. Этот результат есть новая мера рефлексии, акт прогресса. Логика осмысления лежит в основе формирования логики культурной программы воспроизводства и тем самым и в основе воспроизводственной деятельности. Следовательно, прогнозирование как логическая задача есть выявление возможностей соответствующего сообщества-субъекта выходить за рамки инверсии, подыматься с одного уровня медиации к следующему. Это является предпосылкой более эффективного воспроизводства, способности сообщества-субъекта воспроизводить себя вопреки энтропийным процессам, давать достойный ответ вызову истории.

Переход прогнозирования непосредственно в сферу анализа социокультурных процессов требует дальнейшего многоэтапного углубления в этот предмет. Следующим, шестым шагом в этой связи должен быть анализ социокультурных циклов динамики России. Проведенные исследования показывают, что *история России представляет собой циклический процесс, в основе которого лежит движение массовых нравственных идеалов.*

Каждый из циклов включает этапы, т.е. некоторый исторический отрезок, для которого характерно господство, а затем отхождение в тень определенного нравственного идеала. Сменяющие друг друга идеалы образуют некоторый цикл, последовательную смену этапов, подчиняющуюся определенным закономерностям. *Всегда с момента установления государственности общество прошло два полных цикла. И есть основания считать, что сегодня мы живем в начале третьего.* Эти циклы выглядят следующим образом¹:

---

¹ См. подробнее: *Аннотация А.С. Россия: критика исторического опыта.* М., 1991. Т.1-3.

Таблица 1

Динамика нравственных идеалов в обществе	I цикл - от начала государства до его краха в 1917 году	II цикл - советский	III цикл - от августа 1991
I этап. Господство раннего соборного нравственного идеала	От начала государства до удельной Руси	От начала новой государственности до середины 1918 г.	Современный этап
2 этап. Господство умеренного авторитарного идеала	От Ивана Калиты до Великой смуты	Военный коммунизм	Область краткосрочного прогноза
3 этап. Господство раннего идеала всеобщего согласия	От смуты до царствования Алексея Михайловича	НЭП	Область среднесрочного прогноза
4 этап. Господство крайнего авторитаризма	От конца царствования Алексея Михайловича до Анны	Сталинизм	-"
5 этап. Господство позднего идеала всеобщего согласия	От манифеста о вольности (1762) до восстания декабристов (1825)	"Оттепель"	-"
6 этап. Господство позднего умеренного авторитарного идеала	Царствование Николая I	"Застой"	-"
7 этап. Господство позднего соборного идеала, приобретающего форму соборно-либерального	Этап реформ до 1917 г.	"Перестройка"	-"

Констатация существования циклов открывает непосредственную возможность их прогнозирования, экстраполяцию их в будущее, что можно рассматривать как седьмой шаг прогнозирования. Первая такая попытка на основании этих циклов была проделана мною в 1979 году, т.е. в шестом (предпоследнем) этапе второго периода, на этапе так называемого зстоя. Не приходится доказывать, что о публикации результатов в то время не могло быть и речи. В 1979 году была сформулирована гипотеза, что второй (советский) период будет разворачиваться на основе исторически сложившейся инерции истории. Это предположение исходило из скрытой предпосылки, что реализация этой инерции будет происходить быстрее, чем изменится значимое для динамики страны отношение между масштабами и глубиной инверсии и медиации, т.е. предполагалось, что не следовало ожидать достаточно быстрых и существенных сдвигов в их отношениях. Была высказана прогнозная гипотеза, что шестой этап инверсионным образом сменится седьмым, когда наступит время реформ. Предполагалось также, что седьмой этап завершится крахом государственности, катастрофой, что и имело место в результате развала СССР в 1991 году. В основе этого прогноза лежала мысль что Россия при окончании второго периода не сможет преодолеть своего промежуточного состояния, не сможет войти в либеральную цивилизацию. Высокая вероятность катастрофы прогнозировалась на основе того, что определенная ее возможность существует при любом переходе от каждого этапа к последующему. Но при окончании глобального периода ее вероятность резко повышается. Это связано с мощным разрушительным локализмом (т.е. разрушением организационных интеграторов общества в условиях господства культуры, несущей крайне слабый потенциал интеграции), доходящим на стыке периодов до крайней разрушительной точки. Во-вторых, в конце периода, кроме обычного дискомфортного состояния, накопившегося в конце каждого этапа, накапливается также остаточное дискомфортное состояние. Оно накапливается на протяжении всего периода в целом, угрожая не только порядкам, сложившимся на очередном этапе, но и порядкам, специфически для всего периода. В конце первого периода это привело к краху организации власти и идеологии монархии, во втором случае это привело к краху советскую систему, единовластие большевизма.

В основу прогноза было положено представление о том, что в принципе из промежуточного характера, в котором находится Россия, возможно три варианта дальнейшей динамики. Отсюда возникает восьмой шаг прогнозирования, для которого харак-

терна проработка альтернативных вариантов прогноза, но в рамках уже сложившихся, имевших место вариантов циклов. Иначе говоря, в рамках этих представлений обсуждается вопрос о том, состоится ли в обозримый период переход к следующему этапу. Еще в прогнозе 1979 года наиболее вероятным рассматривалось продолжение модифицированного инверсионного цикла в рамках промежуточной цивилизации, т.е. прогнозировалось окончание второго периода по схеме уже однажды имевшей место. Прогнозировалось также начало нового третьего периода. В качестве второго варианта динамики промежуточного состояния предполагалась возможность выхода общества в результате реформ за рамки промежуточной цивилизации, превращения России в страну либеральной цивилизации. Признавался возможным, хотя и маловероятным, возврат из промежуточной к традиционной цивилизации. Переход к нему признавался возможным через минимизацию разнообразия, подавления медиации, творчества и т.д. На этом этапе прогнозирование сталкивается с существованием двух типов альтернатив, которые входят в центр внимания при рассмотрении двух типов конкретизации реального прогноза. Существует возможность альтернативы, которая уже содержится в накопленном историческом опыте, и которая может быть реализована через инверсию, т.е. через попытку подменить один вариант прошлого опыта другим. По сути дела, эта альтернатива есть реализация некоторой исторической инерции. Эта альтернатива является формой реализации циклов, их повторения. Здесь всегда возможна определенная альтернатива между продолжением старого этапа и перехода к следующему. Этот тип альтернативы, логически остающийся в рамках инверсионной логики, дает определенные предпосылки для прогнозирования. В прогнозе 1979 года излагалась точка зрения, что максимальную вероятность имеет прогноз движения по сложной сложившейся исторической кривой в результате сочетания двух форм социальных изменений при ярко выраженном преобладании инверсионных изменений. По сути дела, этот прогноз основан на экстраполяции исторически сложившегося опыта на будущее.

На этом уровне конкретизации прогноза был сделан вывод о том, что смена этапов - результат неустойчивости общества, ориентированного на некоторый массовый идеал, который, однако, вскоре выявил свою нефункциональность. В прогнозе 1979 года можно прочесть: "Не исключена возможность, что и третий глобальный период не приведет к либеральной цивилизации. Невозможно предвидеть, каковы будут результаты господствующего в его рамках нравственного идеала такого варианта развития.

Возможно, что общество не выдержит бесконечных колебаний между двумя типами цивилизаций: судьба некогда могущественных империй может дать некоторые аналоги прогнозирования судеб России².

3. Проблема альтернативы в прогнозе

Исследование возможных новых значимых для общества, для его прогноза альтернатив, выходящих за рамки исторической инерции, является следующим, девятым шагом прогнозирования. Исторически, циклы сложились как результат определенного давления медиации на инверсию, постоянной массовой критики сложившейся инверсии. В результате этого давления общество практически после каждой инверсии, строго говоря, не возвращалось к исходной точке. Инверсия подчас поворачивала назад, возникала вялая инверсия, складывался *модифицированный инверсионный цикл*. Он - результат раскола между инверсией и медиацией, некоторая устойчивая результирующая этих двух форм логики. Задача конкретизации прогноза в этой связи переходит в прогноз возможности смещения исторически сложившихся циклов, в процессе изменения модифицированных инверсионных циклов. На этом уровне конкретизации в центре внимания должна стать *критика исторического опыта*, т.е. в данном случае критика сложившегося уровня эффективности воспроизводственной деятельности, если выявляется ее недостаточность для воспроизводства соответствующего субъекта-сообщества. Она включает теоретическую критику, способность анализа сложившейся программы, что необходимо для ее изменения. Но она включает и практическую критику, т.е. способность изменить, усовершенствовать воспроизводственный процесс через развитие, углубление его культурной программы. Это приводит к изменениям в воспроизводственном процессе, в воспроизводстве социальных отношений, эффективности воспроизводства и т.д.

Промежуточное положение России между двумя цивилизациями постоянно взывает к альтернативам. Отсюда бесконечные споры о месте России в мире, поляризованном на Восток и Запад³. Необходимо выявление факторов, которые могут оказывать значимое воздействие на возрастание или уменьшение вероятности альтернативы в последующей динамике. Анализ историчес-

---

² Ахиезер А.С. Критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991. Т.2. С.330.

³ Ахиезер А.С., Матвеева С.Я. "Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку..." // Атмода. Рига, 1990. 29 апр.

кого опыта России вынуждает признать, что весь этот опыт, циклическая динамика общества свидетельствует об исключительной прочности исторически сложившегося соотношения между инверсией и медиацией. Это позволяет пока придерживаться некоторой презумпции исторической инерции над возможностью значимых альтернатив, выходящих за рамки исторически сложившихся циклов. Исследование должно не только постоянно выявлять реальную обоснованность этого вывода, но одновременно пытаться его опровергнуть - переосмысливая историю и анализируя новые процессы, которые могли бы изменить ситуацию. Здесь первостепенное значение имеет не только отслеживание реальных процессов, но и теоретическое выделение факторов, которые могли бы усилить альтернативы господству инверсионных циклов, т.е. медиационное развитие. Именно здесь могут оказать решающее значение живые силы общества, поднявшиеся на новый уровень рефлексии.

Вся изложенная методология подводит к мысли, что реальные инновации при всем их потенциально бесконечном разнообразии имеют смысл лишь в том случае, если они реально определяют изменения в соотношении между инверсией и медиацией, сдвигают некоторую точку равновесия между ними. Именно в этой точке лежат возможности изменения циклов, дальнейшей модификации инверсионного цикла, повышения значимости прогрессивного развития, оттеснения инверсии на задний план. Отсюда необходимость выявления факторов, реальных социальных сил, значимых для обнаружения этих альтернатив.

4. Факторы альтернативной динамики

Реальная новая альтернатива может выявиться лишь тогда, когда она достигнет определенной степени интенсивности и будет подхвачена массовым поведением. Необходимо также выяснить, не приведет ли рост этого фактора к реальной активизации противоположных сил, не вызовет ли альтернатива эффект бумеранга. Он уже неоднократно имел место в России, например, когда активизация рыночных отношений в начале века вызвала мощную антирыночную волну, приведшую к натурализации хозяйственных отношений. Лишь при достаточном масштабе и массовом влиянии рынка открывается возможность прогнозировать переход к либеральной цивилизации.

Какова же реальная возможность этого процесса? В любом варианте проекта реформы можно выделить прогнозный элемент. Предлагаемые в 1991 году проекты несли прогноз, опира-

ющийся на быстрое, чуть ли не молниеносное развитие товарно-денежных отношений. Однако исследования говорят о том, что на быстрое развитие рыночного менталитета рассчитывать пока не приходится⁴. Они показывают, что налицо симптомы массового дорыночного поведения. По мнению культуролога К.Касьяновой, "пока рынок в тех формах, в каких он у нас вводится - вне культуры..." Наша культура склонна "репрессировать" слишком индивидуалистичный "генотип"⁵. По некоторым данным, лишь 4-5%, максимум 10% населения страны обладают истинной предпринимательской жилкой⁶. Исследования в Пензе показали, что "нарождающиеся у нас коммерческие структуры вызывают у большинства неприязнь, раздражение, презрение и даже ненависть. Массовое мнение однозначно: эти структуры криминальны по своей сути. Раздражают людей реклама, не имеющая к ним никакого отношения, слово "господа" из уст заносчивых юнцов, толкучки с массой перекупщиков...". Особенно отрицательно настроены учителя, кадровые рабочие, квалифицированные молодые рабочие⁷. Мнение о существовании многочисленной прослойки предпринимателей, чуть ли не массового предпринимательства до октября 1917 года, как об этом свидетельствуют издания того времени, слишком преувеличены. Изучение массового поведения людей в хозяйственной области в прошлом и настоящем России пока не дают материала для прогноза скорой и последовательной альтернативы, коррекции исторически сложившихся циклов, решительного сдвига в соотношении двух цивилизаций в обществе.

Любой прогноз опирается на некоторую явную или скрытую концепцию. Выход на содержательную концепцию прогнозируемого явления можно рассматривать как десятый шаг прогнозирования. Анализ концепций, которые современные реформаторы кладут в основу своих проектов, необходим для выявления того, на каком уровне заложена реальная или возможная ошибка прогноза: на концептуальном, на уровне методологии воплощения, на оперативном и т.д. Особенно опасны концептуальные просчеты. Авторы практически всех предлагаемых для России про-

---

⁴ Ахизер А.С. Дебри неправды и метафизика истины//Общественные науки и современность. 1991. №5.

⁵ Касьянова К. Еще раз к вопросу о Магомте и горе//Знание - сила. 1992. №1. С.17.

⁶ Чернов Е. Централизм: цель и окно в будущее//Диалог. 1991. №12.

⁷ Очкина А. Провинция дремлет. Но все может измениться быстро и неожиданно//Биржевая газ. Пенза,1992. №28-29. С.11.

грамм перехода к рынку между вторым и третьим периодами исходят из представления, что в стране существует экономика в том смысле, в каком привыкли вкладывать в это слово на Западе. Проблема, по их мнению, заключается в том, что эта экономика больна. Поэтому фактической целью предлагаемых программ является лечение такой больной экономики... В действительности же, по-видимому, правильнее будет говорить о наличии в России больной "неэкономики", чье "здоровое" состояние находится не в будущем, а уже в прошлом⁸. Это можно выразить иначе. В России продолжает господствовать хозяйственная система, находящаяся на дорыночном, по сути, доэкономическом уровне развития. Поэтому у нас нельзя реформировать экономику. Она еще не появилась как определяющий этап хозяйственных отношений, но тем не менее возможны хозяйственные реформы, направленные на формирование предпосылок и очагов экономики. Первую концепцию, составляющую элемент абстрактного либерализма⁹, можно назвать концепцией "больной" или подавленной экономики. Предполагается, что ранее существовавшая нормальная экономика была подавлена политическими средствами. Другую концепцию можно назвать концепцией больной "неэкономики". Однако это название не раскрывает ее сути. Я предпочитаю определить это хозяйство как господство монополии на дефицит. Вкратце ее суть заключается в следующем. В условиях раскола, в частности, между ростом потребности государства и граждан в потреблении и одновременно оставанием потребностей в соответствующем развитии воспроизводства, овладении и стимулировании соответствующих видов труда, возникает патологическая хозяйственная система. Ее возникновение возможно на основе дорыночных рентных отношений при одновременном росте разделения труда. При этом определенные условия приводят к тому, что каждая ячейка производства, распределения превращается в некоторую естественную монополию в соответствующем регионе, ареале. В условиях господства монополии на дефицит находятся все производственные ячейки, все хранители ресурсов. Монополия на дефицит как дорыночное по своей природе явление существенно отлична от монополии на Западе, возникающей из ры-

---

⁸ Реформа без шока. Выбор социально-приемлемых решений. М.; Сан-Франциско, 1992. С.30-31.

⁹ Матвеева С.Я. Консервативный либерализм в современной России // Общественные науки и современность. 1993. №2; Ахизер А.С. Кризис либерализма в современной России // Либерализм и демократия: опыт Запада и перспективы России. М., 1992. Вып. 1.

ночных отношений. Для общества, где господствует монополия на дефицит, характерна пронизывающая все общество напряженность, несущая в себе, с одной стороны, стремление каждого укрепить свои позиции, свой статус как держателя монополии на дефицит, и с другой стороны - укрепить свои позиции как потребителя, проникая в сложившуюся систему циркуляции дефицита.

Носитель монополии на дефицит вовсе не должен захватывать господство в масштабе всего общества своими товарами. Например, булочная, снабжая хлебом ограниченный ареал, является монополией, если потребитель не имеет возможности по самым разным причинам обратиться в другую булочную, или он испытывает при этом значительные затруднения. Носитель монополии на дефицит стремится использовать свой дефицит для обмена на другой дефицит. Укрепляя свою монополию на дефицит, субъект-сообщество вовсе не должен расширять производство, улучшать качество продукции, заниматься прочими хлопотными делами. Вместо этого он стремится держать потребителя за горло, определенным образом затрудняя доступ к дефициту тем, кто не занимает соответствующего места в сложившейся системе циркуляции дефицита, открывая его лишь тем, кто сам имеет необходимый дефицит. Деньги, финансовое состояние здесь играют второстепенную роль.

Из двух концепций сути нашей хозяйственной системы вытекают две разнородные, в некотором смысле противоположные теоретические основы для формирования прогноза. Реакция реальной хозяйственной системы на то или иное мероприятие, например, на "либерализацию цен", не может соответствовать одновременно двум исключаящим друг друга теориям. Прделанный анализ¹⁰ недвусмысленно показывает, что практически, реакция хозяйственной системы на "либерализацию цен" 1992 года не соответствует закономерностям рыночного хозяйства, но вполне соответствует реакции хозяйства, где господствует монополия на дефицит.

Отсюда вывод: теоретическая ошибочность ставки на быстрое достижение господства рыночных отношений в обществе является одновременно ошибкой в соответствующем прогнозе. Неадекватность этой концепции хорошо выявляется, например, в словах президента акционерного общества "Волга" (Балашихинский целлюлозно-бумажный комбинат) В.Лопухина - монополиста бумаги: "Я не ожидал, что при мизерном произ-

---

¹⁰ *Аннезир А.С.* Россия: критика исторического опыта. 2-е изд. Т.1,ч.3 (в печати).

водстве не будет спроса"¹¹. Теория не предусмотрела, что сообщества-держатели монополии на дефицит будут реагировать на попытки столкнуть их в рынок попыткой укрепить свою монополию, уменьшая производство, во-вторых, она не подсказала, что укрепление монополии на дефицит имеет свой предел, когда дефицит переходит те рамки, за которыми начинается общее удушье общества. На попытку правительства вынудить предприятия вступить в невиданные и неслыханные для них рыночные отношения вся гигантская масса субъектов монополии на дефицит дружно ответила продолжением прежней практики. Иными словами, попыткой накопления, насколько возможно, дефицита, безгранично наращивая долги в надежде (вполне обоснованной), что высшая государственная власть все спишет, что "либерализация цен" позволит все переложить либо на потребителя, либо, через наращивание долгов, на государство. Председатель комитета приватизации Верховного Совета РФ П.Филиппов сказал: "Ростсельмаш" покупает у металлургов сталь по завышенной цене, покрывая их раздутые расходы, закладывает в цену комбайнов "Дон" помимо необоснованных затрат металлургов свои собственные, затем "продает" продукцию Главсельснабу, записывая долг последнего в свой актив. Начальник Главсельснаба, в свою очередь, не сомневается в том, что государство, поупрямившись, оплатит в конце концов нужную народному хозяйству продукцию. Такая технологическая цепочка, по которой практически действуют все 150 тысяч госпредприятий России, и явилась источником кризиса взаимных платежей"¹². Все это - свидетельство краха возможности что-либо понять с точки зрения рыночной концепции, но легко объяснимо победой субъектов монополии на дефицит на уровне предприятий, капитуляцией центра государственной власти как субъекта этой монополии. Те патологические процессы, которые существовали уже давно, приобрели массовый характер. Важная победа над центром как субъектом монополии на дефицит 150 тысяч субъектов монополии на дефицит была одержана 28 июля 1992 года, когда Центральный банк РФ распорядился предоставить госпредприятиям кредиты на погашение задолженности, т.е. санкционировал все, включая и "беспредел" в издержках и поставки ненужной потребителю продукции.

---

11 *Огнев И.* Бумага есть. Но газетам она не по карману//Известия. 1992. 14 авг. С.2.

12 *Ланцман М.* Итоги гайдаровской реформы подведены//Независимая газ. 1992. 5 авг.

Неадекватность концепции подавленного рынка делает необходимым разработку конкретного прогноза на основе концепции господства в обществе хозяйственной системы монополии на дефицит. Дело в том, что в условиях господства этой хозяйственной системы внутреннее напряжение большинства хозяйственных субъектов, занятых поисками ресурсов, превращается не столько в поиск путей, средств получения денег, не столько в стимуляцию предпринимательства, торговли, изобретательства, производства и т.д., сколько в стремление накапливать и использовать дефицитные натуральные ресурсы для подчинения себе окружающей социальной среды, для получения доступа к ресурсам этой среды.

Господство монополии на дефицит возрастало с каждым актом разделения труда, с каждым актом специализации как особая форма рентных, дорыночных отношений. Разделение труда при отсутствии рынка усиливало зависимость каждого общественного субъекта в специфическом естественном дефиците. Эта система, пронизывающая каждую клеточку общества бесконечными каналами циркуляции дефицита, обладает мощной силой самозащиты.

5. Специфика хозяйства в основе хозяйственного прогноза

Прогнозирование системы монополии на дефицит составляет одиннадцатый шаг прогнозирования. Он имеет важное значение для прогноза динамики общества в целом, требует выделения типов субъектов монополии на дефицит. Последние делятся по крайней мере на три группы, борющиеся за господствующее положение в обществе, что порождает конфликт ценностей¹³. *Смена этого господства в значительной степени связана со сменой этапов модифицированного инверсионного цикла.*

Высшей формой монополии на дефицит является центральная власть. В период правления Сталина именно эта форма дефицита получила преобладающее значение в обществе. Высшая сакральная точка в обществе превратилась в единственного, по крайней мере в тенденции, монополиста. На этапе правления Н.Хрущева владение дефицитом концентрировалось в ведомствах и регионах, которые вступили друг с другом в ожесточенную борьбу. Эта борьба в рамках хрущевского этапа завершилась победой регионов, региональных держателей дефицита

---

13 *Матвеева С.Я.* Модернизация общества и конфликт ценностей // Проблемы прогнозирования. 1992. №4.

(совнархозы). Сегодня общество переживает стремительное смещение держателей дефицита вниз, вплоть до небольших сообществ, владеющих дефицитом (колхозы, предприятия, магазины и т.д.), как говорил Вяземский: "Колежский регистратор - почтовой станции диктатор".

Возможность прогнозирования динамики системы монополии на дефицит заключается в том, что в результате внутреннего раскола общества ни одна из имевших место форм подобной хозяйственной системы не является устойчивой и в достаточной степени функциональной. Это повышает неустойчивость системы, ускоряет в ней динамические процессы и открывает возможность некоторой последовательности смены одной формы монополии на дефицит другой. Двенадцатый шаг прогнозирования - анализ динамики смены господствующих типов этих монополий.

Изменение содержания монополии на дефицит, переход господствующего положения от одного уровня монополии к другому вписывалось в смену этапов цикла, что явственно различимо во втором (советском) периоде. Прогнозирование циклической динамики осложняется попыткой общества усилить товарно-денежные отношения, т.е. оттеснить борьбу монополий на второй план, в конечном итоге уничтожить эту хозяйственную систему. Это особенно наглядно проступает в современных попытках реформ.

Рыночно-финансовая реформа, видимо, вопреки ожиданию самих реформаторов, не закончилась социальным взрывом. Для прогноза необходимо выявить возможность воздействия друг на друга обеих хозяйственных систем: доэкономической, т.е. системы монополии на дефицит, и экономической, товарно-денежной, рыночной, массового поведения в этой ситуации.

Объективно попытку реформаторов перевести хозяйство на рыночные отношения следует рассматривать как результат стремления восстановить некоторое подобие дуальной хозяйственной системы, существовавшей до февраля 1917 года, т.е. системы хозяйства, состоящую из элементов, прямо или косвенно подчиненных государственному управлению, и из элементов, включающих развитие капиталистических механизмов и отношений. До сих пор недооценивается, что в стране в то время сложился "химерный двухформационный уклад. Индустрия была лишь островом в гниющем феодальном море"¹⁴. Тогда финансово-денежная система была устроена таким образом, что она

---

¹⁴ *Симония Н.А.* Что мы построили. М., 1991. С.97.

стремилась обеспечить принудительную перекачку ресурсов. Это касалось и значительной части крестьян, вынуждаемых продавать необходимую им самим продукцию собственных хозяйств на рынке, что впоследствии было упрощено до продразверстки. Сегодня путь прямых экспроприаций представляется невозможным, ибо сила локалистских тенденций столь велика, что каждая производственная ячейка превратилась в мощный бастион, препятствующий изъятию ресурсов, и одновременно в источник требований дотаций и разных льгот. В качестве важнейшего средства усиления притока ресурсов локальные центры стремились использовать освобождение от контроля цен, поэтому попытка "либерализации цен", начавшаяся, вообще говоря, давно, была, фактически, отступлением высшего центра власти перед напором локализма, мощного блока монополий на дефицит среднего и нижнего уровней. Разумеется, такое массовое всеобщее повышение цен с экономической точки зрения абсурдно, так как само по себе оно не создает рынка и ухудшает использование ресурсов. В условиях господства доэкономической хозяйственной системы оно означает лишь *очередной виток изменения в соотношении между разными уровнями монополистов, перемещения центров монополии вниз*. Рынок в этих условиях развивается как элитарный, т.е. ограниченный. Он охватывает узкую группу потребителей, обладающих особо высоким доходом. При этом основная масса потребителей, которая раньше при господстве высшей власти, бывшей источником дефицита, получала определенный паек или пайку, теперь оказалась оттесненной от каналов дефицита. В элитарном рынке сами деньги становятся средством защиты монополии на дефицит от множества потребителей, не обладающих соответствующим дефицитом. Производителя такая система вполне устраивает, так как он не заинтересован ни в росте производства, ни в быстроте реализации. Более существенен для него интерес - закрепить зависимость от своего дефицита ограниченного круга потребителей. Возможна такая система лишь при отсутствии массового рынка и удовлетворяющего его массового производства. Производитель вполне может существовать при крайне узкой группе богатых потребителей. Выявилась четкая закономерность: развитие элитарного рынка идет за появлением групп, получающих высокий доход, с большим отрывом от среднего. "Большинство отечественных и иностранных специалистов, занимающихся дифференциацией населения по доходу, считают, что чем больше разрыв в доходах высокооплачиваемых слоев населения и среднего потребителя, тем больше давления на цено-

вую конъюнктуру оказывает спрос "опережающей группы"¹⁵. Существует, однако, важное социальное препятствие функционированию такого порядка. Он возможен, если потребители, отнесенные от дефицита, кормятся в своих натуральных хозяйствах. Мировая история не знает моментального перехода к зависимости от рынка всех слоев общества, которые долго и упорно в значительной части держались своих нерыночных источников еды, одежды и т.д. Однако одна из парадоксальных особенностей России заключалась в том, что эта возможность для значительной части населения в результате индустриализации и коллективизации была уничтожена и миллионы людей вынуждены были обратиться за ресурсами к государству. Сложился абсурдный порядок. Выход из него государство нашло в политике социальной защиты, т.е. в попытках непрерывно повышать номинальный доход граждан за счет инфляции, т.е. попыток предоставить возможность каждому удержаться в ситуации роста значимости денег. Однако эти попытки подрывают саму идею развития рыночных отношений. Дальнейший хозяйственный прогноз, следовательно, должен включить прогноз борьбы вокруг альтернативы: "порождение в условиях господства системы монополии на дефицит элитарного рынка - максимальное расширение рынка, доступного всем и каждому". Первая тенденция стимулируется бесчисленным множеством монополий на дефицит, теми слоями, которым удается быстро, резко, многократно увеличить денежный доход. Ко второму полюсу тяготеет высшая власть, опирающаяся на остатки своей монополии на дефицит, а также массовый потребитель, не способный, однако, к организованной и эффективной стратегии, но несущий угрозу возмущения. Однако общая слабость рыночных сил означает, что борьба между этими полюсами есть борьба двух форм отрицания рынка. С одной стороны, - замыканием его в узких рамках элитарной группы потребителей, с другой - попыткой подключить каждого человека к рынку, увеличивая его снабжение деньгами, т.е. порождая инфляционные процессы. Обе тенденции противоречат друг другу, создавая весьма сложную картину. Тем не менее, где-то в недрах этой борьбы скрываются элементы реального рынка, которые также оказывают влияние на ход событий и в определенных ситуациях могут активизироваться, что вынуждает доэкономическую систему монополии на дефицит использовать рыночные формы. Собственно, любая реформа, направленная на развитие

---

15 Кириченко Н., Шмаров А. ЦБ отложил инфляцию на светлое завтра. Светагст...//Коммерсантъ. 1992. 16-22 июня. №25. С.8.

рынка, по сути, и должна выделить эти силы из сложной картины общества и оказывать им соответствующую поддержку.

Силы реального рынка продолжают оставаться слишком слабыми, чтобы в ограниченный срок занять господствующее положение в хозяйстве страны. Отсюда следует, что логическим предметом прогнозирования развития рынка должна быть не полярная противоположность: "рынок - нерынок", но постоянный поиск меры отношения между этими полюсами, некоторый маршрут меры движения общества между полярностями. Необходимо стремиться организовать, стимулировать живые силы общества для смешения движения этой меры к полюсу рынка¹⁶. Путь к рынку у нас - это прежде всего поддержка реальных его элементов, которые сегодня сами в значительной мере вовлечены в конфликт разных типов монополий. Поэтому борьба за рынок возможна лишь как борьба с порядком, постоянно рождающим из себя имеющее архаичные истоки стремление каждого хозяйственно активного человека, социального субъекта найти "крышу", т.е. монополиста, обеспечивающего социальную защиту и поток дефицита. Это говорит о значительной, хотя и разрозненной дезорганизованной социальной базе монополий.

Государство, опираясь на закон, на активные рыночные силы, может сегодня в меру своих ограниченных возможностей оттеснять монополии, но лишь в той степени, в какой вакуум в результате этих ограничений будет заполнен не другими монополиями, но реальными рыночными силами.

Следовательно, в хозяйственной сфере пока не обнаружено основания для прогнозирования существенного в кратчайшие сроки сдвига в соотношении инверсии и медиации. *Нет оснований для отказа от прогноза, что общество стоит перед высокой вероятностью дальнейшего сохранения модифицированного инверсионного цикла.* Это не означает, что само изменение меры между рыночными и другими элементами хозяйства будет тождественным этому движению в прошлых циклах. Однако рост массового дискомфортного состояния в результате неудачи поворота к рынку неизбежно усиливает предпосылки инверсии в ущерб медиации.

6. Прогноз периода и этапов

Хозяйственная ситуация, как впрочем и политическая, важна для целостного прогноза не сама по себе, но как фактор,

---

¹⁶ Ахизер А.С. Какой рынок нам нужен // Вестн. АН СССР. 1991. №8.

во-первых, определяющий возможности сдвигов в модифицированном инверсионном цикле, и во-вторых, зависимости этих процессов от исторически сложившихся циклов. Слабость сил рынка, которые могли бы сдвинуть, качественно изменить соотношение между инверсией и медиацией позволяет, как уже говорилось выше, прогнозировать высокую вероятность дальнейшего развертывания исторически сложившегося цикла. Очевидно, сегодня можно сделать вывод о высокой вероятности продолжения борьбы разных форм монополии на дефицит, осложненной элементами рыночного хозяйства в условиях дальнейшего развертывания циклов. В рамках первого этапа современного (третьего) периода, т.е. в рамках краткосрочного прогноза можно *прогнозировать постепенное истощение возможностей локализма*, постепенный рост негативной реакции на него, массового дискомфорта состояния, вызванного нарастанием локалистских тенденций. Отсюда высокая вероятность прогноза нарастающих попыток преодолеть нефункциональность локализма через усиление стремлений, возможно в ограниченных масштабах, сдвинуть вновь вверх монополию на дефицит, т.е. усилить центральную власть. Этот сдвиг может совпадать с усилением авторитаризма. Можно предположить, что чем сильнее будут разорение, междоусобицы, хозяйственная разруха, тем острее может оказаться инверсионный поворот к интеграции на основе авторитаризма. Однако чем сильнее будет подобный поворот, тем больше вероятность достижения кратковременного эффекта, но последующим ответом на него будет новое ослабление интеграции, новое усиление локализма, т.е. повторение исторически сложившихся циклов. Будущее страны будет зависеть от роста медиации, прогрессивного развития, от оттеснения циклов на задний план социокультурной жизни общества. Тем не менее в дальнейшем можно ожидать новые смещения колебательных движений между разными уровнями монополии на дефицит. Существует опасность, что срыв реформы, постоянное ухудшение хозяйственной ситуации, снижение жизненного уровня ускорит этот процесс. Не исключено, однако, что спонтанный рост торговли, рынка даст предпосылки для сдвигов модифицированного инверсионного цикла к полюсу медиации. Однако на основе сегодняшних знаний трудно дать достаточно точный прогноз этого процесса.

Для среднесрочного прогноза необходимо прежде всего обратить внимание на то, что третий глобальный период в определенном смысле является инверсионной реакцией на второй, т.е. советский период, точно так же как второй был реакцией на первый. Третий период является реакцией на антилиберальный по-

рядок и идеологию, на государственный террор и нивелировку личности. Поэтому на уровне ценностей он возник как либеральный, как попытка перехода к либеральной цивилизации. Главное отличие между периодами заключалось в том, что, если переход от первого ко второму периоду происходил на основе уничтожения накопленного богатства культуры, подавления медиации, последовательного избиения наиболее культурного и квалифицированного слоя людей, уничтожения материальных носителей культуры, то при переходе к третьему периоду массовые разрушительные для культуры эксцессы практически не наблюдались. Важное отличие заключается в том, что в России отсутствует сейчас массовый эмоциональный манихейско-мессианский накал, ведущий в конечном итоге к погромам и разрушениям. Вооруженный мятеж группы экстремистов в октябре 1993 года подтверждает этот вывод, так как эксцессы не вызвали в стране ни поддержки, ни подражания.

Развитие без эксцессов открывает позитивные возможности для дальнейшего накопления культурного богатства, исторического опыта, для развития медиации, что выступает необходимым условием для прогрессивных сдвигов в инверсионных модифицированных циклах. Это несомненно позитивный вывод, однако он не исключает существования опасных тенденций, ведущих в противоположную сторону. Во-первых, исторический низкий исходный уровень медиации, господство в обществе до последнего времени инверсионного метода принятия решений делает трудным и длительным достижение существенных сдвигов, которые по масштабам способны воздействовать на динамику общества. Во-вторых, ослабление мессианского накала по сравнению с прошлым может ослабить масштабы авторитарной инверсии. Одним из последствий общей слабости культурных интеграторов может быть ситуация, когда инверсионная волна разобьется на локальные волны, и авторитаризм, как и другой идеал, сможет замыкаться в отдельных регионах страны при общем ослаблении центра. Этот вариант развития, чреватый конфликтами и застоєм, невозможно исключить из рассмотрения. В свете этой возможности неизбежно напрашивается вывод, что Россия переживает значимый упадок нравственных сил, который может иметь весьма негативные последствия. В этом выводе укрепляет также опыт второго (советского) периода, который можно рассматривать как носящий допинговый характер. Большевиизму удалось ценой неслыханных жертв объединить в нерасчлененное целое определенные мессианские элементы культуры, массовое стремление к уравнительности, ненависть ко злу, в его разнооб-

разных мифологических формах, исключая друг друга интерпретации, что вместе создало мощный накал социальной энергии, обеспечивший интеграцию общества. Это позволяет рассматривать второй период как звездный час Великой имперской России, на новое повторение которой в обозримый период уже не хватит нравственных сил. Следует стремиться к ослаблению крайних разрушительных поворотов социокультурной динамики, что откроет путь медленному накоплению конструктивного опыта, не ориентированного на чудо, но обеспечивающего прогресс.

События октября 1993 г. можно рассматривать как определенную "прививку" против гражданской войны. Их можно оценивать как столкновение архаичной вечевой стихии с либерализмом, модернизацией, товарно-денежными отношениями. Новизна сложившейся ситуации в том, что впервые в истории страны вооруженное столкновение либерализма и вечевой стихии завершилось победой либерализма. Это, без сомнения, открывает новые возможности для движения общества по либеральному пути, хотя и ставит перед либералами задачи беспрецедентной сложности. Это движение не может избежать старой российской альтернативы между авторитаризмом и локализмом, что в современных условиях может приобрести форму альтернативы господства гибридных либерально-авторитарного или либерально-соборного идеалов. Хотя возможно делать эту альтернативу все более мягкой, вялой, искать путь формирования либерально-почвенного идеала¹⁷. После подавления мятежа в октябре 1993 года возникли некоторые признаки движения к авторитаризму.

Прогноз социокультурной динамики, ее "больших волн" никогда не может быть окончательно завершен. Он всегда требует дальнейшей конкретизации, превращения тех событий, которые прошли с момента окончания формирования последнего варианта прогноза, из прогнозируемого вероятного элемента в реализованное, подлежащее обобщению прошлое. Этот процесс непрерывен, и постоянное накопление исторического опыта, так же как и критика этого опыта, должны дать основу для все более эффективного прогноза, для прощупывания новых возможных альтернатив.

Социокультурная модернизация в России - всего лишь один из многих шагов в социокультурной динамике общества, одно из

---

¹⁷ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.3. (Социокультурный словарь). С.162-163.

конкретных требований к нему. Однако и успешная адаптация в изменяющихся условиях сложного современного мира, и в конечном итоге, ответ на "вызов истории" возможны лишь в том случае, если общество сумеет, несмотря на многочисленные препятствие и опасности, выдержать свой исторический "экзамен", осуществить те необходимые преобразования, которые включают и изменения в ценностях, и в социальных отношениях, и в типах воспроизводства. В этой книге эти необходимые изменения были обозначены как путь социокультурной модернизации, осознание неизбежности цивилизационного сдвига.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Часть первая. ЧЕЛОВЕК И ЦЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ	14
Глава 1. ЦЕННОСТИ, КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	14
1. Теория культуры - методологическое основание изучения ценностей.....	14
2. Воспроизводственная деятельность и ценности социальных отношений.....	18
3. Социокультурное противоречие и социокультурный закон.....	28
Глава 2. КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ - СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	37
1. Экстраполяция и интерпретация - механизмы социокультурных изменений.....	37
2. Типы цивилизаций и общественное развитие.....	46
3. Ценностные предпосылки совершенствования социальных отношений.....	62
Глава 3. ЦЕННОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ	74
1. Суть модернизации в стране.....	74
2. Социокультурная морфология модернизации: некоторые методологические соображения.....	79
3. Содержание модернизационных ценностей до Второй мировой войны: возвращение к традиционализму.....	83
Глава 4. ОБЩЕСТВО "НИЗШЕГО КЛАССА"	96
1. Сдвиг в сторону прагматизма.....	96
2. Социальное расслоение в соотнесении с процессами модернизации.....	107
Часть вторая. ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМАХ КУЛЬТУРЫ	118
Глава 5. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И ЦЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ	118
1. Новое общество и бывшие люди.....	119
2. Молодежь: восставшие рабы родительских предрассудков.....	129
3. Упрощение как процесс и результат.....	138
Глава 6. КРИЗИС ЦЕННОСТЕЙ: ИДЕОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА	147
1. Истина или ценность.....	148
2. Неустрашимость идеологии.....	150

3. Социальная наука и массовые ценности.....	152
Глава 7. НАЦИЯ, ДЕМОКРАТИЯ, ПРАВА ЛИЧНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОД ВЕТРОМ ПЕРЕМЕН	157
1. Культура свободы	157
2. Типы сознания, противостоящие демократии	160
3. О демократии в условиях узости ее социальной базы.....	166
Часть третья. НА ПУТИ К МОДЕРНИЗИРОВАННОЙ КУЛЬТУРЕ: ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	174
Глава 8. ВОЗМОЖЕН ЛИ В РОССИИ СИНТЕЗ КОНСЕРВАТИВНЫХ И ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ?	174
1. Либерал-радикальный проект в консервативной среде	175
2. Типы консерватизма в современной России	177
3. Консервативный либерализм: содержание и функции.....	180
4. Основное противоречие либерализма в России	187
Глава 9. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ЦЕННОСТИ В МАРГИНАЛЬНОЙ СРЕДЕ	194
1. Социокультурные группы.....	195
2. Степень готовности социокультурных групп к восприятию предпринимательских ценностей	197
3. Как возможно "внедрение" в общество ценностей предпринимательства	203
Глава 10. МАССОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА РЕФОРМ	210
1. Реформа как инновация.....	210
2. Требования к реформе.....	213
Глава 11. ИЗЖИВЕТ ЛИ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС? (ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОГНОЗА)	226
1. Категориальный аппарат прогнозирования.....	226
2. Модифицированные циклы динамики	228
3. Проблема альтернативы в прогнозе.....	234
4. Факторы альтернативной динамики.....	235
5. Специфика хозяйства в основе хозяйственного прогноза	240
6. Прогноз периода и этапов	244

Научное издание

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ И КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Редактор *Н.В.Ветрова*
Художник *В.К.Кузнецов*
Корректор *Н.П.Юрченко*

Лицензия ЛР №020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 26.04.94.
Формат 60х84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 15,56. Уч.-изд.л. 15,41. Тираж 500 экз. Заказ №030.

Оригинал-макет подготовлен к печати в Институте философии РАН
Оператор *Т.В.Прохорова*
Программист *Е.Н.Платковская*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119842, Москва, Волконка, 14